

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

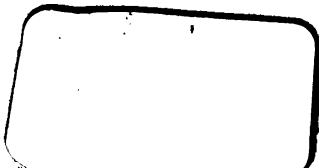

HN E7VP V

214V 7170-533 (3)

**HARVARD
COLLEGE
LIBRARY**

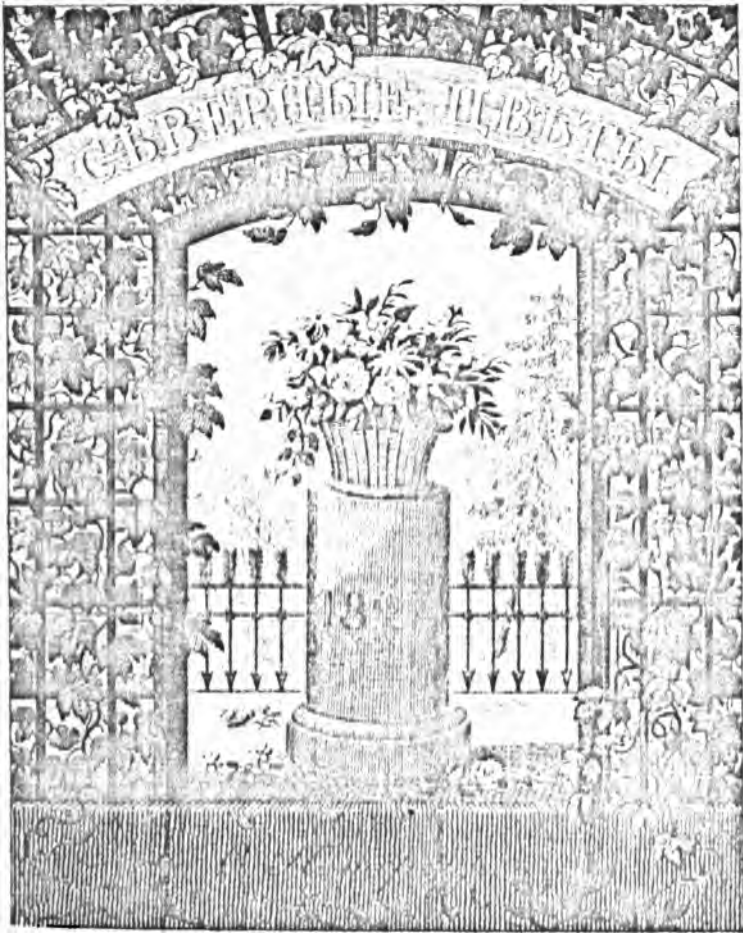
**This "O-P Book" Is an Authorized Reprint of the
Original Edition, Produced by Microfilm-Xerography by
University Microfilms, Inc., Ann Arbor, Michigan, 1965**

1644

1644

Slav 4170-555 (3)

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
23 AUG 1965

Digitized by Google

А. Д. С. А.

№ 10
С Ѣ В Е Р Н Ы Е

Ц В Ѣ Т Ы

НА 1827 ГОДЪ.

ИЗДАНЫ

БАРОНОМЪ ДЕЛЬВИГОМЪ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1827.

PG 3201

55

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, а
выпуска изъ типографіи, представлен
было въ Главный Цензурный Комитетъ
семь экземпляровъ сей книги, для про
провожденія куда слѣдуетъ, на основа
ніи узаконеній. Санктпетербургъ, Ян
варя 18 дня 1827 года.

*Цензоръ Надворный Совѣтникъ и Кава
леръ И. Гаевскій.*

104837 |
107

О Г Л А В Л Е Н И Е.

П р о з а.

	Стран.
О состоянии Художества въ Россіи	3
Письмо къ С. изъ Гошенбурга	30
Русая коса	49
Чудесная сопутница	75
Примѣчательный слѣпой	85
Осенніе дни	98
Отрывки писемъ изъ Италіи	105
Развалины Альмодонарскія	130
Выдержки изъ записной книжки	146
Юродивый	159

П о э з і я.

Письмо Татьяны	214
Немѣстный цвѣшокъ	224
А. А. В — ой	226
Подражаніе Шанобрану о раззореніи Рима и о возстановленіи Христіанства	227
Три розы	230
Немѣстные глаза	231
18 Апрѣля	232
Рыбаки	234
Вештау	256
Сельская сирота	257
Пшичка	259
На древнюю вазу	260
Волшебный садъ	—
Луная ночь въ Кремль	263
Пѣсни	265
Отрывокъ изъ Мюльнеровой трагедіи: Die Schuld	267

	Спран.
Сербскія пѣсни	269
Несчастному	281
Ошрывокъ изъ 3-й главы Евгенія Онегина	282
Пляска	285
Садовникъ	288
Приключеніе	289
Влестія	290
Орелъ и человекъ	291
Пѣснь Грека	292
Августъ мѣсяцъ	294
Слезы прощанія	296
Телема и Макаръ	297
Диониромбъ	302
Разсудокъ и сипрасть	304
Къ брану	305
Сонъ злодѣя	306
Воспоминаніе. (Изъ Ламартина)	307
Эпиграмма	310
Друзья. (Идиллія)	311
Воспоминаніе	317
Одиночество	318
Фіалка	321
Сонъ. (Изъ Байрона)	322
Въ Альбомъ А. Н. В-фъ	329
Наяда	330
Величіе міра. (Подражаніе Шиллеру)	—
Эпиграмма	332
Подражаніе Арабскому	333
Ночь	334
Вогдановичу	335
Геній-Хранитель. (Сювидѣніе)	339
Къ ***	341
19 Октябрю	342

П Р О З А.

О С О С Т О Я Н И И

ХУДОЖЕСТВЪ ВЪ РОССІИ.

Письмо V. (*)

Еще разъ я послушень тебѣ, л. д.! Ты желаешь, чибобы я продолжалъ говорить съ тобою о художествѣхъ въ Россіи. Желаніе друга мнѣ законъ. Но съ чего начать? Чемъ удовлетворишь несытому любопытству швоему?

Въ теченіе года Художники наши произвели довольно вещей доспойныхъ; но по одному году можно ли судить о художествѣ? Извѣстные Художники трудились, молодые шакже.

(*) Четыре письма о семъ предметѣ были напечатаны въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ 1826 года.

Исчисливъ все работы ихъ, я сказала бы слишкомъ немного, хотя нѣкоторыя стоили бы того, чтобы о нихъ разпространиться. Немного сказала бы потому, что изъ произведеній одноподобныхъ нельзя вывести заключенія безошибочнаго ни о настоящемъ состоянїи художествъ, ни о будущемъ.

И такъ я обращаю вниманіе твое на другой предметъ, нераздѣльный впрочемъ съ художествами и могущій имѣть вліяніе на состояніе ихъ въ послѣдствїи.

Общество поощренія художниковъ существуетъ уже въ Россїи семь лѣтъ: о немъ я упомянулъ въ послѣднемъ письмѣ моемъ.

А какъ составилось оно, какъ дѣйствуетъ и что можетъ сдѣлать современемъ: это будетъ содержаніемъ нынѣшняго письма.

Изъ предыдущихъ писемъ тебѣ зна-
комы художества въ Россіи, Художни-
ки Рускіе, попеченія Правительсва
о подвореніи у насъ художествъ и сли-
шкомъ не жаркое вниманіе Публики къ
прекраснымъ произведеніямъ художе-
ственнымъ и Художникамъ нашимъ по-
тому только, что они Рускіе. Веша-
рину говаривали и даже чувствовали,
такъ какъ говаривали, будипо бы и
дымъ опечесива пріятеиъ; но въ по-
вѣйшее время подобныя мнѣнія у насъ
долго были не въ модѣ и ошкременная
свѣтскость не скрывала, что пріяте-
нымъ было для нея то лишь, что
изъ-за моря.

Публика и высшая и средняя (о да
просишь меня она: не могу лгать
предъ другомъ), при всѣхъ успѣхахъ
художествъ, при всѣхъ примѣрахъ Пра-
вительства, не щадившаго ничего для
воспитанія и поощренія художествъ

въ Россіи, не имѣла по пристрастію къ иностранцамъ ни полного довѣрія, ни даже соразмѣрнаго достоинствамъ уваженія къ Художникамъ опечесивеннымъ. Опъ сего успавали только дарованія великія и собственною силою своею созрѣвшія; но едва развипшіяся, или развивающіяся сохли какъ цвѣты, перенесенные подъ чужое небо и брошенныя безъ призора. Говоря подобіемъ: нѣсколько капель воды во время могли бы оживить ихъ, но не было рукъ заботливыхъ.

Съ 1812 года война за опечество по дѣйствовала на умы. Русское, опечественное получило цѣну въ глазахъ даже любителей иноземнаго, и Публика (конечно не вся) жалѣла иногда уже опомъ, что молодые Художники, не имѣя занятій достойныхъ, уклонялись на другіе пути, далекіе опъ перваго назначенія своего и лишали, можетъ бышь, опече-

ство людей, которые при благопрі-
яслівующихъ имъ обстоятельствѣхъ
сдѣлали бы честь ему. Но она жалѣла
иногда, а Художники все осмѣивались
безъ пособія и вниманія.

Наконецъ въ 1820 году три особы,
убѣжденные въ истинѣ, что частные
люди, соединясь въ Общество для
поддержанія тѣхъ, кои въ Правитель-
ство образуютъ для пользы общей,
могутъ мало по малу, или, какъ Римляне
говорили, *спѣша медленно*, сдѣлають мно-
го добраго, рѣшились составить Об-
щество поощренія Художниковъ. Цель
его слѣдующая: «всеми возможными
средствами помогать Художникамъ,
оказывающимъ дарованія, способство-
вать распространенію всѣхъ изящ-
ныхъ художествъ и разными полезны-
ми и пріятными изданіями (художест-
венными) угождать публикѣ.»

Учредители сии были: Петръ Андреевичъ Кикинъ , Князь Иванъ Алексеевичъ Гагаринъ и Александръ Ивановичъ Дмитриевъ-Мамоновъ.

Для первоначальныхъ дѣйствій составлены ими капиталъ и постановлены условія Членовъ. Управление дѣлами Общества предоспавлено Комитету, составленному изъ Членовъ, избранныхъ въ полномъ собраніи Общества , который даетъ оному ежегодный отчетъ.

Средства Общества заключаются во взносахъ отъ Членовъ и суммахъ : выручаемой продажей художественныхъ произведеній ; ежегодно жалуемой Государемъ Императоромъ Покровителемъ Общества , и частію увеличиваются входящею въ Общество отъ мѣстъ и лицъ , обращающихся къ нему съ просьбою о посредствѣ

его въ заказъ художественныхъ произведеній.

Правительство всегда обращаетъ благодѣтельное вниманіе свое на итъ начинанія, кои достойны его покровительства или ободренія. Общество поощренія Художниковъ осчастливлено было Монаршимъ благоволеніемъ. Это утвердило и возвысило его. Нынь число Членовъ Общества простирается до семидесяти, а издержки, употребленныя уже на предметы, цѣлю его опредѣленныя, до двухъ сотъ тысячъ рублей.

Для свѣдѣнія прилагаю списокъ Членовъ, въ которомъ означены они по старшинству вступленія. Въ немъ ты увидишь, что по крайней мѣрѣ двѣ трети Членовъ принадлежатъ къ числу вельможъ нашихъ, изъ коихъ нѣкоторыя давно извѣстны славнымъ и полезнымъ служеніемъ своимъ отечеству.

О составѣ и средствахъ Общества поощренія Художниковъ довольно. Поговоримъ о дѣйствіяхъ.

Мѣры, которыя Общество находило съ цѣлію его сообразнейшими, заключались въ дославленіи молодымъ Художникамъ такихъ занятій, кои, бывъ соразмѣрны ихъ способностямъ, служили бы вмѣстѣ съ тѣмъ для нихъ самихъ средствомъ къ оказанію дальнѣйшихъ успѣховъ и вмѣстѣ съ тѣмъ были бы для публики пріятны и полезны.

Для сего съ самаго учрежденія Общества занимаемы были Художники Липографическими рисунками, во первыхъ по той причинѣ, что всякой почти рисовальщикъ можетъ съ успѣхомъ трудиться по сей отрасли Искусства, а во вторыхъ потому, что Липографическіе рисунки могутъ скорѣе продажею ихъ возвращать капиталъ Об-

щества, и следовательно умножать способы его для дальнейших предпріяній.

Литографическія изданія заключались доселѣ:

Въ рисункахъ съ картинъ;

Въ рисункахъ оригинальныхъ;

Видахъ С. Петербурга и окрестностей;

Образцахъ для начинающихъ учиться рисованью;

Рисовальной Школѣ, лучшей извѣстной доселѣ, съ Ревердена;

Въ прорисяхъ съ головъ и оконечностей изъ картинъ Рафаэловой: Преображеніе и другихъ мѣлкихъ произведеній.

Изъ числа Литографическихкихъ рисунковъ нѣкоторыя отличны и могутъ почесаться истинно превосходными.

Но поелику одни рисунки на камень не могли служить занятіемъ для всѣхъ

вообще молодых художниковъ, имѣвшихъ нужду въ ономъ, но Общество желало посредствомъ гравированія на мѣди употребить съ пользою труды итконопорыхъ. По сей часи произведены слѣдующія работы:

Планы и фасады Богоугодныхъ заведеній и станціонныхъ домовъ, по порученію Министерства Внутреннихъ дѣлъ.

Планы, фасады и разрѣзы съ детальными чертежами образцовыхъ церквей по порученію того же Министерства.

Собраніе примѣчательнѣйшихъ зданій и памятниковъ С. Петербурга: изданіе предпринятое Обществомъ и скоро имѣющее выйти въ свѣтъ.

До сего времени не было еще у насъ ничего подобнаго двумъ послѣднимъ изданіямъ по достоинству ихъ въ отношеніи художественномъ.

По другимъ частямъ художества исполнены слѣдующія работы :

Написанъ иконостасъ въ церкви Александровской мануфактуры.

Написаны икопория карпины по заказу Общества и другія производятся нынѣ.

Сдѣланы рисунки Американскихъ видовъ по волю почивающей въ Возѣ Государыни Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ.

Дѣланы были разные Архитектурныя чертежи для Общества.

Такъ какъ рѣзба на камнѣ наименѣе представляеть у насъ случаевъ къ достойнымъ занятиямъ; то Общество заказало художнику Доброхотову вырѣзать при камнѣ, изображающіе лики Петра I, Екатерины II и Александра I, а членъ Общества Графъ Д. П. Хвостовъ поручилъ ему же сдѣлать камей съ ликомъ Суворова.

Художнику Кенигу даны средства къ нужному обзаведенію для ошлітій панновъ, и значущее число ихъ въ вещахъ вынущено уже въ публичку.

Ошлітнѣ изъ бронзы статуя Актеона трудовъ Профессора Скульптуры Прокофьева для того, чтобы сохранить ее для попоминѣ какъ вещь прекрасную, на которую около придачи лишь публичка не обратила должнаго вниманія.

Общество имѣетъ въ виду оплачивать по мѣрѣ возможности изъ бронзы и другія спаришныя произведенія ошлітнѣйшихъ нашихъ художниковъ. Собраніе сихъ вѣнечныхъ произведеній для Исторіи Художествъ въ Россіи можетъ быть любопытно и современнымъ весьма драгоценно.

Наконецъ Общество поощренія Художниковъ предприняло издавать посредствомъ гравированія на мѣди Ли-

По другимъ частямъ художества исполнены слѣдующія работы :

Написанъ иконостасъ въ церковь Александровской мануфактуры.

Написаны некоторыя карпины по заказу Общества и другія производятся нынѣ.

Сдѣланы рисунки Американскихъ видовъ по волю почивающей въ Божь Государыни Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ.

Дѣланы были разные Архитектурныя чертежи для Общества.

Такъ какъ рѣзба на камнѣ наименѣе представляеть у насъ случаевъ къ достойнымъ занятиямъ; то Общество заказало художнику Доброхотову вырѣзать при камнѣ, изображающіе лики Петра I, Екатерины II и Александра I, а членъ Общества Графъ Д. П. Хвостовъ поручилъ ему же сдѣлать камей съ ликомъ Суворова.

Художнику Кенигу даны средства къ нужному обзаведенію для ошлѣтїи пашовъ, и значущее число ихъ въ вещахъ вынуждено уже въ публичку.

Ошлѣтнѣ изъ бронзы статуя Актеона трудовъ Профессора Скульптуры Прокофьева для того, чтобы сохранить ее для потомства какъ вещь прекрасную, на которую около тридцати лѣтъ публичка не обратила должнаго вниманія.

Общество имѣетъ въ виду ошлѣтывать по мѣрѣ возможности изъ бронзы и другія старинныя произведенія ошлѣтѣннѣшихъ нашихъ художниковъ. Собраніе сихъ вѣнечныхъ произведеній для Имперіи Художествъ въ Россіи можетъ быть любопытно и современнымъ весьма драгоцѣнно.

Наконецъ Общество поощренія Художниковъ предприняло издавать посредствомъ гравированія на мѣди Ли-

мографіи и Металлографіи изображенія знаменитыхъ произшествій, упрочившихъ военную, гражданскую и народную славу Россіи. Предиріашіе сіе удостоилось особенно милосердаго вниманія покойнаго Императора и Его Величество даровалъ обществу средства къ успѣшнѣйшему совершенію сего важнаго дѣла.

Общество дѣлало молодымъ художникамъ денежныя пособія и награды; многимъ было полезно ходатайствомъ и посредствомъ въ доставленіи записей.

Изъ числа первыхъ важнѣйшее сдѣлано художнику Бруни, который, находясь нынѣ въ Римѣ, предпринялъ гравированіе рисунковъ собственнаго сочиненія, для коихъ предметы заимствованы имъ изъ опшечественной Исторіи.

Къ наградамъ же между прочимъ описывается пожертвованіе Обществомъ Академіи Художествъ шрехъ золотыхъ медалей: одной большой и двухъ малыхъ для поощренія молодыхъ художниковъ, къ Академіи не принадлежащихъ и по сіе время не имѣвшихъ права входить въ соперничество съ воспитанниками Академіи. Сіе пожертвованіе положено дѣлать къ каждому публичному собранію Академіи, которое бываетъ для выпуска воспитанниковъ ея чрезъ каждые три года. Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ прошлаго 1824 года, оно уже было сдѣлано и награждены медалями, отъ Общества пожертвованными, живописцы: *Тверской, Ивановъ* и граверъ *Фридрици*.

Три молодые Художника, два брата Чернецовы Пейзажисты и Головинъ Историческій Живописецъ, обучающіеся на счетъ Общества здѣсь въ С. Пешер-

бургъ , подають весьма хорошія о себѣ надежды.

Тыроновъ , Крыловъ и еще нѣкоторые молодые Художники съ дарованіями приняты подъ покровительство Общества.

Карлъ Брюловъ Историческій Живописецъ и Александръ Брюловъ Архитекторъ отправлены на счетъ Общества въ чужіе края для усовершенствованія.

Извѣстія , получаемыя объ успѣхахъ ихъ , занятіяхъ и поведеніи , совершенно соотвѣтствуютъ пожеланіямъ о нихъ Общества.

Судя по дарованіямъ сихъ молодыхъ Художниковъ , они будутъ принадлежать къ отличнѣйшимъ нашимъ Художникамъ.

Карлъ Брюловъ занятъ нынѣ по порученію Министра Императорскаго Двора изведеніемъ для Высочайшаго Двора

копіи съ Аѳинской Школы Рафаэля Санціо , а Александръ Брюловъ Архитекторъ сдѣлался извѣстнѣе не только успѣхами въ зодчествѣ, но и какъ рисовальщикъ. Будучи въ Неаполь, онъ писалъ портреты водяными красками со всей Королевской фамиліи.

Въ заключеніе сообщеннаго мною о дѣйствіяхъ Общества я долженъ сказать себѣ объ учрежденіи онымъ здѣсь въ С. Петербургѣ *выставки* на показъ Публичкѣ и продажу всякаго рода *художественныхъ произведеній* какъ Художникамъ, такъ и Обществу принадлежащихъ. Къ учрежденію сему, которое сопряжено съ значущими издержками, Члены Общества побуждены были желаніемъ доставить Художникамъ все средства знакомить себя съ Публичкою, а Любителямъ облегчить возможность пріобрѣтать новыя хорошія вещи.

Выставка открыта въ Январѣ мѣсяцѣ 1826 года, и по сіе время публика видѣла въ ней съ удовольствіемъ труды Художниковъ извѣстныхъ и познакомилась съ произведеніями Художниковъ молодыхъ и ихъ некупецкомъ.

Не стану говорить тебѣ о Мартинѣ, Прокофьевѣ, Графѣ Толешомъ, Варникѣ, Киренскомъ, Воробьевѣ, Венеціановѣ, Ушкинѣ, украсившихъ выставку своими произведеніями. Ихъ заслуги по части художества извѣстны; но съ особенною радостію сообщу тебѣ, что произведенія Гальберга, Щедрина и братьевъ Брюловыхъ, бывшія на выставкѣ, подтвердили лестное мнѣніе знатоковъ о ихъ необыкновенныхъ дарованіяхъ.

Къ сожалѣнію я не могу послать тебѣ рисунковъ съ ихъ работъ; но, чтобы вовсе не оставилъ тебя безъ понятія о бывшихъ въ выставкѣ вещахъ, прила-

гаю два, какіе достать мнѣ было можно : первый съ портрета Варника, имъ самимъ писаннаго, и второй съ картины Щедрина, представляющей видъ крѣпости Св. Ангела съ мощнымъ и противоположащимъ берегомъ.

Въ рисунокѣ съ портрета нельзя было передать совершенствъ его. Въ подлинникѣ же необыкновенное освѣщеніе, вѣрность тоновъ, неподражаемая точность въ соблюденіи свѣта и тѣни, прозрачность тѣней, рисунокъ, словомъ все превосходно въ высшей степени.

Однѣя любитель, до чрезвычайности паченный симъ портретомъ, спрашивалъ: нѣтъ ли возможности приобрести его отъ Художника? — Но если бы Художникъ и согласился на какихъ либо условіяхъ уступить его; то всякой, кто имѣеть понятіе о художествѣ, безъ сомнѣнія пожалѣлъ бы

о томъ. Есть вещи, которыя не должны принадлежать частнымъ людямъ, и къ числу сихъ вещей принадлежатъ портреты Варинка, также, какъ и портреты Тиціана, Вандика, Веласкеца и проч., не по знанности лицъ, но по достоинству живописи украшающіе Царскія галлерей въ Европѣ.— Сказавъ это, я невольно вспомнилъ объ извѣстной картинѣ Егорова Пешнязаніе Спасителя, которая находится въ масперской у художника уже четырнадцать лѣтъ, но всегда оставалась достояніемъ Государственнымъ, и безъ сомнѣнія получитъ должное ей назначеніе. Участію многихъ твореній было невниманіе къ нимъ или равнодушіе. Но истинно достойное рано или поздно оценивается по справедливости. Причащеніе св. Геронима, картину Доминикинову также не понимали, но Пуссенъ указалъ на ея совер-

шенство, и теперь она почитается въ числѣ первѣйшихъ въ свѣтѣ. Что же до картины Егорова относима, то она не только нынѣ по силѣ и рисунку есть превосходнѣйшее и важнѣйшее произведеніе нашей школы, но очень, очень надолго такимъ останется — и даже тогда не потеряешь цѣны, когда у насъ явятся Рафаэлы и Микель-Анжелы.

Изъ рисунка съ картины Щедрина ты увидишь выборъ мѣста. Но тошь, кто знаетъ ее, не забудетъ ни прекраснаго неба, ни исполинскаго храма Св. Петра, снѣющагося вдали, ни Тибра, ни береговъ его, ни той милой вѣсти, которая умѣла такъ некусно и свободно поддѣлаться подъ натуру. Произведеніе сіе такъ понравилось въ Римѣ, что многіе желали имѣть его. Художникъ, какъ увѣряли меня, долженъ былъ повторить эшотъ

View of London

View of London from the River

видѣ восемь разъ, но любя художество и природу, не захотѣлъ бытъ копистомъ собственной работы. Всякой разъ онъ измѣнилъ воздухъ и шонъ картины, и такимъ образомъ произвелъ восемь картинъ, одну и шонъ же видѣ представляющихъ, равно оригинальныхъ. Примѣръ достойный подражанія!

Другія произведенія Щедрина, бывшія на выставкѣ, также прекрасны, и въ шомъ числѣ одинъ превосходный пейзажъ, принадлежащій Ея Сіяшельству Графини Пессельроде.

Гальберговъ бюстъ Генеральши Закревской по лѣнкѣ своей и ошработкѣ изъ мрамора превосходень.

Италіянское утро: Дѣвочка, моющаяся у фонтана, Карла Брюлова, и другія двѣ картины его же: Группа народа при входѣ въ церковь; въ коей совершается служеніе, и Старикъ съ мальчикомъ, славящіе Пресвятую Дѣву

предъ образомъ ея (Piseraġi), привле-
 ками вниманіе всѣхъ поспитиелей вы-
 ставки прелестію живописи и непри-
 нужденностію кисти живописца. Пер-
 вая картина принадлежитъ Императри-
 цѣ АЛЕКСАНДРЪ ТЕОДОРОВИЧЪ, а
 двѣ послѣднія Графинѣ Нессельроде.

Копіи съ Тиціана Созонова и съ
 Рафаэля Габерцешеля правились вър-
 носпію, съ которою переданы въ
 нихъ красоты подлинниковъ.

Изъ рисунковъ Александра Брюлова
 особенно замѣчательны были видъ хра-
 ма Юноны въ Агригентѣ. Это живая
 природа.

Работы здѣшнихъ молодыхъ худож-
 никовъ: Иванова, братьевъ Чернецо-
 выхъ, Головини, Тыронова, Крылова и
 другихъ еще нѣкоторыхъ доказали, что
 они съ даромъ и съ любовію къ искусству
 весьма успѣваютъ. Но проси меня,
 другъ мой; я началъ говорить объ Об-

цествъ Поощренія художниковъ, а заговорился о выставкѣ. Опянь доспадется мнѣ за сбивчивость.....

Виноватъ; возвращаюсь къ Обществу: дѣйствія его извѣстны тебѣ. Они дѣлаютъ честь Гг. Членамъ. Цель Общества достигается; польза существованія его очевидна и мало по малу усугубится болѣе и болѣе. Но по чемужь я говорю мало по малу, ты спросишь, когда въ числѣ Членовъ есшь особы, имѣющія всѣ способы занять важными дѣлами художниковъ извѣстныхъ и, доставивъ такимъ образомъ опечеству творенія Классическія, дашь лучшее направленіе художествамъ? На это отвѣчаю: « Цель Общества есшь поощреніе дарованій развивающихся. Частнымъ, прекраснымъ дѣломъ Членовъ, имѣющихъ способы, можетъ быть приличное занятіе художниковъ, извѣстныхъ

« уже своими дарованіями. Члены Об-
 « щества первые должны и могутъ
 « поданъ собою примѣръ публикѣ лю-
 « бить и поддерживать ихъ для поль-
 « зы, чести и славы Отечества. » И
 знаютъ отвѣтъ, слово въ слово заим-
 ствованъ изъ отчета, представ-
 леннаго Обществу за 1825 годъ Коми-
 тетомъ, управляющимъ дѣлами его.

Послѣ сего нужно ли говорить, что
 Общество можетъ сдѣлать совреме-
 немъ? Оно существуетъ гласно, соспа-
 влено изъ людей извѣстныхъ; Вельмо-
 жи наши вообще весьма образованы,
 любятъ науки и художества, готовы
 имъ покровительствовать, и мы дожили
 уже до того счастливаго времени, ког-
 да можемъ безъ стыда и говорить по
 Руски и думать по Руски и любить
 ихъ; не многихъ Рускихъ, которые
 красятъ и славятъ нашу великую и
 прекрасную Россію; следовательно

художества быстро пойдуть впередъ, и симъ много будущъ. обязаны Обществу. Увѣренъ, что я сказать правду; если же нѣтъ, то да будетъ мнѣ стыдно.

Списокъ Членовъ Общества поощренія Художниковъ.

1. Петръ Андреевичъ Кикинъ.
2. Князь Иванъ Алексѣевичъ Гагаринъ.
3. Александръ Ивановичъ Дмишрѣевъ-Мамоновъ.
4. Левъ Ивановичъ Киль.
5. Графъ Ксаверій Ксаверіевичъ Месстръ.
6. Графиня Софія Владиміровна Строгонова.
7. Графъ Федоръ Петровичъ Толстой.
8. Федоръ Федоровичъ Шубернъ.
9. Викентій Ивановичъ Гольинскій.
10. Графъ Викторъ Павловичъ Кочубей.
11. Евграфъ Ильичъ Мечниковъ.
12. Николай Александровичъ Челнщевъ.
13. Николай Семеновичъ Мордвиновъ.
14. Князь Василій Васильевичъ Долгорукій.
15. Графъ Федоръ Андреевичъ Толстой.
16. Князь Сергій Николаевичъ Салышковъ.
17. Алексѣй Захаровичъ Хишрово.

18. Графъ Василій Валентиновичъ Мусинъ Пушкинъ Брюсъ.
19. Графъ Пётръ Ивановичъ Апраксинъ.
20. Францъ Ивановичъ Либенскій.
21. Князь Михаилъ Николаевичъ Голицынъ.
22. Графъ Иванъ Ларионовичъ Воронцовъ Дашковъ.
23. Князь Павелъ Петровичъ Лопухинъ.
24. Дмитрій Павловичъ Татищевъ.
25. Дмитрій Львовичъ Нарышкинъ.
26. Графъ Павелъ Ивановичъ Кушайсовъ.
27. Кирилъ Александровичъ Нарышкинъ.
28. Графъ Сергій Павловичъ Пошемкинъ.
29. Алексѣй Романовичъ Томиловъ.
30. Маркизь Филиппъ Осиповичъ Паулуччи.
31. Иванъ Ѳедоровичъ Паскевичъ.
32. Павелъ Михайловичъ Лосунскій.
33. Графиня Александра Григорьевна Лаваль.
34. Константинъ Яковлевичъ Булгаковъ.
35. Александръ Николаевичъ Мордвиновъ.
36. Графъ Юлій Помеевичъ Лишпа.
37. Иванъ Дмитриевичъ Черниковъ.
38. Графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ.
39. Дмитрій Осиповичъ Барановъ.
40. Князь Борисъ Алексѣевичъ Куракинъ.
41. Семень Филипповичъ Мавринъ.
42. Александръ Васильевичъ Кочубей.

43. Графъ Александръ Григорьевичъ Кушелевъ
Безбородко.
44. Князь Дмишрій Владиміровичъ Голицынъ.
45. Князь Алексій Борисовичъ Куракинъ.
46. Василій Александровичъ Пашковъ.
47. Демьянъ Васильевичъ Кочубей.
48. Графъ Дмишрій Ивановичъ Хвостовъ.
49. Арсеній Андреевичъ Закревскій.
50. Князь Александръ Яковлевичъ Лобановъ-Ро-
сновскій.
51. Андрей Петровичъ Сапожниковъ.
52. Василій Ивановичъ Григоровичъ.
53. Князь Николай Григорьевичъ Репнинъ.
54. Графъ Дмишрій Николаевичъ Шереметевъ.
55. Графъ Василій Петровичъ Заводовскій.
56. Андрей Ивановичъ Сабуровъ.
57. Графъ Северинъ Осиповичъ Помоцкій.
58. Василій Васильевичъ Левашевъ.
59. Марья Яковлевна Нарышкина.
60. Иванъ Егоровичъ Балашъ.
61. Графиня Елисавета Ксаверіевна Воронцова.
62. Книгиня Надежда Ивановна Голицына.
63. Василій Алексѣевичъ Перовскій.
64. Графъ Евграфъ Ѳедотовичъ Комаровскій.
65. Сергій Семеновичъ Уваровъ.
66. Николай Дмишріевичъ Дурновъ.
67. Графъ Аркадій Ивановичъ Марковъ.

68. Алексѣй Николаевичъ Авдуппъ.
 69. Графъ Алексѣй Федоровичъ Орловъ.
 70. Левъ Алексѣевичъ Перовскій.

В..... —

ПИСЬМО къ С. изъ ГОТЕНБУРГА.

Юни 19, 1814 года.

Исполняю мое обѣщаніе, любезный другъ, и пишу къ тебѣ изъ Готенбурга. Послѣ благополучнаго плаванія прибылъ я вчерашній день на пакет-ботъ Альбіонъ, здоровъ и веселъ, но въ большой усталости отъ морскаго упоминательнаго переезда. Усталость не помѣшаетъ рассказывать мои походы. Садись и слушай. Оснавъ себя посреди вихря Лондонскаго, я сълъ съ великимъ Рафаэломъ въ Флакрь и въ безпокоившѣ добхалъ до почтоваго двора, боясь, чтобы карета подъ надписью

въ *Гаритъ* не ускакала безъ меня въ урочное время. Къ счастью, она была еще на дворъ и около нея рой почтовыхъ служителей, ожидающихъ почтенныхъ путешественниковъ. Дверцы отворены; я пожалъ руку у своего *Ишальянца*, громкаго имени, но смиреннаго званіемъ, и, со всей возможной важностію, занялъ первое мѣсто: ибо я первый вошелъ въ карету. Другіе спутники мои (заплашившіе за проѣздъ дешево), усялись на крышкѣ, на козлахъ, распустили огромные зонтики и начали, по обыкновенію всѣхъ земель, бранить кучера, который медлилъ ударить бичемъ и спокойно допивалъ кружку пива, разговаривая со служанкою шрактира. Между тѣмъ, какъ съ кровли каретной слышался гондемы на кучера, дверцы отворились: двое мушкетъ съли возлъ меня и колымага пронудась. Къ счастью

то были Нѣмцы изъ Гамбурга, люди привѣтливые и добрые. Мы не успѣли выѣхать изъ предмѣстій Лондона и карета остановилась: въ нее вошелъ новый спутникъ. Въ послѣдствіи я узналъ, что товарищъ нашъ былъ родомъ Шведъ, а промыеломъ — глупецъ; но оригиналь удивительной, о которомъ я, въ качествѣ испорника, буду говорить въ надлежащее время. Теперь я на большой дорогѣ, прощаюсь съ Лондономъ, котораго, можетъ быть, не увижу въ другой разъ... Дешимъ по гладкой дорогѣ, между великолѣпныхъ липъ и дубовъ — Лондонъ исчезаетъ въ туманахъ. Въ Колчестеръ, знаменитый устрицами, прибыли мы въ глухую полночь, а въ Гарвичъ на разсвѣтъ. Въ гостиницѣ толстаго Буля ожидалъ насъ завтракъ. Товарищи мои: Шведъ, два Гамбургца, нѣсколько Англичанъ и Шотландцевъ, всѣ въ глу-

Бокомъ молчаніи и съ важностію чудесною пили чай и поглядывали на море, въ ожиданіи попушнаго вѣтра. Таможенные приспавы ожидали насъ. Оконча всѣ дѣла съ ними, *гестная компанія* возвратилась къ Булю. Въ большой залъ ожидали насъ новые товарищи, которые, узнавъ, что я Руской, дружелюбно жали мою руку и предложили пить за здравіе Императора. Норшвейнъ и Хересь переходили изъ рукъ въ руки и подъ вечеръ я былъ красенъ, какъ Майской день; но все въ глубокомъ молчаніи. Товарищи мои пили съ такою важностію, о которой мы, живши машерой земли, не имѣемъ понятія. Насъ было болѣе двѣнадцати, со всѣхъ четирыхъ концевъ свѣта, и всѣ, казалось мнѣ, люди хорошо воспитанные, всѣ кромѣ Шведа. Онъ часъ ошчасу болѣе ошличался, желая играть роль Женшельмана и коверкая

Англійскій языкъ немилосерднымъ образомъ... Англичане улыбались, пожимали плечами и пили за его здоровье. Вѣперь былъ противный и мы остались почевать въ Гаричѣ. На другой день поутру, Шотландецъ, товарищъ мой изъ Лондона, высокой и смѣшной молодой человекъ, вошелъ въ мою спальню и ласковымъ образомъ на какомъ-то языкѣ (который Англичане называютъ Французскимъ) предложилъ мнѣ идти въ церковь. День былъ воскресной и народъ толпился на паперни. Двери храма отворились; мы вошли съ толпою.

Простота служенія, умиленіе, съ которымъ все молилось въ молчаніи, изрѣдка прерываемомъ или протяжнымъ пѣніемъ или важными звуками органа, сдѣлали въ душѣ моей впечатлѣніе глубокое и сладостное. Спокойныя ангельскія лица женщинъ, бѣ-

лья одежды ихъ, локоны, распущен-
 ные въ милой небрежности; рой пре-
 лестныхъ дѣтей, соединяющихъ юные
 голоса свои съ дрожащимъ голосомъ
 старцевъ, древнихъ мореходцевъ, по-
 сѣдѣвшихъ на бурной стихіи, окру-
 жающей Гаричь: все вмѣстѣ образо-
 вало картину великолѣпную, и никог-
 да религія и священные обряды ея
 не казались мнѣ столь пышными
 ми! Самая Церковь на берегу моря, въ
 приспани, откуда столько путешес-
 венниковъ пускается въ края отда-
 ленные міра и имѣешь нужду въ про-
 мыслѣ Небесномъ, сей храмъ съ гоши-
 ческою кровлею, съ гербами, съ про-
 сною каедрою, на кошорой почтен-
 ный старецъ изъяснень простыми
 словами глубокой смыслъ Евангелія;
 сей самый храмъ имѣешь нечто осо-
 бенное, нечто пышное. Около
 двухъ часовъ я просидѣлъ съ моимъ

**

Шотландцемъ; онъ молился съ большимъ усердіемъ, скажу болѣе, съ набожностію. Примѣру его слѣдовали всѣ молодые люди и граждане мирные и воины. Такъ, милый другъ, земля, въ кошорой все процвѣтаетъ, земля, такъ сказать, заваленная богатствами всего міра, иначе не можетъ поддерживать себя, какъ совершеннымъ почитаніемъ правовъ, законовъ гражданскихъ и Божественныхъ. На нихъ-то основана свобода и благоденствіе новаго Кароагена, сего чудеснаго острова, гдѣ роскошь и простота, власнь Короля и гражданина въ вѣчной борьбѣ и потому въ совершенномъ равновѣсіи. Это смѣшеніе простоты и роскоши меня поразило всего болѣе въ отечествѣ Елисаветы и Адиссона. — Въ сей день незабвенный для моего сердца, одинъ изъ путешественниковъ, узнавъ, что я Руской, пригласилъ меня

прогуливаться. Мы бродили по берегу морскому посреди благовоющих пажитей и лѣсовъ, освѣняющих окрестности Гарича. Толпы счастливыхъ поселянъ въ праздничныхъ плащяхъ прогуливались вдоль по дорогѣ, или ошдыхали на травѣ. Сквозь густую зелень орѣшника и древнихъ вязовъ выглядывали милостивыя хижины приморскихъ жипелей и солнце вечернее освѣщало картину великолѣпную. Меня все занимало, все пѣлило. Я пожирала глазами Англію и желала запечатлѣть въ памяти все предметы, меня окружающіе. Сидя на камнѣ съ добрымъ Англичаниномъ — пакія открытыя и добрыя физіогноміи рѣдко встрѣчающіяся — сидя съ нимъ въ дружественной бесѣдѣ, мы забыли, что время летѣло и солнце садилось. Онъ прощался на-долго съ милымъ опеченствомъ и говорилъ о немъ съ восхи-

щеніемъ, съ радостными слезами. Какъ не любить такой земли, повторялъ онъ, указывая на плодотворныя окрестности. Здѣсь я покидаю жену, дѣтей, родственниковъ и друзей. Бришанецъ пожалъ крѣпко мою руку и мы возвратились въ гостиницу.

Слуга извѣщаетъ насъ, что попутный вѣтеръ позволяеть судамъ выходить изъ гавани. Я запренеталь отъ радости. Прощаясь съ товарищами, разплачиваясь съ услужливымъ хозяиномъ, сажусь въ лодку и съ нею на желанный накенъ-ботъ *Альбионъ*, къ Капитану *Майю*. Со мною два пассажира: проказникъ Шведъ и какой-то богатый Еврей изъ Лондона, великій щеголь и краснобай. Море заструилось; выходимъ изъ порта. Но вѣтеръ долго принуждаетъ насъ плавать около береговъ Графства Суфолкъ, кошпорого маяковъ мы не шеряемъ изъ

ду во всю ночь. Признаюсь тебѣ, ложеніе мое было не завидно: жить сколько дней съ незнаемыми лицами, имѣть въ виду морскую болѣзнь! но дѣлать: надобно покориться дѣбѣ. Я съѣлъ на палубу и любовался ебросуичанымъ моремъ, которое ва колебалось и отражало по маяку, по лучи мѣсяца, восходящаго изъ береговъ Бришанн. Между тѣмъ ярей рассказывалъ новѣсни, Шведъ япалъ о Ковенгарнскихъ прелесн-цахъ, о норшнхъ, о лошадихъ и о рвегн, которую Парламентъ оп-снть Принцу. Поздно возвратился въ каюту и спалъ мертвымъ спомъ, рруча себя Нептуну, Наядамъ, Борею Зефиру, Кастору и Поллукеу, покротеламъ спранниковъ и Венерѣ, которая родилась изъ пѣны морской, къ извѣстнo всякому. По утру про-улся съ головою болью; къ вечеру

стало хуже: я страдалъ. Въперъ былъ прошивный и ночь ужасная. Парусы хлопали, снасти шрещали, волны плескали на надубу и забормливыи капитанъ безпрестанно повшорялъ любимую поговорку: бѣдный Юрикъ! бѣдный Юрикъ! На четвертый день свѣжій поупный въперъ надувала паруса, и моя болѣзнь миновалась. Все ожило. Матросы пѣли, Капитанъ шушился съ Евреемъ, но Шведъ часъ ошъ-часу становился неспосище и скучище. Гдѣ укрыться ошъ него? Я узналъ въ послѣдствіи, что ошъ сынъ богатаго куица, родомъ изъ Шпокогольма, былъ посланъ въ Лондонъ учинишия коммерціи, надѣлалъ тамъ долговъ и возвращаешия рiан рiанiно въ свое отечество. Его дурной Нѣмецкой и Французской выговоръ приводили меня въ ошчаяніе. При каждомъ движеніи судна ошъ бѣднѣлъ. То ему казалось,

что Капитанъ выпилъ лишнюю рюмку, шо комнасъ не вѣренъ, шо паруса не на мѣстѣ, и то не такъ, и это худо. Пошомъ рассказы о Гайдъ-паркѣ, о буржѣ, о Платовѣ, о Веллингтонѣ; тамъ описаніе сокровищъ ошца его, и все, и все, зего мнѣ слушать не хотѣлось! То онъ давалъ совѣсны Капитану, копорый ошвѣчалъ ему гондемомъ, шо онъ удилъ рыбу, кошорая не шла на уду, шо онъ видѣлъ кшна въ морѣ, мышъ на палубѣ или синичку на воздухѣ. Онъ всемъ наскучилъ, и человеклоубивый Еврей предложилъ намъ бросить его въ морѣ, какъ безбожника Диогора, на съѣденіе морскимъ чудовищамъ.

Но какіе часы я проводилъ на палубѣ въ сладосшномъ очарованіи, читая Гомера и Тасса, вѣрныхъ спущниювъ воина! Часшо, покидая книгу, я любовался ошкрытымъ моремъ. Какъ прелесшны сіи необозримыя, безконече

ныя волны! Какое неизъяснимое чувство родилось въ глубинѣ души моей! Какъ я дышала свободно! Какъ взоры и воображеніе мое лезали съ одного конца горизонта на другой! На землѣ повсюду преграды: здѣсь ничто не останавливается мечтатели, и всѣ тайныя надежды души расширяются посреди безбрежной влаги.

Fuggite son le terre e i lidi tutti!

De Ponda il Ciel, del Ciel Ponda e confine!

Въ седьмой день благополучнаго плаванія восходящее солнце зашло меня у мачты. Восточный вѣтеръ освѣжалъ лице мое и развѣивалъ волосы. Никогда море не являлось мнѣ въ великолѣпнѣйшемъ видѣ. Больше тридцати судовъ колебалось на лазоревой влагѣ: нѣкоторые шли въ Ростокъ, другіе въ Англію: нѣкоторые подобно пирамидамъ казались неподвижными, другіе, распустя паруса, какъ лебеди плыли

длинною спасю и исчезали въ отдаленіи. Наконецъ мы замѣтили въ морѣ одну неподвижную точку: высоты Матспранда; и я привѣщивала родную Густава и Карла. Волны становились часъ отъ часу тише и тише, измѣнились и я увидѣла новую шоржественную картину: совершенное спокойствіе, глубокой сонъ бурной стихіи. Солнце казалось въ зенитѣ своемъ, осыпало сѣннемъ гладкую поверхность. Къ несчастію долго ничѣмъ наслаждаться не можно. Тишина въ морѣ утомительнѣе бури для мореплавателей. Я пожелаю въира и сказала Канниану:

— Tu che condutti

M'hai in questo mar, che non hafine,

Di, e'altri mai qui giunse, e se più avanee

Nel mondo, ove corriamo, have abitante?...

Онъ отвѣчалъ мнѣ на грубомъ Англійскомъ языкѣ, который въ устахъ мореходцевъ еще грубѣе становится, и

божественные списки любовника Элеоноры безъ опшѣпа пчезли въ воздухъ :

Быть можеть, ихъ Эшида
Услышала на днѣ,
И, лошосомъ вѣчанны,
Станицы Передѣ
Въ серебряныхъ пещерахъ
Склонили жадный слухъ
И сладостно вдохнули,
На урны преклонясь
Лилейною рукою;
Ихъ перси взволновались
Подъ тонкой пеленой...
И море заструилось,
И волны поднялись !

Свѣжій вѣпръ началъ надувать паруса. Мы приближались къ утесамъ Готическимъ. Ты поминишь гавань Готенбургскую и, можетъ быть, подобно мнѣ, съ неперитѣнемъ проходилъ мимо Архипелага, скаль и утесовъ, живописныхъ издали, но утомительныхъ для мореплавателя. Наконецъ мы въ Готенбургъ, въ новой Англин, по

словамъ Арндта. Съ разсвѣтомъ явля-
ются къ намъ таможенные присланы,
которые позволяютъ намъ вступити
на берегъ Шведской. Капишанъ Майн
со мною прощается и желаетъ счаст-
ливаго пути въ Россію. Шведъ сѣ-
шннъ въ городъ и забываетъ вино-
ропихъ свои чемоданы. Честный Еврей
подастъ мнѣ руку, и мы шествуемъ съ
нашими пожитками въ гостиницу
Зегеранига, откуда я пишу къ тебѣ
сн спроки дрожащею рукою. Пись-
менный споликъ шатается, полъ по-
до мною колеблется: споль сильно
впечатлѣніе морской качки, что и
здѣсь на сухомъ пути оно не исчезаетъ.

Отдохнувъ не много, иду справлять-
ся, нѣтъ ли корабля въ Петербургъ;
въ противномъ случаѣ принужденъ бу-
ду ѣхать въ Штокгольмъ. Къ несча-
сію, вчера былъ день воскресной и
всѣ банкиры и маклеры за городомъ

въ увеселительныхъ домахъ своихъ. Чшо дѣлать? Бродишь по городу, который показался мнѣ и малъ и бѣденъ, вопреки Ариду. Не мудрено: я изъ Англии! За воротами Гошенбургскими есть липовая аллея: единственное гулянье. Я прошелъ по ней нѣсколько разъ съ печальнымъ чувствомъ. Липы Шведскія такъ тощи и худы въ сравненіи съ липами Бришаніи! Холодными глазами смотрѣлъ я на окрестности Гошенбурга, довольно живописныя, на купцевъ и конторщиковъ, которые со всею возможностію важностію прогуливаютъ себя, свои Англійскіе фраки, женъ, дочерей и скуку. Женщины не блистаютъ красотою и странный парядъ ихъ не привлекателенъ.

На городской площади собираются Офицеры къ параду. Народъ съ большимъ удовольствіемъ смотрѣлъ на раз-

воду солдатъ въ круглыхъ шляпахъ... Ввечеру парадъ церковный, обрядъ искони установленный. — Войско становится въ строй и поетъ Псалмы и Священные Гимны: Офицеры читаютъ молитвы. Такъ ведется въ Шведской арміи со времени Густава Адольфа, набожнаго Рыцаря и Короля влстолюбиваго.

И такъ, милый другъ, я снова на берегахъ Швеціи,

Въ землѣ тумановъ и дождей,
Гдѣ древлѣ Скандинавы
Любили честь, просныя нравы,
Вино, войну и звукъ мечей.
Ошъ силъ пещеръ и скалъ высокихъ,
Смѣясь волнамъ морей глубокихъ,
Они на бранныхъ челнокахъ
Несли врагамъ и казнь и страхъ.

Здѣсь жернвы страшныя свершались Одесу,
Здѣсь кровью патиниковъ багрились олшари;
Но въ ирвахъ я нашелъ большую перемѣну...

Эта земля не плодотворна. Сладости Капуи или Парижа здесь неизвестны. Въ ней ничего нѣтъ пріятнаго, кромѣ живописныхъ горъ и воспоминаній.

Прости, милый товарищъ! Тебѣ не должно роптать на судьбу: ты въ землѣ красоты и здраваго смысла; ты счастливъ. Но я не завидую тебѣ, возвращаясь на дикой сѣверъ: я увижу родину и нѣсколько друзей, о коихъ могу сказать съ Вольтеромъ:

Je les regretterais à la table des Dieux.

К. Батюшковъ,

РУСАЯ КОСА.

Произшествіе изъ жизни М.

«Что съ тобою сдѣлалось, товарищъ: спросилъ молодой Д., вошедъ въ комнату пріятелиа своего Минскаго. Третью пятницу не являешься ты въ нашемъ собраніи; Іенскія ученія вѣдомости лежатъ у тебя на столѣ неразрѣзанныя, и даже любезный твой Песипоръ покрытъ, говоряшь, новою пылью сверхъ собственной древней.»

Ты все шутишь, Александръ! Миѣ не до шутокъ.

«О чемъ же грустишь ты, смѣю спросить? Всѣ твои знакомые шершавы въ догадкахъ. Мы ума приложитъ не можемъ... и миѣ поручено выведать»

твою тайну, во что бы то ни стало. Отъ чего въ тебѣ такая перемѣна?»

О какой перемѣнѣ говоришь ты? Если бы не сказала ты о ней теперь, мнѣ и въ голову не пришла бы мысль, что во мнѣ есть какая нибудь. Мнѣ кажется, я вчера только видѣлся со всѣми вами, говорилъ о литературныхъ новостяхъ, спорилъ.

«Поздравляю... Ты вѣрно съ древнимъ монахомъ заслушался какой нибудь райской птички, хотя онѣ нынѣ и рѣдко къ намъ залетають. Да не спугнулъ ли я ее?... Знаешь ли, что со времени твоего затворничества вышелъ новый томъ исторіи Карамзина, Жуковский перевелъ Байронова *Мазепу*... Или, говоря ясные, ты уже цѣлыя двѣ недѣли сидишь дома.»

И это можетъ быть. Я погруженъ былъ въ созерцаніе: не мудрено, что времени для меня не было.

« Но и прежде ты погружался въ созерцаніе; однако жъ товарищи имѣли удовольствіе принимашь въ немъ участіе... Перестань вертѣться; пришествіе къ тебѣ не приспало, да я уже и поймалъ тебя: ты не пронулся моими извѣстіями; значить, что у тебя на душѣ шло что-то важное, необыкновенное... И если бъ я не боялся пресловутой твоей философіи, твоихъ насмѣшекъ надъ моимъ какимъ-то легкомысліемъ; то предсавилъ бы тебѣ свою догадку, опровергаемую впрочемъ всеми нашими товарищами. Ты улыбаешься... Добрый знакъ! Это меня ободряетъ. Я бьюсь объ закладъ, что какая нибудь *герная шаль* привела тебя въ такое мимолетно-созерцапельное состояніе. »

Ахъ, другъ! Красныя, зеленыя и пестрыя шали опасны не меньше черныхъ.

★★

« Смѣле, смѣле, договаривай! »

Я — влю — нышь... мнѣ кажется теперь, что я могу... что можно влюбляться.

« Bravo, bravo! Я такъ и предполагалъ.

Что философъ, гдѣ твоя философія? Теперь станешь смѣяться надъ нами обыкновенными смертными, не могущими возвыситься до любви къ идеаламъ мимо ничтожныхъ прелестей бреша. И себя павило это ничтожное бреша, эта бѣдная существенность. Ты упалъ съ своего седьмого неба. Не правда ли, что лучше было ходить по землѣ: чему посмѣешься, тому и поработаешь. Я радуюсь оцѣнѣ твоему сердцу; а то было ты совсемъ занугалъ насъ своею спонческою твердостью: мы краснѣли, когда приходилъ ты къ намъ въ комнату съ своими учеными диссертаціями, съ

своими филантропическими видами; мы спыдились мимолетных своих мечтаній. Кому же міръ конечный одолженъ за возвращеніе любезныхъ правъ своихъ? — Русой костъ.

« Я горю любопытствомъ... Расскажи мнѣ свое похождение. »

Общешься ли молчаливъ и не смѣяться надо мною?

« Молчаливъ, я согласенъ, но не смѣяться, едва ли смогу. Только не мучь меня и говори скорѣе. »

Слушай. Ты знаешь, что я нѣсколько лѣтъ вхожъ въ домъ къ графу S. и пользуюсь благосклонностію всего семейства; знаешь, что у графа двѣ дочери, добрыя и любезныя, хотя и очень между собою несходныя. Я намечу слегка ихъ портреты. Спаршая живетъ въ душѣ своей, живетъ чувствованіями. Міра вѣшняго, кажешься, не существуешь для нея, и между

тѣмъ она привязана къ нему узами неразрывными, но всѣ впечатлѣнія оныхъ постороннихъ предметовъ такъ усвоются ею, что теряють особливую свою значительность и превращаются въ ничто общее и безконечное. Чужія чувствованія дѣлаются ея собственными. Никогда, кажется, не жалѣеть, не заботится она о другихъ, а все о себѣ, и между тѣмъ никто больше ея не забываетъ себя. Ты можешь представить, какая прелесть разливается оныхъ эшаго въ ея обхожденіи. Во всемъ умѣетъ она находить сторону духовную, благородную и дѣйствуетъ на людей также самымъ духовнымъ образомъ. Если она спанетъ говорить съ тобою, ты не будешь слышать словъ ея, не будешь имѣть никакихъ опредѣленныхъ мыслей; но душа твоя будетъ измѣняться по ея произволу; ты будешь

чувствовать все, что угодно волшебницъ. Словомъ, это музыка.

Другая, наоборотъ, живетъ, кажется, въ мѣрѣ вѣшнемъ; кажется, сама есть прелестное явленіе изъ вѣшняго мѣра, рѣзвился, веселился, всѣмъ играешь, надо всѣмъ смѣешься, вездѣ находишь спорону вещественную, хотя и облагороживаешь ее. Ничто не останавливаетъ ее вниманія надолго; своенравная, она лѣзаетъ отъ одного предмета къ другому, безпрестанно пропиворѣчьтъ себя и другимъ; не пльняешь, но завоевываешь и бросаешь свои завоеванія; на нее нельзя не радоваться, но нельзя и не сердиться. Это какая-то легкая поэзія особеннаго рода.

Я знаю ихъ обѣихъ и очень хорошо. Поэзія выросла даже на глазахъ моихъ. Гости часто у нихъ на дачѣ, на Крещовскомъ острову, и имѣль слу-

чай коротко съ ними познакомиться. Ты знаешь, въ обществѣ малочисленномъ живется какъ-то проспѣе, ошкросеннѣе; безпресшанно встрѣчающся такіе случаи, какихъ годами не дождешься въ городѣ, случаи, коими разкрывается, такъ сказать, человекъ. Одно слово, которое мимоходомъ уронили, одинъ взглядъ, которой нечаянно шуда-сюда бросили, обрисовываетъ характеръ яснѣе иной біографіи. При томъ мы безпрестанно почти бывали вмѣстѣ: поутру на примѣръ заведены у насъ общія прогулки; мы говорили свободно, безъ всякихъ свѣтскихъ припворныхъ приличій, о литературѣ, чужой, своей, о славныхъ писателяхъ, о жизни, о предметахъ нравственныхъ и т. п. Веселая непринужденность царствовала въ нашихъ разговорахъ; иногда рассыпаемы были цвѣты остроумія,

чувствовать все, что угодно волшебницъ. Словомъ, это музыка.

Другая, наоборотъ, живетъ, кажется, въ мірѣ ви́шнемъ; кажется, сама есть прелестное явленіе изъ ви́шняго міра, рѣзвился, веселился, всѣмъ играешь, надо всѣмъ смѣешься, вездѣ находишь спорону вещественную, хотя и облагороживаешь ее. Ничто не останавливаетъ ея вниманія надолго; своеюравная, она летаетъ отъ одного предмета къ другому, безпрестанно пропиворѣчьтъ себя и другимъ; не клѣбаетъ, но завоевываетъ и бросаетъ свои завоеванія; на нее нельзя не радоваться, но нельзя и не сердиться. Это какая-то легкая поэзія особеннаго рода.

Я знаю ихъ обѣихъ и очень хорошо. Поэзія выросла даже на глазахъ моихъ. Гости часто у нихъ на дачѣ, на Кресшовскомъ острову, и имѣлъ слу-

чай коротко съ ними познакомиться. Ты знаешь, въ общеснвѣ малочисленномъ живется какъ-то проснѣ, ошкровеннѣ; безпресшанно встрѣчающся такіе случаи, какихъ годами не дождешься въ городѣ, случаи, коими разкрывается, такъ сказать, человекъ. Одно слово, которое мимоходомъ уронили, одинъ взглядъ, которой нечаянно шуда-сюда бросили, обрисовываетъ характеръ яснѣ иной біографіи. При томъ мы безпресшанно почти бывали вмѣстѣ: поупру напримѣръ заведены у насъ общія прогулки; мы говорили свободно, безъ всякихъ свѣтскихъ припворныхъ приличій, о липературѣ, чужой, своей, о славныхъ писателлахъ, о жизни, о предметахъ нравственнхъ и т. л. Веселая непринужденность царствовала въ нашихъ разговорахъ; иногда рассыпаемы были цвѣты остроумія,

насмѣшки, и все, замѣть, было распворено симъ драгоценнымъ благолюбіемъ, которое составляетъ существенное достоинство всякаго просвѣщеннаго челоуѣка. Я привыкъ къ нимъ и любилъ ихъ благодарностію за всѣ тѣ удовольствія, которыя онѣ мнѣ доставляли. Знаешь ли, что, живя у нихъ по четыре мѣсяца, никогда не имѣлъ я ни одного непріятнаго, прошивнаго ощущенія! Я наслаждался жизнью. Чтеніе мое тамъ состояло всегда въ сочиненіяхъ славныхъ моихъ друзей-гуманистовъ: Гердера, Шиллера, Франклина, Шлёцера, и такимъ образомъ повнорялъ я свой курсъ *studiorum humaniorum* и теоретически и практически. Изъ всего этого можешь ты представишь себѣ, съ какимъ запасомъ добра, съ какими пріятными воспоминаніями оставялъ я ихъ мирное обиталище, въ которомъ умывался,

кажется, какою-то доброю водою.... Какъ былъ я преданъ имъ! Впрочемъ, скажу тебѣ по совѣсти, я любилъ ихъ только какъ прекрасныя идеи въ прекрасныхъ формахъ, какъ мы любимъ Марію Стюартъ Шиллерову, Юлію Руссову, Магдалину Корреджіеву, и только. Онѣ замѣтили во мнѣ добрыя склонности, еще не знаю что-то, и обращались со мною какъ съ домашнимъ. Такъ точно провелъ я у нихъ и послѣднее лѣто на дачѣ. Въ городъ возвратились давно... Я бываю у нихъ часто... На дняхъ, или, если вѣришь тебѣ, три недѣли тому назадъ, я прихожу къ Поэзін съ Чернецемъ, котораго только что ошпечатали. Въ дѣвичьей говорятъ мнѣ, что графиня недавно вышла изъ ванны и приняла меня, вѣроятно, не можешь. Между тѣмъ раздался голосъ изъ ближайшей комнаты: « что вамъ угодно, N. N.,

здравствуйте! » Я принесъ къ вамъ литературную новосшь и очень пріятную, Чернецца. — « Ахъ, подише, подише сюда поскорѣе, прочтемше вмѣстѣ... Нѣтъ, нѣтъ, погодише одну минуту... теперъ готова... пожалуйше... »

Я вошелъ... но, Александръ, прощай, поди домой! Я не могу продолжать: у меня голова закружилась, кишишь внутри... Приди завтра, приди, когда ты хочешь... Не уже ли это давно случилось?... Не можетъ быть: ты меня обманываешь.

« Перестань ребячиться, и что это за прихоть жестокая! Ты довелъ меня до вершины горы, хотѣлъ показать видъ и закрыть глаза... Лучше бы не начиналъ. »

Не могу, клянусь не могу. Я вижу теперъ эту русую косу, которая рассыпается шелковыми кудрями по плечамъ...

« Браво, философъ, да это уже и не по нашему. Дай мнѣ пощупать пульсъ твой,.. Но вотъ тебѣ стаканъ холодной воды; изъ другаго, если хочешь, я тебя оболюю, и ты прохладишься. Мнѣ нужны еще только два слова... Кончи. »

Я вошелъ... Графиня стояла еще предъ зеркаломъ въ голубомъ ситцевомъ капотѣ съ длинными рукавами, на шеѣ платочикъ изъ кисеи, или какого-то гусиного воздуха, сложенной спереди и скромно подправленной подъ воротничокъ. Подлѣ горничная, только что заспегнувшая послѣднюю пуговицу... Вытерпые, но еще не высохнувшіе волосы спускались со всѣхъ сторонъ длинными, густыми и рѣденькими кистями... Лице, то закрывалось, то открывалось крайними локонами, смотря по тому, какъ восковыя ручки закидывали ихъ назадъ, или, упру-

гіе, принимали они прежнее положеніе... Иногда сверкали сквозь них пронзительные голубые глаза... Только задняя коса осмывалась на своемъ мѣсѣ. Половина головы озарялась солнечными лучами, которые прокрадывались сквозь малиновые занавѣски, и наводили то свѣтъ, то тѣнь на свѣжее, прохладное лице. Ахъ, Александръ, она была очаровательна. Если я помѣшался, разумѣется не надолго, то ты вѣрно сошелъ бы съ ума... Я весь трепещалъ, и ты, вѣря, что каменная Галатея оживилась творческимъ духомъ художника, долженъ повѣришь и тому, что живая Галатея окаменила новаго Пигмаліона... и природа не уступила человеку, не уступила древнему искусству въ могущество. Она остановила все мои жизненные силы и я сдѣлался сшапсуею изумленія... Помню како-

нецъ, что слова графини привели меня въ чувство. « Что съ вами случилось, N. N., читайте, читайте, мнѣ хочется поскорѣе познакомиться съ новымъ нашимъ поэтомъ... » Въ это только время я почувствовалъ, что я что-то живое, что опять становлюсь собою и началъ читать, извинившись, какъ сумѣлось. Мы прочли Чернеца. Я возвратился домой, и съ тѣхъ поръ не выхожу со двора. Въ первый разъ говорю только... Но я чувствую, мнѣ теперь лучше.

Благодарю за опкровенность, ска-
 аль Д. Говорить съ тобою теперь,
 кажешся, не время. Четырнадцатый
 день самый опасный въ горячкѣ. Но
 не думалъ ли ты самъ уже о чемъ ни-
 будь, сюда относящемся?

Я не думалъ ни о чемъ. Я былъ
 погруженъ въ настоящее и наслаж-
 дался безусловно.

Теперь размысли о будущем и разбери условія. Миѣ мелькаетъ надежда, прибавилъ Д., улыбаясь, что ты выздоровѣешь скоро: коса эта разтѣвается такъ высоко, такъ высоко, ты столько привыкъ чувствованью умомъ, что едва ли нуждаешься въ моихъ рецептахъ. Я оснаваю тебѣ въ покоѣ. На дняхъ зайду опять, до свиданія.»

Черезъ недѣлю веселой Д. является снова къ своему другу и находитъ его совершенно въ другомъ положеніи. На столѣ лежатъ десятокъ квартантовъ, одиннадцать томовъ исторіи Карамзина, изслѣдованія Калайдовича, Спроева, Шлѣцера, корректуры, пенсради. Минской разсмапривалъ внимательнѣе какую-то древнюю рукопись и не примышлялъ вошедшаго.

« Съ выздоровленіемъ, съ выздоров-

леніемъ, закричалъ Д., захохотавъ изо
всехъ силъ.»

А, это ты, Александръ! Я было
самъ собирался къ тебѣ, кончивъ свою
работу. Какъ ты поживаешь? Каково
идушь дѣла?

« Какія, сердечныя или головныя? »

Разумѣется, головныя: развѣ я спра-
шивалъ тебя когда нибудь о сердеч-
ныхъ?

« Нѣтъ, но я думалъ, что спросишь...
Позволь прежде узнать отъ тебя, какъ
развѣвается любезная наша русая
коса? »

Сейчасъ получилъ отсюда записку
съ упреками и приглашеніями обѣдать
тамъ завтра.

« И ты пойдешь? »

Разумѣется.

« Смѣло, какъ прежде? »

Еще смѣлѣе, если ты хочешь. Мой параксизмъ кончился. Разговоръ съ шобою имѣлъ благотвительное дѣйствіе на меня; на другой день послѣ нашего свиданія, я дышала уже свободнѣе, на претій воспоминала уже о кося, и не видала ея наяву, а на черпанный повѣсилъ ее въ карпинной галлерей моего воображенія подлѣ портрета Арמידина. Теперь я люблюсь на нее издали и безопасно.

« Очень радъ. Впрочемъ ты вѣроятно вывелъ какое нибудь слѣдствіе изъ чуднаго своего приключенія, и, надѣюсь, для насъ не невыгодное?»

Я заключила, если ты хочешь слышать челоуѣка, только что проснывающаго и слѣдовательно еще не въ полномъ смыслѣ, что рано или поздно мнѣ должно будетъ, какъ говоришься, пристроить свою идею къ мѣсту; что только безразсудный чело-

вѣкъ можешь говорить рѣшительно о своей будущности до тѣхъ поръ, пока съ нимъ не перебивали всѣ возможные случаи, ш. е. пока онъ полувздохомъ еще принадлежить землѣ. Въ жизни нашей, Александръ, бывають какія-то привилегированныя минушты, въ копорыя маловажный, но чудный случай разкрываетъ намъ нравственное быніе наше, указываетъ на способности, въ насъ тающіяся, и рѣшаетъ судьбу цѣлой жизни нашей. Нельзя предполагать, чтобы отъ сего случая зависли такія великія послѣдствія, но нельзя и не сознаться, что онъ играетъ важную роль въ жизни нашей. Сисема шяготънїя созрѣла въ душѣ Ньютона, но безъ эпаго славнаго иб-лока, Богъ знаетъ, какъ бы она развилася. Ломоносовъ былъ уже поэтомъ и создателемъ языка Рускаго прежде, нежели попался ему въ руки Арно-

метика Магницкаго и Псалтырь Симеона Полоцкаго, но мы не знаемъ, какъ бы онъ вошелъ въ свой храмъ безсмертія, если бы случайно не представились ему врага сіи (*). Я по теперешнему приключенію убѣдился, повѣряю, что мнѣ не бытъ одинокимъ, что я долженъ буду когда нибудь дополнить себя другою половиною, что у меня есть суженая, и русую косу почтшаю залогомъ будущаго моего счастья.

Пріятели разговаривали долго о подобныхъ случаяхъ, перебирая древнюю и новую исторію, и наконецъ разошлись.

Прошло нѣсколько времени. Минскій по прежнему продолжалъ ревностно заниматься науками, съ тою только разницею, что подь часъ, голова

(*) Известное выраженіе Ломоносова.

его наполнялась и другими видѣніями. Часто, въ сумерки, на зарѣ мысли его рѣзвились съ удовольствіемъ около какихъ-то *живыхъ* идеаловъ. Иногда представлялъ онъ себя пожики, который приводящій нашего Пушкина въ такое смущеніе, иногда зѣирный спань, около котораго такъ ловко окладывается рука, иногда, и всего чаще, русую косу, любимую игрушку его воображенія, иногда.... Но доскажемъ поскорѣе, какъ сбылись шемныя его предчувствія.

По какимъ-то обстоятельствамъ пришлось ему прожить нѣсколько времени въ домъ госпожи N. У сей г-жи N. воспитывалась дочь дальней ея родственницы, дѣвушка въ 17 лѣтъ, блонкурая, высокая ростомъ, прекрасная лицемъ, прекрасная душою. — Въ первое уже свиданіе изъ русой косы ея упала искра на сердце Минскаго, и

онъ ее почувствовалъ, хотя и не обратилъ на то особеннаго вниманія. Марія (такъ называлась его суженая) была очень хороша, образована, имѣла вкусъ тонкой, знала прекрасно все новыя языки, любила Байрона, Шиллера, Карамзина, Жуковского, Пушкина; мудрено ли, что, живя подъ одною кровлею, они вскорѣ познакомились и въ нѣкоторомъ смыслѣ подружались. Марія примѣтно сдѣлалась неравнодушною къ Минскому. Вечера проходили у нихъ въ чтеніи. При всякой высокой мысли, при всякомъ счастливомъ выраженіи глаза его *встрѣгались* съ глазами Маріи. Онъ увидѣлъ, что душа ея способна была къ чувствованіямъ глубокимъ и возвышеннымъ, что она умѣла понимать изящное. Часто попадались мѣста, кои можно было имъ примѣнять къ себѣ. Разумѣется, они не сообщали другъ

другу сихъ примѣненій, но у Маріи всегда въ такомъ случаѣ играла русмянецъ въ лицѣ, Минской произносила любезныя слова прерывающимся или по крайней мѣрѣ беспокойнымъ голосомъ. Чтеніе подавало поводъ всегда къ разговорамъ, въ конхъ Минскій могъ узнать познанія и смѣливістьъ Маріи. Сіи разговоры были шѣмъ пріятнѣе для Минскаго, что всегда происходили на Рускомъ языкѣ, который Марія, какъ испинная Россіянка, любила и знала предпочтительнѣе. Словомъ, она правилась Минскому болѣе и болѣе. Узнавъ ея чувство на поэсахъ, онъ хотѣлъ испытать въ характерѣ, и предложилъ чтеніе испориковъ. — Начали съ Карамзина, и Минской съ новымъ удовольствіемъ увидѣла, что Марія горитъ не меньше его любовію къ родинѣ святой Руси и благословенному народу Рускому.

Пряшомъ она показала здѣсь всю энергію души своей, показала, что, сильно чувствуя, можетъ и дѣйствовать съ твердосінію и достоинствомъ. Такимъ образомъ, чѣмъ болѣе Минской изучала будущую свою подругу, тѣмъ болѣе увѣрился, что она составитъ счастье его жизни, увѣрился, и далъ наконецъ волю чувству, которое тлѣлось уже давно ошъ искры, упавшей на его сердце въ первую минуту свиданія, и чувство теперь вспыхнуло. Пренятствій постороннихъ никакихъ не было. Дѣло оставалось за объясненіемъ, которое, по страшной и очень выгодной привилегіи женщинамъ, должны дѣлать всегда мужчины. Минской былъ застенчивъ, и, не смѣя на увѣренность получить отвѣтъ благопріятной, никакъ не осмѣливался совершить онаго. Двадцать разъ начиналъ, и двадцать разъ не

оканчивалъ, не оканчивалъ тогда, когда уже слезало счастливое да съгубокъ пылавшей Маріи. Но случай здѣсь помочь ему. Однажды въ сумерки (любимое мое время) сидѣли они съ глазу на глазъ. Разговоръ шелъ о дружбѣ. Какъ вы думаете, спросила Марія въ заключеніе (я не могъ узнать еще съ умыслу или безъ умыслу) гдѣ должно искать совершеннѣйшей дружбы. Между супругами, отвѣчала восторженной Минской, между супругами Марія! Почитаете ли вы меня достойнымъ такой дружбы? и упала къ ногамъ ея.

Встаньте, встаньте, сказала, какъ водился, дрожащимъ голосомъ, дрожащая Марія и подняла счастливаго Минскаго и пламенной поцѣлуй напечатлѣлся на аленькихъ губкахъ, които такъ мило произнесено было это очаровательное да. Тотчасъ отправилась

они къ доброй старушкѣ, которая въ ближней комнаѣ чинпала въ зеленыхъ очкахъ проповѣди Пліи Минянни и не предчувствовала, что дѣлаешся за снѣною. — Маменька, сказала Марія, вы желаете усуронить мое счастье. Вонъ мое счастье, и указала на Минскаго. Сударыня, сказала Минской, позволите и пр. и пр. Пуснѣ добавляюшъ, что хощашъ, чинпашели. Я скажу только, что дѣло было слажено. Старушка наградила свою воспитанницу вѣсьмъ своимъ имѣніемъ, и на прешій день поварищи праздновали свадьбу у счастливаго Минскаго. Д. предложилъ за ужиномъ первый тоснѣ въчеснѣ русской косы.

Супруги живутъ счастливо. Минской самъ рассказывалъ мнѣ въ лицахъ свою исторію и позволилъ описать ее въ томъ же видѣ, какъ я имѣлъ

удовольствіе представить моимъ ча-
шайселямъ.

Мнѣ остается теперь вывести пра-
воученіе (онъ въ такой модѣ) изъ не-
складной моей были. Вошь и оно :

Молодые люди! Опасень огонь, опас-
на вода, но русая коса всего опаснѣе.

Молодые люди, молодые люди! Осте-
регайтесь русой косы.

А вы, прелестницы, вы должны...
но коварная улыбка является на лицѣ
вашемъ ; вы уже , кажется , грозите
мнѣ, испительныя , за ненужной со-
вѣтъ мой... Я спрашусь вашего гнѣва
и кладу печать молчанія на дерзкія
уста свои.

З — ий.

ЧУДЕСНАЯ СОПУТНИЦА.

Есть сторона, гдѣ, на великомъ пустынномъ пространствѣ, лежатъ обширныя озера и, какъ полки исполиновъ, возвышаются скалы изъ тѣхъ породъ горно-каменныхъ, которыя, послѣ великаго испаренія первобытныхъ водъ, пришли въ разрушеніе, въ разломы. Камни, величиною съ огромнѣйшія палаты большихъ городовъ, опломясь отъ кряжей своихъ, лежатъ на берегахъ: у подножія ихъ вѣчно шумятъ волны озеръ, надъ ихъ главами воютъ пустынные вѣтры. Связующая ихъ самородная клейкость испарилась, въ шестини времени; они дали разнообразныя трещины, въ ко-

порыхъ поросли дикіе мхи. — Яркая разноцвѣтность сей расщипельности напоминаетъ палиптуру художника, или пестрые ковры — роскошь Востока. Далеко дожди весенніе и росы лѣтнія увлажнили грубые ребра скаль, къ которымъ прильнула возмешаемая вѣтрами пыль. Бури, похищающія сѣмена, тамъ, гдѣ они болѣе созрѣли, и далеко ихъ влекущія, застѣли скалы сѣменами расщипей, кустарниковъ и деревьевъ. При соединеніи благопріятныхъ обстоятельствъ, расщипельная сила проснулась, и сѣи каменныя громады одѣлись разнообразною зеленью и частымъ ельникомъ, котораго благопворное испареніе облегчаетъ дыханіе больной груди и окуриваетъ окрестности кадилнымъ запахомъ. Часпо деревья расшупъ, такъ сказать, на *прилеть* и подь угломъ столь наклоненнымъ, что, кажется, цѣлый лѣсъ

хочетъ упасть на пушника, проходящаго по узкой степжкѣ между озеромъ и спгбною скалы. По мѣстамъ видны слѣды бывшихъ подземныхъ пожаровъ и какого-то еще великаго переворота, преобразившаго древній Сѣверъ, о которомъ молчитъ исторія, и только въ небольшихъ кругахъ доврчивыхъ слушателей рассказываетъ великія чудеса темное преданіе, или народное баснословіе. Въ сей-то споронѣ, когда осень, съ свиснющею музыкою порывчатыхъ вѣтровъ, со всею шумностію своихъ бурь, приходила обирать лишь съ лѣсовъ и воздыманъ бѣлоглавыя волны на озерахъ, въ сей странѣ любилъ я прогулки уединенныя. Не разъ я хотѣлъ раздѣлить съ кѣмъ нибудь шансенное удовольствіе сихъ прогулокъ; но подѣлъ мой не могъ бытъ никѣмъ принятъ. Сѣверскіе пріятели имѣли свои

обязанности: ушрениія поствщенія, званые обѣды, гулянье въ пакнхъ мѣстахъ, гдѣ можно видѣшь людей и бышь ими видимымъ: вопъ, что наполнило ихъ день, а вечеромъ всеувлекающій вальсъ или мазурка похищали ихъ у цѣлаго свѣша и часто у самихъ себя. Я зазывала людей *дѣловыхъ*; но бѣдные денно-ночные пруженики! не имѣли ни одной минуты въ своемъ распоряженіи. Коряя надъ кипами бумагъ, опунѣвъ оиъ упоминсльнаго единообразія, они не успѣвали замѣчать, какъ дни за днями мимо нихъ пробѣгали. Переселенные въ какой-то бумажный міръ, трудясь надъ дѣлами въ полномъ смыслѣ *текущими*, они похожи на *Данандъ*, усиливляющихся наполнишь *сквозныхъ ведра*. Но занятіе ихъ, при всей многосложности, при всей запушанности образа производсва онаго, почтенно, если оно клошшея къ

утоленію страстей и стремится во-
дворить въ обществахъ гражданскихъ
православное равновѣсіе, которое,
именуясь на языкъ челоѣковъ *право-*
судіемъ, составляетъ здравіе народ-
ное: ибо недостаткомъ оного зараж-
даются болѣзни общественныя, воспа-
лительныя, обнаруживающіяся внезап-
но, или другія, производящія гніеніе
медленное.

И такъ всякой имѣлъ свои причи-
ны отговориться оныя моихъ прогу-
локъ, и я гулялъ одинъ. — Но каждый
разъ, чемъ далѣе шелъ, тѣмъ явнѣе,
тѣмъ ощутительнѣе становилось мнѣ,
что я ходилъ не *одинъ*, что насъ было
двое!.... Всмотриваясь долго и прилѣж-
но, я, наконецъ, привыкъ видѣть не-
видимость моей подруги, привыкъ оп-
личать ея образъ — ничѣмъ не образо-
ванный; ея черты соединены между
собою чѣмъ-то невидимымъ, какъ зву-

ки какой нибудь музыкальной пѣсни; душа понимаетъ ихъ соединеніе, но *глазь наружнаго теловѣка* не видитъ онаго. — Я видѣлъ ея прозрачное пѣло, отличалъ походку, неслышную уху; понималъ ея слова, какъ разговоры бесѣдующаго въ сновидѣніи. Она, моя легкая, красивая, живая, волшебная соупшница ходила подлѣ меня съ какимъ-шо жезломъ и шворила чудеса изумительныя. — Она спршила замки, передвигала времена, развершывала огромные свипки минувашаго.

Вдругъ, по ея мановенію, я видѣлъ, прямо предъ собою, великую картину первобытнаго міра. Воды, мало по малу сбывали, изъ всеобщаго мушнаго разшвора пронеходилъ постоянный осадокъ. Разныя породы обнажалисъ. Солнце, такъ сказашь, воззало лучи свои въ мягкій нлѣ и сила производительная кишѣла на всемъ простран-

ствѣ, освобожденномъ отъ влажнаго
пльна. Гущь совершался великій хи-
мическій процессъ (*): жидкіе раство-
ры переходили въ твердыя шѣла; онъ
сего получили свободу теплородъ;
воздухъ какъ бы ошанявелея и на
сѣверѣ дышала шенлопа, онъ кошо-
рой возраспали *пальмовые лѣса*, и сло-
ны и мамонны — живыя громады —
разгуливали по холмамъ, едва ли еще
посѣщеннымъ человекомъ. Я видѣлъ
и другое счастье юной земли, когда
ось ея стояла отвѣсно къ плоскости
ея пуши (**). Тогда вѣчная весна цар-

(*) Гумбольдтъ полагаетъ, что прехожденіе
горныхъ массъ изъ жидкаго въ твердое состо-
аніе само собою могло произвешти временный
мелкій климатъ и на сѣверѣ.

(**) По сказанію древнихъ (Геродота, Діодо-
ра) въ Египтѣ существовало преданіе, что нѣ-
когда на шарѣ земномъ царствовала безпре-
шленно весна, и ось земная стояла меридику-
лярно къ площади земнаго пуши.

сшвовала на долинахъ, уже оглашен-
ныхъ пѣснями счастливыхъ обитате-
лей. Но въ то время не знали еще
ни *раздѣла*, ни *спора*, не ковали ору-
жія, не проливали крови. Моя со-
путница, незримая, быстрая и твор-
ческая, какъ мысль, рисовала, или луч-
ше сказать, выдвигала изъ-за завѣсы
прошедшаго, и другія, болѣе знакомыя,
картины. Но она представляла мнѣ
ихъ — сіи живыя картины — съ тѣми
драгоценными подробностями, кошо-
рыхъ исторія не запомнила, потом-
ство не уберегло. — Такъ представ-
ляла она *вѣки патріархальныя*, когда
простота и незлобіе обитали между
человѣками.

Въ послѣдствіи люди стали ковар-
ны, забыли простоту сердца, начали
жить головою: пренебрегли раздолье
полей, устроили города, просторъ
смѣненъ на тѣсноту; возникли новыя

условія, новыя порядки; лице земли преобразилось; люди сдѣлались умнѣе, но сдѣлались ли они счастливѣе?... Я любила всматриваться въ картины рыцарскихъ временъ, въ домашній бытъ Европы *среднихъ вѣковъ*... Такъ забавляла меня моя *сопутница*. Она дѣлала несодѣянное! То вдругъ, однимъ маховеніемъ, прорубала дремучіе лѣса, то сглаживала свинцовые бугры какого-нибудь озера въ одну синюю, яхонтовую поверхность. Чего не дѣлала она изъ шума ручьевъ? — То выводила шумъ битвъ и великихъ сраженій, то шумъ создающихся городовъ, шумъ скрипящаго снастями флота, готовяго ринуться въ безпредѣльные моря.

Такъ часто даже въ глубокую осень, когда ручьи и рѣки воздымали пухлые хребты, озера кипѣли подъ бурей, съ лѣсовъ, обожженныхъ лѣпными пожарами, летѣлъ, пестрою тучею, листъ

★★

и луна, какъ круглое дно свѣтлаго серебрянаго сосуда, кружилась въ сгущенномъ дыму облаковъ, я любила услаждаться сопровожденіемъ моей сопутницы... Но люди, всегда улыбающіеся надъ наслажденіями неослабными, лукаво говорили: «онъ все глумлеть самъ-другъ — съ своею жетательностію!»

Ө. Глинка.

ПРИМѢЧАТЕЛЬНЫЙ СЛѢПОЙ.

У иностранцевъ находимъ мы нерѣдко извѣстія о слѣпыхъ, удивлявшихъ ешюль необыкновенными успѣхами въ механическихъ и искусственныхъ произведеніяхъ, что оныя принесли бы честь художнику съ самыми изощренными чувствами. Такимъ образомъ сохранены имена: Флореншинца Строцци, сочинявшаго модели въ архитектурѣ; Гамбасса, лѣпившаго изъ воску и глины изображенія, весьма похожія на подлинники; маркиза Шатлена, дѣлавшаго прекраснѣшіе музыкальные инструменты и другихъ. Въ самомъ дѣлѣ весьма любопытно видѣть, какъ дѣятельность челоѣческаго духа, при

недостаткъ чувства, старается замѣнить оное усстремленіемъ и сосредоточеніемъ прочихъ, успѣвая необыкновенными средствами, и какъ бы вопреки природы приобрѣсть способность, къ лишенію которой осужденъ несчастнымъ случаемъ, или несправедливымъ исключеніемъ изъ общихъ правилъ.

Въ бытность мою въ 1821 году въ Сибири, я имѣлъ случай слышать о слѣпомъ, заслуживающемъ вниманіе по многимъ отношеніямъ. Нынѣ живемъ въ Красноярскѣ, который бы не зналъ его и не рассказывалъ о немъ вещей, болѣе или менѣе удивительныхъ. Деревня Торгашина, въ которой онъ живешь, отъ города только въ нѣсколькихъ верстахъ, и какъ по пріятному мѣстоположенію не подалеку отъ Енисея, такъ и по изобилію ключей, приводящихъ въ движеніе множество мѣль-

ницъ, преимущественно посѣщается городскими жишелями. Впрочемъ, оставляя все, что молва по обыкновенію любитъ раскрашивать и приувеличивать, я приведу здѣсь только слышанное мною отъ достоверныхъ лицъ, на свидѣтельство которыхъ могу всегда сослаться. Если же и за тѣмъ иное покажется сомнительнымъ, то не моя вина:

Le vrai peut quelquefois n'être pas vraisemblable.

Чесноковъ (такъ зовущъ эшаго слѣпаго) рожденъ и находится въ прошомъ званіи. Лишившись послѣ оспы на шрешемъ году отъ роду зрѣнія, онъ жилъ сначала подъ призрѣніемъ отца, бывшаго на желѣзномъ заводѣ масшеровымъ. Пребываніе съ малыхъ лѣтъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ каждый занявъ определенною работою, послужило слѣпому къ пробужденію въ немъ дѣятельности и къ раскрытію

погруженныхъ во тмѣ способностей. Перенимая отъ масторовъ многое по слуху и замѣняя по возможности зрѣніе осязаніемъ, онъ узналъ употребленіе верстака, топора, скобеля; началъ тесать, снрогать, скленывать, и мало по малу сдѣлался столярюмъ. На первый разъ эпаго довольно, ибо кромѣ деревенской ушвари и посуды, онъ дѣлалъ даже нѣкоторыя простонародныя музыкальныя инструменты; мы увидимъ далѣе, что онъ на эпомъ не остановился.

Но главное дѣло въ томъ, что, потерявъ отца и оставшись одинъ, онъ могъ пропитываться себя, не прибѣгая къ людскому подаянню. Крестыяне деревни Торгашинной, прельстившись, видно, его работою, а болѣе, можетъ быть, ея дешевизною, перезвали его жить къ себѣ. Слѣпой, на новосельѣ занявшись издѣліями на

крестьянскую руку, нашелъ свою выгоду и спалъ снабжанъ вскорѣ не только свою деревню, но и окрестныя селенія; затрудняло его только пригиповленіе лѣса: но кто заказывалъ ему что-нибудь позначишесльте, тоишь обыкновенно, изъ уваженія къ его немощи, самъ доставлялъ материалъ. По-маленьку прудомъ и бережливостію накопилъ онъ сими способомъ денежку про черный день (а сльному какой день не черный?) и завелся напоследокъ собственнымъ домикомъ. Проспоръ, какъ говоритъ пословица, раждаешъ умъ. Въ числѣ небольшого его имущества находилась сльнные желззные часы, конорые, что-то замътя въ немъ охоту къ вещамъ эшаго рода, подарилъ ему еще на заводѣ. Онъ небреженія или онъ времени, часы были испорчены и въ ходѣ останавилась. Чеспокову едва и столяру, не свѣду-

щему и въ правилахъ механики, и даже въ фигурахъ и внутреннемъ устройствѣ — слѣпому наконецъ приходилъ на мысль — исправить ихъ. Мысль сія въ человѣкѣ ему подобномъ естъ уже нѣчто необыкновенное. Попытавшись нѣсколько разъ разобрать часы и опять сложить ихъ, ощущавъ въ нихъ каждое колесо, каждый винтъ — слѣпой соображеніемъ и догадкою дошелъ до того, что позналъ назначеніе часовой, отношеніе одной къ другой и наконецъ причину разстройства механизма. Кончилось пѣмъ, что онъ достигъ желаннаго — и часы, бывшіе долгое время безъ движенія, пошли. Представьте себѣ восхищеніе слѣпца: не столько радовался Архимедъ, открывъ пропорцію металловъ въ Героновой коронѣ. Чесноковъ, ободренный удачею, изъ столика дѣлается часовщикомъ.

По образцу исправленныхъ имъ часовъ и примѣнялся къ ихъ размѣру, зашлялъ онъ часы собственнаго рукодѣлья; желѣзные колеса замѣнилъ деревянными, употребляя, гдѣ нужно, проволоку, а вмѣсто чугуновыхъ гирь свѣнилъ и обжегъ глиняныя — и этакъ онышъ равно удался ему. Успѣхи заманчивы; онъ пустился еще далѣе — и началъ уже дѣлать часы не съ деревяннымъ, а съ мѣднымъ ходомъ. Колеса по моделямъ его оупины были въ городѣ, послѣ чего обширалъ и вычищаль онъ ихъ самъ, складываль какъ должно и даваль имъ наконецъ надлежащій ходъ. Пристрастившись къ сему заняшю, онъ упражнялся въ немъ, оставя все прочее, и въ короткое время одинъ безъ всякаго помощника, смастерилъ шаковыхъ часовъ — подивитесь его дѣлательности! — болѣе дюжины. Вырны ли, исправны ли, красивы

ли часы Чеснокова — объ этомъ говорить нечего; и кто потребуеш совершенства отъ сдѣлаго, научившагося самоучкою и съ самаго плохаго образца? При томъ изъ чего состоялъ инструментъ его? изъ ножки и пилки. Но заняшіе сіе не приносило ему никакой пользы, и онъ обратился къ прежнему, которое хоня и менѣе нравилось ему, но за то нишало вѣрить.

Чесноковъ, кромѣ платы за столярную свою работу, получаетъ еще отъ крестьянъ своей деревни небольшой окладъ деньгами и хлѣбомъ. За то и праздничнымъ и воскреснымъ днямъ поетъ онъ предъ часовнею при собраніи поселянъ утреннія и вечернія молитвы. Приблѣжнымъ ходеніемъ въ церковь и внимательнымъ слушаніемъ Божественной службы онъ затвердилъ ихъ еще съ малолѣтства, и кро-

мъ того знаетъ наизусть большую часть Псалтыри и Часослова.

Слѣпой псаломщикъ, споляръ, часовой мастеръ: это еще не столько удивительно, какъ то, что лишенный почти оныхъ роду зрѣнiя — слыхомъ не слыхавшiй о менодѣ ученiя слѣпыхъ, грамотень, и въ своемъ околоткѣ между прочимъ занимается обученiемъ чтенiю. Дѣло невѣроятное, но есть живые свидѣтели, выученные имъ, въ томъ числѣ дѣти Красноярскихъ козаковъ, которыхъ называли мнѣ по именамъ. Какимъ же образомъ выучился слѣпой, въ глуши, безъ пособiя выпуклыхъ азбукъ и тому подобныхъ изобрѣтенiй, и какъ обучаетъ онъ чтенiю другихъ, когда самъ лишь среденъ чинать, хотя бы дѣйствительно умѣлъ? Въ томъ и другомъ случаѣ, простымъ, но ему принадлежащимъ способомъ. Побуждаемый любознательнымъ

и жаждою къ познанію, онъ просилъ грамошныхъ людей, чшобы, вода пальцомъ его по доскѣ, показывали, какъ пишется каждая буква въ азбукѣ, послѣ чего зашвердиль склады и такимъ образомъ, переходя постепенно отъ слоговъ къ рченіямъ, узналъ мысленно всю систему чтенія, мысленно, говорю я, ибо для употребленія книгъ по причинѣ слѣпоты своей, онъ не менте того остался темнымъ чело-вѣкомъ. При обученіи же другихъ онъ накальваетъ на бумагѣ всѣ буквы и склады въ такомъ порядкѣ, какъ самъ ученъ, и когда ученикъ произноситъ букву или складъ, то слѣпой повѣряетъ, ошупывая на бумагѣ рукою произнесенное учащимся. Пройдя такимъ образомъ азбуку, онъ приступаетъ съ ученикомъ къ чтенію Псалтыри или Часослова, которые самъ знаетъ наизусть, а потому легко поправляешь

всякую ошибку. Сколь ни покажется таковая мепода затруднительною, но по недостатку учителей онъ исполняетъ обязанность ихъ, какъ можетъ. И ежели ученикъ успѣваетъ, то обѣ стороны остаются довольны, и хвала слѣпому, который, вмѣсто того, чптобъ быть обществу въ тягость, содѣйствуешь еще къ добру его, въ такихъ даже случаяхъ, гдѣ всего меньше ожидать должно чего либо отъ его по собія.

Нужно ли послѣ сего говорить, сколько онъ уважаемъ своими ближними? Значительнѣйшія лица изъ городскихъ жителей, бывая въ Торгашной, не оспаваютъ его посѣщеніемъ; а слѣпой, однажды узнавши кого-либо, не забываетъ уже, и услышавъ знакомый голосъ, хотя бы чрезъ долгое время снуся, тотчасъ называетъ человека по имени. Видя примѣры необыкновен-

ной его памяти и искусства по разным часямъ, равно знаніе грамматики, многіе на счетъ того, что онъ слѣпъ, оставались сначала въ сомнѣніи. Нѣкоторые даже, чинобъ удостовериться въ томъ, приходили къ нему, желая застать въ распахъ ночью и удивлялись, находя его, въ долгіе зимніе вечера, когда смеркается рано, за работою совершенно въ потмахъ. И у слѣпца есть своя выгода: въ свѣчахъ онъ не знаетъ нужды, и ежели когда разводитъ огонь, то конечно не для освѣщенія.

Окончу извѣстіе о слѣпомъ еще одною примѣчательною чертою. Съ того времени, какъ завелся домомъ, принялъ онъ къ себѣ женщину, такую же слѣпую, какъ самъ. При всемъ томъ она могла и успѣвала на него спрыпаться, нечь, мышь и по нуждѣ шипъ; а въ избѣ у нихъ наблюдалась чистота

приятность, какой тамъ итъ ни
одномъ крестьянскомъ домѣ. При-
ная чета, какой не скоро найтн.
адъ пому иъсколько лѣтъ, Чесно-
лишился своей помощницы; самъ
онъ еще здоровъ: по простымъ
работаетъ, по праздникамъ
пословитъ Бога и доволенъ, ка-
ся, свою участію.

А. Иллгевскій.

О С Е Н Н И Е Д Н И .

(К А Р Т И Н А).

Прекрасен тихій лѣтній день, когда солнце палитъ и сіяетъ; когда роскошные, разнообразныя сады и густо-одѣтыя долины въ полночь соковы предспавляютъ все переливы тѣней, все измененія опшѣнковъ; когда воды, подернутыя легкою, дымчатою зеленою сонливо спруншея, и птицы, какъ будто въ нѣкоторой задумчивости, спихаютъ. Тогда природа, полная наслажденія, подобна молодой супругѣ въ первые дни послѣ счастливаго брака. Все изображаетъ роскошь, безопасность, общее успокоеніе: и

эти рощицы на сочныхъ зеленыхъ долинахъ, спада и пасухи, облеглие студеныя, гремучіе ключи, и эпа безнечная свобода, съ которою одни ондыхають, другіе купаются, почши безъ различія пола, и эпа удобность имѣть вездѣ носпель, находить повсюду приемыще: все сіе вмѣстѣ обновляетъ память о золотомъ вѣкѣ.

Но признаюсь, мнѣ милѣ осенній день. Тутъ больше силы, больше жизни, больше карпинъ разнообразнаго движенія. И сколько мыслей возбуждаетъ такой день!...

Мнѣ весело смотрѣть на это волнующееся, еще зеленое море лѣсовъ, которыхъ вершины вижу съ вышины ущеса; на сіи кипучія воды, на тѣ горы, рсеющіяся какъ привидѣнія, на огромный городъ, который вдалекѣ за шуманомъ тихъ и спокоенъ. Такой и человекъ, размашриваемый издали;

★ ★

но подойдите ближе, и вы услышите шумъ и шревогу, увидите суету и волненіе! Обращаюсь опять къ любимой картинѣ... смопрю, припоминаю и сравниваю. Спрашиваю: отъ чего такъ правилась тебѣ эта самая картина природы, еще въ раннія лѣта дѣлешва, когда, забывая игрушки, ты исчезала въ задумчивости, сидя, какъ прикованный, у окна родимой хижины! Какое-то шоскливое внутреннее чувство опвѣчаетъ: «ахъ, это было предчувствіе, слишкомъ оправданное временемъ! Ты чувствовалъ въ душѣ свншокъ судьбы своей: теперь лѣта и случаи развиваютъ его!»

Какъ зыблются эти крѣкія деревья! Какъ живо напоминаютъ они спрастнія приключенія, встрѣчи, все отношеніе человеческого общества. Вотъ два дерева, разделенные пронокомъ земнымъ, склоняются потокомъ воздушнымъ, те

ченіемъ вѣтра. Вотъ они сблизились, обнялись, соединились, такъ нѣжно сѣпились вѣтвями, какъ будто уже никогда не могутъ быть разны! Но промчался порывъ другаго вѣтра, и, сближенные, раздвинулись, разстались... какъ будто никогда и не бывали вмѣстѣ! Новые обороты вѣтра, новыя сближенія, новыя связи, новыя отношенія... но въ семь волненій есть великая польза! Деревья, имѣющія сѣмена, дождаютъ ихъ на землю, или вѣтряюць вѣтрами, и новыя наслѣдники за-сѣваюцца. Изъ сего невидимаго по-сѣва возстанетъ нѣкогда новое поколѣніе лѣсовъ! Ароматы цвѣтущихъ куснариковъ, изъ шѣснаго круга своего, разносятся, какъ подарки, по большому пространству, и сонливыя заснои вреднаго воздуха разлагаются...

Но человекъ ищетъ цѣли. Сей пловецъ на бурномъ морѣ жизни все

стремится къ пристани. Гдѣ жъ эта пристань? Гдѣ желанное успокоеніе? Найми миръ въ мірѣ есть великая тайна нашего счастья! Древніе не каки отгадки сей тайны въ философіи, у которой одна только была заповѣдь: « терпи! » Мы имѣемъ другое, болѣе утѣшительное Существо, которое къ первому еще прибавляетъ два новыхъ слова: « люби и надѣйся! » И въ нравственномъ, какъ въ философскомъ мірѣ, волненіе житейское производитъ существенную пользу. Души развертываются, понятія и чувства разсѣваются, и ароматы уединенной частной добродѣтели растекаются по всему кругу общественности.

Но осень становится глубже. Въ зеленыхъ лѣсахъ примѣшенъ уже палевои и красноватой листь. Почти приходятъ ранѣе и приносятъ съ собою болѣе теплоты и влажности. По утрамъ

сьрые туманы спорять съ солнцемъ. И люблю смотрѣть на ихъ живописное волнованіе. Иногда кажется, будипо на воздухъ споянть города. Иногда, кажется, поскі сражаются... Огромные дымно-видные клубы движутся, по внизъ, по вверхъ; шбеняшя, колеблюшя и наконецъ, рѣдкя, уступаютъ дѣйствию солнца, которое возходитъ спокойно, не заботясь о суетѣ своихъ провинниковъ. Уже нивы спановятся пусны, а гумна наполняются. Вечеромъ видѣли въ лѣсу два луча, которые горѣли, какъ двѣ зажженныя свѣчи; это глаза волка! Уже звѣннть на островахъ охотничій рогъ и рѣдко хлопаетъ аранникъ, спан гончихъ замываются. Бѣдный, лакомый заяць не долго жируетъ на сочныхъ овсахъ! Но я лучше люблю мирныя заячійя поселанъ: гладкой токъ подъ овиномъ, гдѣ стучать цѣпы и пахнеть

(104)
подсушеннымъ хлѣбнымъ зерномъ ;
лю ароматную скирду шелкович
ства и глубокой дѣдовскій закр
гдѣ поселянинъ , съ непритворн
веселіемъ простой души , хоро
голичныя надежды свои....

Ө. Глинк

ОТРЫВКИ ПИСЕМЪ ИЗЪ ИТАЛІИ.

20 Ноября 1824 года, Неаполь.

Запѣсколько дней передь симъ возвра-
 шился я изъ Сициліи; хотѣль-было со-
 общить тебѣ дневныя свои записки, но
 опдумалъ. Путешествующій по пре-
 лесному сему острову часто по нѣс-
 колько дней ничего не встрѣчаетъ, кро-
 мѣ дикихъ скаль, песчаныхъ береговъ
 моря, опасныхъ переправъ чрезъ рѣки и
 топки и весьма дурныхъ пракишировъ;
 а потому подробное описаніе навело
 бы на тебя скуку, отъ копорой и самъ
 я не всегда могъ опдѣлаться. Я буду
 говорить только о примѣчательнѣй-
 шемъ, но и шупь... разскажь мой о ко-

лыбели Греческаго баснословія, быть можешь, усыпнишь себя.

Палермо. 11 Сентября, я и товарищъ мой Б...овъ (Руской, отличныхъ дарованийъ, художникъ) отправились изъ Неаполя на пароходъ, и 12, не смотря на постоянно противный вѣтеръ, прибыли въ столицу Сицили. Неаполитанцы неохотно рѣшаются на сей образъ плаванія, но ихъ мнѣнію, сопряженный съ величайшею опасностію. Пароходъ между Неаполемъ и Палермо существуетъ только еще одинъ годъ; онъ выписанъ партикулярнымъ обществомъ изъ Англии; капитанъ и матросы Англичане, а пассажиры почти все иностранные путешественники; но какъ они не весьма многочисленны, но и вѣроятно недолго будетъ существовать сіе единственное, вѣрное сообщеніе между Неаполемъ и островомъ.

Многіе, писавшіе о Палермо, чрезъ мѣру превозносятъ красоту сего города. Приморскою городъ, особенно въ такомъ климатѣ, всегда красивъ со стороны моря, но Палермо кромѣ набережной имѣетъ только двѣ большія прямыя улицы, пересѣкающіяся подъ прямымъ угломъ, и ни одного замѣтнаго зданія. Множество домовъ и церквей, поврежденныхъ послѣднимъ землеустройствомъ и еще несправленными, нѣсколько неправильныхъ невымощенныхъ площадей, отвратительная нечистота по переулкамъ, доказываютъ безпечіе начальства какъ о пользѣ, такъ и о красѣ города. Палермо многократно было пребываніемъ короля Фердинанда и служило ему убѣжищемъ во время занятія Неаполя Французами, но отъ того не сдѣлался ни чище, ни богаше.

Церкви, монастыри и монахи. Касательно церквей, скажу только, что

ни одна не заслуживаетъ быть упомянутою: снаружи противны правиламъ архитектуры, внутри сообразны со вкусомъ Сицилійцевъ; сего достаточно, что бы лишить зданіе и нѣки красоты.

Уничтоженіе монастырей въ Италіи никогда не простиралось на Сицилію: въ Палермо замѣтно сіе при первомъ шагѣ: на Толедѣ, на пристани, гдѣ толпится народъ въ часы прогулки, встрѣчаешь множество монаховъ; вечеромъ, находишь ихъ опянь сидящими предъ дверями конфекціонной лавки, съ стаканомъ мороженаго въ рукахъ. Быть можетъ впрочемъ, таковая жизнь имѣетъ хорошую сторону; быть можетъ, обращаясь чаще съ людьми, имѣютъ они чаще и случай возставать противъ порока.

Вдоль главной улицы Толедо, я счелъ одиннадцать женскихъ монастырей

Они не обнесены каменною оградою; и хотя затворницы не имѣютъ права пересунуть чрезъ порогъ монастырской, но не лишены удовольствія смотрѣть на мірскія забавы: кельи ихъ окошками на улицу, обыкновенно разположены въ верхнемъ жильѣ домовъ, конхъ остальныя части ондаюшя монастыремъ въ наемъ. Модная лавка въ нижнемъ этажѣ, практиръ во второмъ, квартира для холостяго человека въ третьемъ, а вверху окошко съ желѣзною рѣшеткою, вошь фасадъ женскаго монастыря въ Палермо. Справедливоснь пребуешь однако же прибавить, что ходъ къ инокинямъ особенный со двора, съ улицы же нѣтъ никогда къ нимъ лѣстницы. Злоупотребленія неразлучныя съ сими заведеніями, но, намъ извѣстныя только изъ романовъ, совершаются здѣсь еще ежедневно на

самомъ дѣлѣ: сколько молодыхъ дѣвушекъ, жертвъ корысплюбія родственниковъ, осуждены въ Сициліи на вѣчное, насильное замоченіе! Въ самомъ нѣжномъ возрастѣ отдаются ихъ на воспитаніе въ монастырь, гдѣ непрудно вселены въ нихъ отвращеніе къ свѣту, котораго оцѣ не знаютъ; сіе невѣдніе, сіе молчаніе души выдаютъ имъ за гласъ Божій, за призываніе къ монастырской жизни; обѣтъ безотмѣнный, слово невозвратное произнесены, рѣшешка разделяются ихъ на вѣки отъ свѣта, но часто сквозь нея прокрадываются въ сердце молодой монахини печаль, досада и грѣшное раскаяніе.

Я былъ въ Бенедиктинскомъ монастырѣ св. Маріына за 7 миль отъ Палермо. Больше четырехъ миль дорога идешь чрезъ виноградники, принадлежащія монастырю, который кроетъ

того пользуется значительными доходами. Мѣстоположеніе прекрасно: вдали между горами видна Палермская гавань и море. Св. Марыина не слѣдовало бы называшь монастыремъ; названіе сіе не даетъ точнаго о сѣмъ спросѣнн помятїя; это дворець и дворець великолѣпный: большой дворъ, мраморныя стѣны, алебасровая лѣшница, въ послѣднемъ вкусѣ прїемная, проспанная кухня и довольно шѣсная церковь, вопшъ, чшо я видѣль въ сѣй обителїи, гдѣ пробыль часа два, не удостояль лицезрѣнїя ни одного изъ братїи. Они, вкусивъ шпанезы, почивали; показывавшїй мнѣ монастырскїя рѣдкостїи слуга ходиль по коридорамъ на цыпочкахъ. Въ кухню поразиль меня скоромный запахъ; на вѣршелѣ предъ очагомъ, кружилась куры, индѣйки, баранина; впрочемъ католическимъ монахамъ не запреще-

ны скромныя яствы. Слуга, примѣтя, что я смотрю на сіи пригошовленія съ иѣкопорымъ удивленіемъ, сказала, не дождавшись моего вопроса: это для большихъ братьевъ на ужинъ. Судя по ужину объ анеминѣ, отвѣчалъ я, мнѣ пріятно заключить, что между вашими большими иѣтъ *отгалнныхъ*. Всѣ монахи св. Мартина изъ богатыхъ Палерминскихъ фамилій; ошказавшись отъ свѣсна, сохраняютъ они всѣ приходы свѣшскія и, кажешся, хотятъ напоминать, что они не простые монахи, а дворяне.

Я осматривалъ то же Капуцинской монастырь близъ самаго Палермо; онъ славенъ своими подземельями, кои, по увѣренію здѣшнихъ жителей, имѣютъ свойство сохранять въ цѣлости мершвыя тѣла безъ всякаго пригошовленія. Но по мнѣ представляють они зрѣлище самое отвращительное: на свѣснахъ

сихъ пространныхъ погребовъ висить, въ нѣсколько рядовъ, нѣсколько сотъ шруновъ въ капуцинской одеждѣ; весьма малое число сохранило съ такъ, что можно различить черты лица, да и нѣ выражаютъ все ужасы болѣзненныхъ спраданій. Крысы бѣгаютъ здѣсь стадами.

Всякой умершій Сициліянецъ имѣетъ право за малую плату получить мѣсто въ семь *тѣлохранищъ*; на мертваго надѣваютъ капуцинское плащье, къ шеѣ привѣшиваютъ дощечку, на которой означены имя и день смерти; потомъ вѣшаютъ тѣло на стѣну.

У монастырскихъ дверей нашелья и посланки (шезь) съ задернутыми занавѣсами. Вѣрно набожная Палерминянка, подумавъ я, пришедшая некапъ облегченія грѣхамъ въ исповѣди, и съ сею мыслию заглянулъ въ шезь. Тамъ си-

дѣль мертвый спарикъ въ рясѣ ка
 цина, и ждалъ, чтобы очистили
 мѣсто въ погребѣ. Гробы щинаютъ
 въ Палермо роскошью, которую и
 волюють себѣ лишь люди богатыи
 мерпвыхъ относятъ на кладбище
 носилкахъ и безъ всякихъ обрядъ
 бросаютъ въ яму общую для вс
 умирающихъ въ ночь донъ, а попъ
 и раздѣлено главное кладбище на ш
 снѣ шестьдесятъ пять могилъ.
 знаю, какія мѣры приняны для у
 рающихъ 29 февраля. Сколь ни п
 шивель такой обычай нашимъ об
 новеніямъ, но образъ похоронъ
 Римѣ еще снраннѣе и можетъ бы
 гибелень и для живыхъ: тамъ опус
 ютъ шѣла безъ гробовъ подъ церк
 ной полъ, и это дѣлается среди
 мага Рима и въ главныхъ храмахъ
Окрестности Палермо. Монте-
легрино. За пристанью стоить

сокал, каменная, почти со всех сторонъ отвѣсная гора Монто-Пелегринно; шрудная, крутая дорога извивается отъ подошвы огромной скалы до ея верха, гдѣ выстроена часовня, нѣсколько колій, а въ самой горѣ изсвѣчена пещера, посвященная святой Розаліи, покровительницѣ Палермо. Житіе святой мнѣ неизвѣстно; но я видѣлъ ея мощи, облитыя золотомъ и серебромъ, украшенные дорогими каменьями и (по знанію почему) большимъ Мальтійскимъ крестомъ. Поклонники непрестанно посѣщаютъ эту пещеру; глубина ея освѣщена лампадами, и свѣтъ ихъ живописно сливается съ лучами солнца, проникающими сквозь ущеліе скалы.

Палермитанцы исключительно чтутъ св. Розалію; въ прочихъ городахъ Сиціліи собственные покровители, къ коню прибѣгаютъ въ

★★

случаѣ нужды. Нѣтъ земли, гдѣ бы религія находилась въ сноль тѣсной связи съ грубымъ суевѣріемъ. Праздникъ св. Розаліи торжествуютъ ежегодно въ іюнь мѣсяцѣ, и празднество продолжается цѣлыхъ пяти дней. Гулянье, палья, фейерверки, иллюминація всего города даются въ честь святой. Деревянное ея изображеніе въ богатыхъ платьяхъ, въ золоченой огромной колесницѣ, присутствуетъ на увеселеніяхъ; народъ принимаетъ его съ шумными рукоплесканіями, въ восторгъ восклицаетъ: *viva santa Rosalia*, и ожидаетъ срочныхъ чудесныхъ исцеленій.

Багарія. Такъ называется долина на берегу моря, лѣпное пребываніе Палермишанцевъ. Природа украсила это мѣсто всеми прелестями, а Палермскіе жители взяли испортившія красота природы и, признавъ, по-

пти надъ нею одержали верхъ. Въ самомъ дѣлѣ, приличны ли сады съ осприженными деревьями, въ краю, гдѣ шть необходима; цвѣтники безъ цвѣтовъ, шамъ, гдѣ земля сама собою украшается распоніями, въ другихъ странахъ рѣдкими; гдѣ африканская пальма и деревья Индіи живутъ, какъ на родинѣ?

Палагонія. Но загородные дома Палермитанцевъ еще яснѣе доказываютъ присутствіе и власть худаго вкуса. Принцъ Палагонія выстроилъ въ Багаріи большой дворецъ, и чѣмъ украсилъ его? Начиная отъ вѣзда въ его помѣстье, съ обѣихъ сторонъ дороги, кругомъ двора и по всей крышѣ наставилъ онъ множество каменныхъ уродовъ, великановъ, карлъ, людей съ звѣриными головами и звѣрей съ человѣчьими; иные держатъ въ рукахъ музыкальные инструменты, другіе дерущаяся, иные стоятъ вверхъ ногами,

ные сидеть спокойно въ креслахъ. Странность сихъ украшеній не приносишь чести ни вымыслу принца, ни искусству художника, коему ввѣрилъ онъ исполненію каменныхъ своихъ бредней. Нашъ Г... во сно разъ милѣе; подвляніемъ здѣшняго солнца, распаленный мозгъ его оставилъ бы далеко за собою Сицилійскаго принца.

Бутера. Сосѣдомъ Палагоніи первый богачъ королевства, принцъ Бутера. У себя въ саду построилъ онъ монастырь тринадцати на двадцать келій. Каждая снабжена кроватью, чистымъ бельемъ, кухней и всемъ кухоннымъ приборомъ. Чистота сего дома примѣчательна; два человека безпрестанно мешутъ коридоры. Примѣрная тишина и порядокъ по кельямъ, гдѣ монахи проводятъ дни и годы въ жизни единообразной, но мирной. Иныхъ заспалъ я читающими, другіе спали или прохаживались.

Но вообрази мое удивленіе: я пашель въ одной кельѣ молодую монахиню! Она сидѣла за столомъ, въ рукахъ держала перо, предъ нею лежалъ листъ бумаги. Я къ ней подошелъ, взявъ бумагу, перо и написалъ откровенно мнѣніе свое на щетъ основателя эпаго монашья. Монахиня представляеть Элонзу; она восковая, подобно прочимъ праписамъ, не исключая и мепущихъ коридоръ.

Дорога отъ Палермо до Алькамо.
 Нанявъ муловъ для себя, для товарища своего и вьюка, отправился я изъ Палермо рано поутру 17-го сентября. Солнце грѣло, но не жгло, и мы отъ жара терѣли не много. До Монреали дорога непримѣнно подымаешя. Протѣхавъ этонъ городокъ, я невольно осшановился, чтобы насладиться прекрасной карпинною: не зная Сициліи, я воображалъ, что

шамь къ концу лѣта права сгараеть до корня, на деревьяхъ листья желты отъ засухи; и теперь въ сентябрь мѣсяць нашель къ удивленію своему Палермскую долину въ весенней одеждѣ. Апельсиновые, лимонныя деревья съ своею темною бархатною зеленью, широколистая фи́га, сучковатая шелковица, стройной высокой пинь, разбросанные по пространной долинь, выросли шакъ кешати, шакъ у мѣста; шакое согласіе царствовало во всѣхъ группахъ пейзажа, что, мнѣ казалось, испортилась бы вся картина, если бы уничтожить или пересадить хотя одно дерево. Поля огорожены здѣсь розовымъ лавромъ (*oleander*) и алоемъ (*agava americana*). У насъ и шо и другое воспитываютъ въ теплицахъ; но, не смотря на это, алое не цвѣшетъ никогда, или очень рѣдко, а пошому и зовуть его наши са-

довники *столътнимъ* *деревомъ*, утв-
ряя, будто бы цвѣтъ его является чрезъ
снопъ лѣтъ. Здѣсь же, чрезъ три или
четыре года, изъ середины куста алое,
выбѣгаетъ толстой прямой снопель,
который въ нѣсколько дней подымает-
ся сажени на три; поперечникъ его
вершковъ до четырехъ; онъ переро-
сгаетъ сосѣднія деревья, на вершинѣ
покрывается цвѣтомъ, но за мгновен-
ный блескъ плашнѣ всегда жизнию:
онъ цвѣтши, растеніе пропадаетъ. (*)
Прости мнѣ эту ботаническую вы-
лазку; ты не Линней, не Турнефоръ,

(*) Въ нѣкихъ мѣстахъ Сициліи изъ
лиственъ этого растенія дѣлаютъ довольно
порядочной холсти. Цвѣточный снопель
весьма твердъ. Сициліанцы срубаятъ че-
тыре цвѣтика алое, толстыми концами вка-
пываютъ ихъ въ землю, а на верхнихъ спро-
сятъ шалашъ; изъ сего довольно возвышен-
наго шалаша сперегуютъ они сады свои и
виноградники,

но ты не чуждъ наукъ ихъ: они цѣлны описывали, ты ихъ пѣлъ, а я только говорю о нихъ; но, зная, что мой разсказъ не имѣетъ ни пользы описанію, ни пріятности пѣсни, я проведу тебя молча чрезъ другую долину красивую, какъ и Валермская. Теперь мы въ Алькамо, маленькомъ нечисломъ городкѣ, гдѣ единственнѣйшій или единый прапиръ содержишь аббата и у възда въ городъ самъ встрѣчаетъ путешественниковъ, которые до расплавы могутъ думать, что пастьрь угощаетъ ихъ по долгу христіанскаго гостепріимства: такъ усерденъ онъ и привѣтливъ. Я зналъ его уже по наслышкѣ, а потому, не дожидаясь утра, спросилъ, чего спомнѣть компанію, ужинъ, завтракъ? Аббатъ не стыдился требовать цѣны неумѣренной, кляпивно увѣряя, что онъ человекъ честный, лишняго не беретъ и никогда не

торгуется. Опложивъ на время почтеніе, должное его сану, я объяснился съ аббатомъ, какъ съ простымъ практирщикомъ: ужиналъ, почевалъ и завтракалъ за цѣну, мною назначенную.

Эгестъ, Сегестъ или Седжестъ. Путешествующему по Сициліи храмъ Седжеста представляется первымъ вѣспникомъ вкуса, познаній спирительныхъ и прочности спросенія Грековъ. Его нельзя назвать развалиной; разорительная рука времени опказалась, кажется, прошивъ него дѣйствовать. Воздвигнутый бѣглыми Троянцами, основателями Сегеста, онъ пережилъ прочія городскія зданія. Въ величественномъ уединеніи, на пригоркѣ, среди пространной, безлѣсной пущыни, стоитъ современникъ Энея, безмолвный свидѣтель дѣлъ славныхъ.

Тридцать шесть колоннъ, Дорическаго или правильнѣе Греко-Сикулійскаго ордена, поддерживаютъ красивый карнизъ; колонны отъ основанія до карниза вышнюю съ небольшимъ 28 футовъ; впрочемъ не я ихъ мѣряя, за вѣрность не отвѣчаю, о размѣръ прочихъ частей сего зданія, если хочешь, справься въ подробныхъ путешествіяхъ по Сициліи: ихъ довольно; но не думай, чтобы все итѣ, кои говорятъ тебѣ о длинѣ, ширинѣ и вышинѣ храмовъ, театровъ и амфитеатровъ, сами съ саженью въ рукѣ взбирались на сіи зданія, весьма часно неприступныя. Сіи изыскатели древности большею частію вѣрятъ безъ повѣрки мѣрившимъ и писавшимъ предшественникамъ, а иногда, чіобы ихъ списокъ казался оригинальнѣе, прибавляютъ или убавляютъ итѣскольکو дюймовъ и линій;

таковая дробь въ общей суммѣ непри-
мѣнна.

Воротився къ Сегесту. Какому бо-
жеству былъ посвященъ сей храмъ,
неизвѣстно. По нѣкошорымъ призна-
камъ, вѣроятно даже, что онъ никогда
не былъ доспроенъ. Дикіе голуби
гнѣздяся на капителяхъ; ястребъ
кружился надъ ими, и сіи птицы однѣ
придаютъ шеперь жизнь мернымъ
окрестностямъ Сегеста. Король Фер-
динандъ вснавилъ два камня выпад-
шіе изъ карниза и надписью на
фронтонѣ, на бѣлой мраморной доскѣ,
обезобразилъ весь фасадъ: *Ferdinandi
regis augustissimi providentia resti-
tuit anno mdcclxxxviii.*

Трапани, древній Дрепанумъ. Отъ
Сегеста голыми, скучными полями
едва проложенная пропинка приводитъ
въ Трапани. Надежная гавань, рыбная
ловля, добываніе коралловъ и выпари-

ваніе соли изъ морской воды могли бы обогатить сей городъ , но есть безпресытанныя преграды торговлѣ; это общее несчастіе всѣхъ здѣшнихъ городовъ: виноградники, оливы, хлопчатая бумага, всякаго рода фруктовые деревья съ изобиліемъ въ Сициліи, а между тѣмъ хлѣбопашество и садоводство ежегодно уменьшаются; значительная часть осирова покрыта полями незастылыми; на многихъ, со времянь Грековъ и Римлянъ, плугъ не раздиралъ земли; и край, снабжавшій всю Италію своими произведеніями, едва ли производитъ достаточно для собственныхъ жителей. Они въ угнетеніи ропщутъ, но ропоть ихъ неслышенъ въ Неаполь.

Близъ самаго Транани на берегу моря стоитъ высокая гора, въ старину т. Егух, теперь Монте-Транани или Санш-Джуліано. Въ древности

славился Эриксъ храмомъ, посвящен-
 нымъ Венерѣ: украшенный идолами
 изъ золота и серебра, онъ обогащал-
 ся еще ежедневными приношеніями
 Сициліянцевъ, Римлянъ и Карфагенянъ.
 Эней, послѣ разоренія Трои, постѣпилъ
 храмъ Эрика и оставилъ въ немъ
 дары драгоцѣнные. Здѣсь праздновалъ
 онъ игры въ память отца своего. Въ
 дни прошедшаго. Для настоящаго: гора
 существовать во всей цѣлости, но
 храмъ исчезъ совершенно. Однако же,
 какъ бы въ воспоминаніе поклоненію
 красавицы Венерѣ, утверждаютъ, что до
 сихъ поръ женщины городка С. Джуль-
 яно отличаются красотою отъ про-
 чихъ женщинъ острова. Быть можетъ,
 это правда, но, чтобы въ томъ увѣ-
 риться, надлежало бы мнѣ взобраться
 на высочайшую послѣ Эпны гору;
 день былъ жарокъ, я усталъ и безъ
 того, да къ тому же, въ семьѣ не безъ

урода, кто знаешь, кѣмъ бы я была встрѣченъ на вершинѣ Эрика. И такъ я выѣхалъ изъ Транани, не бывъ на Эрикѣ и слѣдовательно не могу тебѣ ручаться за красоту нагорныхъ жительницъ.

Я нынѣ не въ первый уже разъ имѣлъ случай замѣтить несправедливость общаго мнѣнiя, будто бы народъ южной Италiи, особенно Неаполитанскаго королевства, преданъ непреодолимой лѣни. Эпопѣя предразсудокъ основанъ на старыхъ разсказахъ путешественниковъ. Въ Неаполѣ рыбаки, носильщики и вообще ладзорони, въ Сицилии мульщики никогда не отказываются добывать себѣ хлѣбъ самыми тяжкими работами. Въ самую сладостную для ладзорана минулу, когда, наѣвшись макаронъ, онъ лежитъ на пескѣ у берега моря и грѣется на солнцѣ, предложи ему ношу и пошли

его даже далеко за городъ, онъ съ поспѣшностію исполнить свое порученіе за нѣсколько грановъ. Но, не давая имъ работы, несправедливо обвинялъ ихъ въ лѣни и называть тунеядцами, а правительство не беретъ никакихъ мѣръ для доставленія занятія нижнимъ классамъ промышленниковъ.

И нанялъ мульщика своего поденно за весьма умѣренную цѣну и дивлюсь его дѣятельности: онъ идетъ цѣлый день пѣшкомъ, изрѣдка только вскочипъ на выючнаго мула, уколеть его въ спину шпорою, привязанной къ его рукѣ, мулъ побѣжитъ, а онъ опять сѣвшился и, пѣваячи Сициліанскую пѣсню, догоняетъ его босой по каменистой, разкаленной солнцемъ дорогѣ. Припомъ на привалахъ, на почлегахъ, онъ мой камердинеръ и поваръ; развьючипъ мула, сходитъ на рынокъ, купипъ рыбы и сварипъ ее, по-

томъ пригошовить бѣлье и вычистити
платье.

РАЗВАЛИНЫ АЛЬМОДАВАРСКІЯ.

Пламя войны и раздоровъ опусто-
шало Испанію: народъ Испанскій бо-
ролся съ могуществомъ Наполеона.
Кровавый слѣдъ среди пепелищъ зна-
меновалъ пушь побѣды, сопровождае-
мой местию и опчаяніемъ. Тысячи
иноплеменниковъ изъ всѣхъ концовъ
Европы толпились на сѣнь попрницъ
славы и гибели: немногіе участво-
вали сердцемъ въ великомъ замыслѣ
порабощенія великодушнаго народа —
и сражались. Званіе воина требуетъ
одного повиновенія.

Небольшой отрядъ Французовъ находился въ Альмодавартъ, на пути изъ Сарагоссы въ Мадридъ. При каждомъ пристанищѣ чужеземныхъ войскъ, окрестные жители собирались вооруженными толпами, какъ пчелы вокругъ разоряемыхъ ульевъ, и старались всѣми средствами вредить нарушителямъ своего спокойствія. Въ то время слышно было, что отчаянные Гверильясы, изъ отряда жестокаго Эмпеснадо, бродили вокругъ Альмодавара и выжидали кровавой добычи. Надлежало остерегаться; мы были вооружены день и ночь; бдительная стража охраняла всѣ входы въ городъ; подзорные отряды конницы безпрестанно разъезжали по окрестностямъ.

Въ одинъ изъ ночныхъ разъездовъ, я остановился отдохнуть у подножія утеса, на которомъ возвышался развалины древняго замка, разрушеннаго,

**

по преданіямъ , Маврами. Любопытство повлекло меня на вершину утеса. Ночь была тихая : луна ярко свѣтилась на темномъ небѣ и серебрила оконечности сѣдаго зданія , которое съ противоположной стороны бросало длинныя , черныя тѣни. Если бы я былъ поэтомъ , то эти сѣрые камни назвалъ бы *остовомъ событий*. Густыя каштановыя деревья осыпали одну сторону замка ; у подножія утеса протекала ручей , а за нимъ простиралась необозримая равнина , которая при свѣтѣ луны зеленѣлась на близкомъ разстояніи и вдали скрывалась во мракѣ ночи , какъ скрывающіяся престолы Испанскихъ красавиць подъ ихъ черными мантиліями. Мои уланы отдыхали на муравѣ , завернувшись въ плащи и держа лошадей за поводъ. Флюгера пикъ , воиснутыхъ въ землю , не шевелились отъ вѣтра.

Я въ задумчивости побрель къ развалинамъ. Въ моемъ воображеніи мелкали тысячи образовъ, и воспоминанія старины оживлялись въ присутствіи безмолвныхъ ея свидѣтелей. Протекло шесть вѣковъ, думаль я, какъ Испанская кровь лилась на этой равнинѣ, какъ Мавры дикими волями торжествовали побѣду, и Испанцы оплакивали смерть мужественнаго Альфонса VII, короля Арагонскаго. Можетъ бышь, во время кровавой сѣчи, прелестныя обитательницы этого зѣмка, съ ужасомъ взирали изъ рѣшетчатыхъ оконъ на погибель своихъ рыцарей и съ отчаяніемъ ожидали смерти или плѣна. Несчастливая страна! И теперь чужеземець съ презрѣніемъ попираешь ногами осаншки твоей священной старины: неутомимые кони сѣверныхъ степей пасутся на ароматныхъ твоихъ лугахъ, и ги-

Бельная пика изъ мрачныхъ и хладильсовъ надвислянскихъ водружена землю, пронзраращающую лимон оливу; швой шелкъ разтѣвается и дrevкѣ.

Внезапный шумъ прервалъ мою му: груди песку и щebня посыпалъ съ вершины полуразрушеннаго свѣя оглянулся — и вижу женщину, черномъ платьѣ, съ распущенными волосами; она стоитъ надъ моею ловою и держитъ въ рукахъ огромный камень, готовый поразить меня. Взоры наши встрѣтились, и движенье ея произвело во мнѣ такое ощущение, какъ блескъ книжала въ сердцѣ челоvѣка, внезапно пробужденнаго отъ сна. Невольный шреп пробѣжалъ по всемъ моимъ жиламъ, кровь охладѣла и сердце сжалось. « Ты ли убилъ его? » воскликнула грознымъ голосомъ и подняла кам

надъ своею головою. Минута была рѣшительная, но какое-то вдохновеніе спасло меня. « Нѣтъ, не я! » отвѣчала я громкимъ и швердымъ голосомъ, во все не постигая вопроса. « Не ты? » сказала незнакомка, понизивъ голосъ, медленно опустила камень, сѣла на обломкѣ и устремила на меня свои черныя, блестящія глаза. Въ это время я пришелъ нѣсколько въ себя и съ любопытствомъ смотрѣлъ на незнакомку. Она была молода и прекрасна, но правильныя черты ея лица выражали суровость, неподвижныя взоры внушали ужасъ. Суѣверныя воспоминанія дѣтства вспорхнули въ моей памяти; воображеніе мое воспламенилось, и я мечпалъ, что вижу предъ собою грозное привидѣніе изъ-за предѣловъ гроба. — « Не ты убилъ его, » — повторила незнакомка, — « но ты вѣрно зналъ его! Онъ былъ издалека;

а теперь еще далѣе! Онъ теперь тамъ!» сказала она, поднявъ руку въ верхъ и очершивъ въ воздухѣ полкругъ: «онъ теперь тамъ: я часто вижу его по ночамъ, въ этомъ зеркалѣ,» примолвила она, указывая на луну. Настало краткое молчаніе. «Что ты смотришь на меня?» сказала она, — я теперь не могу болѣе плакать: днемъ въ глазахъ моихъ жгучій песокъ, ночью горный снѣгъ— а слезъ вовсе нѣтъ!» —

Она закрыла лице руками; я слышалъ ея всхлипыванія и тяжкіе стоны, которые раздирали мое сердце. Состраданіе заступило въ душѣ моей мѣсто ужаса. Любопытство мучило меня, но я не смѣлъ и даже почтительнѣе безполезнымъ обременять ее вопросами.

Вдругъ она привстала, отбросила покрывало, и я увидѣлъ, что лице ея

пылало румянцемъ, глаза налились кровью. « Ты не Французъ? » — спросила она грозно, и я видѣлъ, что всѣ члены ея пренесли въ судорожныхъ движеніяхъ « Ныль! » сказала я хладнокровно. « Слава Богу! » воскликнула незнакомка; « Французъ убилъ его на моей груди и хладное желѣзо осталось въ моемъ сердцѣ. » При сихъ словахъ незнакомка обнажила книжалъ. « Вошь ошь! — Видишь ли его: я должна согрѣть его въ крови убійцы. О, я найду его, я найду его! » —

Незнакомка удалилась во внутренность развалинъ и скрылась за обломкомъ разрушенной стѣны; эхо повторило звуки ея медленныхъ шаговъ и вскорѣ заглохло. Эта необыкновенная встрѣча произвела во мнѣ сильное впечатлѣніе; я нѣсколько времени сидѣлъ въ раздумьѣ на камнѣ, наконецъ всталъ, чтобы возвратиться-

ся къ моему отряду и увидѣлъ Фернандо, моего вѣрнаго проводника, который стоялъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, « Я все видѣлъ и слышалъ, » сказалъ онъ, « но не смѣлъ показаться, чтобъ не испугать ея. » — Не слыхалъ ли чего объ этой несчастной? — « Ее все знаюшь, » ошвѣчала Фернандо: это Агнеса, дочь Гидадьгоса, котораго участокъ земли находился въ горахъ, недалеко отсюда. Окрестные жители боялись Агнесы и уважаютъ ее. Одни называютъ ее сумасшедшею, другіе вдохновенною, иные волшебницею. Ее не смѣютъ удерживать дома, и она по большой части живетъ въ развалинахъ, куда набожные люди доставляютъ ей пищу. Говорятъ, будто она предсказываетъ будущее. Агнеса возвѣстила паденіе Сарагоссы и теперь предсказываетъ » Фернандо замолчалъ.

« Говори , что шакое , » возразилъ я съ нешерпѣніемъ. « Она предсказываетъ скорое возвращеніе нашего Короля , и изгнаніе Французовъ изъ Испаніи. » — « Пустое , » сказала я , пришворно улыбаясь , « вы , Испанцы , во всемъ видите то , чего вамъ хочется . Но расскажи мнѣ исторію эпои прорицательницы . »

Мы сѣли на камнѣ , и Фернандо началъ свое повѣствованіе :

« Отець Агнесы сражался прошиву Французовъ , въ отрядѣ Гверильясовъ стараго Мины ; онъ былъ взятъ въ плѣнъ съ оружіемъ въ рукахъ и приговоренъ къ позорной смерти . Одинъ Французскій офицеръ пронулся его лѣтами и благородными чувствами , и освободилъ его отъ смерти . Вскорѣ случай доставилъ Гидальгосу средство воздасть шѣмъ же своему благодѣтелю . Офицеръ былъ раненъ и

взять въ плѣнь, близъ селенія, въ которомъ жилъ Гидальгось. Онъ спасъ его отъ ярости черни и взялъ къ себѣ въ домъ, прилагая попеченіе какъ о родномъ сынѣ. Агнеса ухаживала за больнымъ; они проводили дни вмѣстѣ и вскорѣ полюбили другъ друга. Отецъ благословилъ ихъ любовь, и къ заключенію брака ожидали только полного выздоровленія офицера. Онъ былъ не Французъ, но усердный католикъ, родомъ изъ страны покоренной Наполеономъ, и не охотно слѣдовалъ за его знаменами.

Наканунѣ свадьбы Агнесы, толпа Французовъ напала въ расплохъ на селеніе: это были солдаты, отспавшіе отъ войска для грабежа и безчинства. Большая часть поселянъ занята была полевыми работами; оставались старики, жены и дѣти. Грабители вторгнулись въ дома и распространили

ужась въ беззащитныхъ семействахъ. Нѣсколько гренадеровъ, какъ бывшіе въбѣгаютъ въ домъ отца Агнесы. «Ви-на!» кричитъ одинъ, замахнувшись прикладомъ на старую служанку. «Денегъ!» восклицаетъ другой, прицѣлившись ружьемъ въ хозяина. Между нѣмъ древній шкафъ разрушается въ дребезги подъ ударами сѣкиры сапера. Хищники бросаются на серебряную утварь, и одинъ изъ нихъ, недовольствуясь сею добычею, просперъ святопашскую руку на золотое изображеніе Спасителя, висѣвшее на стѣнѣ. Тогда Гидальгось не былъ въ силахъ владѣть собою: въ порывѣ справедливаго гнѣва, онъ бросается на святопашца и сильною рукою повергаетъ его на землю. Нѣсколько шпыковъ усремлено на великодушнаго защитника святыни, и злодѣи гошovy нанести уже удары; но вдругъ

дверь отворяется, и является офицеръ въ полномъ Французскомъ мундирѣ, съ обнаженною шпагою: это былъ женихъ Агнесы. « Спойте, варвары! » восклицаетъ онъ. Солдаты невольно опустили ружья и въ смятеніи поглядывали другъ на друга. « За чѣмъ вы здѣсь? » спросилъ офицеръ. « Мы ищемъ съѣстныхъ припасовъ для войска » отвѣчалъ гренадеръ. « Разбойники! » сказалъ офицеръ въ негодованіи, — « такъ-то вы безчинствомъ своимъ вооружаете жипелей противу своего государя и своего благороднаго народа. Прочь отсюда, или первый, кто дерзнетъ противиться, падеть на мѣсть. » Видно, что солдаты догадались по произношенію офицера о томъ, что онъ чужеземецъ, и дерзость ихъ превратилась въ изступленіе. « Но кто ты таковъ, и по какому праву смѣешь повелѣвать »

нами? » возразилъ старой гренадеръ. « Развѣ ты не видишь этой кокарды? » опѣтчалъ офицеръ. « Онъ перемешчикъ, онъ измѣнникъ! » закричали со всѣхъ сторонъ грабители и бросились на офицера. Въ сію минуту Агнеса вбѣжала въ комнату, и видя возлюбленнаго своего на краю гибели, устремилась къ нему, прижала его къ груди своей, и отчаянными воплями умоляла о пощаду. Но уже офицеръ пролилъ кровь одного изъ хищниковъ; злодѣи забыли долгъ чести и закололи благороднаго юношу на груди Агнесы: хладная сталь скользнула по груди ея — злополучная упала безъ чувствъ на прутья своего жениха.

Изверги получили достойную казнь за свое преступленіе. Грозный набатъ призывалъ жителей къ защитѣ своихъ семействъ: ужасная сѣча между хищниками и мещинцами кончилась по-

бѣдою справедливой спороны. Всѣ Французскіе солдаты или пали на мѣстѣ, или доснались въ плѣнь и погибли мучительною смертію. Тѣхъ ихъ брошены были на съденіе хищнымъ пшцамъ.

Съ той минутой, какъ кровь жениха обагрила грудь Агнессы, она потеряла разумъ. Ей кажется, что хладное желѣзо погружено въ ея сердце, и что ей должно согрѣть его въ крови убійцы. Она не вѣрнѣтъ, что всѣ хищники погибли и безпрестанно ищетъ своей жертвы. Многіе Франгузы уже пали подъ ея ударами, но мѣстѣ ея не насыпилась. Невинная кровь падеть на зачинщиковъ....» Фернандо не смѣлъ продолжати и кончилъ свой разсказъ. Я въ безмолвіи возвратился къ опряду и во всю дорогу грустилъ, помышляя о несчастной. Развалины

Альмодаварскія оспались въ моей па-
мяти.

О люди, думалъ я, зачѣмъ вы терзаете
другъ друга, когда, дѣлая добро, можете
быть счастливыми!

Ваддей Булгаринъ.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.

Je jette mes idées sur le papier et elles
deviennent ce qu'elles peuvent.

DIDEROT.

1.

Скоро вскучишься людьми, у конхъ душею бывають умъ: надежны одни тѣ, у конхъ умомъ душа. Вовенаргъ сказалъ: мысли высокія испекають изъ сердца. Можно прибавить: и приемяются сердцемъ. Слова челоуѣка съ умомъ цыфры: ихъ должно примѣнять, высчитывать, повѣрять: слова челоуѣка съ душею дѣянія. Онѣ увлекають

поображеніе, согрѣвають сердце, убѣждаютъ умъ.

2.

Женщины господствуютъ въ жизни силою слабостей своихъ и нашихъ. Онѣ напоминаютъ изваяніе, представляющее Амура, который обуздалъ льва. Онѣ царь; но диня сѣлъ ему на шею.

3.

О Херасковѣ можно сказать, что онъ сохранилъ до старости холодность, замѣтную въ первыхъ стихахъ его молодости.

4.

Музыка и живопись.

Музыка искусство независимое; живопись подражательное и слѣдовательно подвластное. Последняя говоритъ душѣ посредствомъ глазъ и дѣйствуетъ

**

преимущественно на память. Первая только по условію покорилась опредѣленнымъ формамъ и всеобъемлюща. Есть музыка безъ нотъ, безъ инструментовъ. Въ живописи все вещественно: оптиминге кисть, карандашъ, и она не существуетъ. Живое въ ней оптический обманъ. Истинное въ ней: краски, кисти, холстъ, бумага — мертвое. Въ музыкѣ обманъ то, что въ ней есть мертвое. Ноты цифры ея, соображеніе строевъ математика, все это условное, безжизненное. Живое въ ней почти не осязается чувствомъ. Живопись сначала была ремесломъ, рукодѣлемъ: уже послѣ сдѣлалась она твореніемъ. Музыка, твореніе первобышнее и только изъ угожденія приходимъ, или недостапкамъ человѣческимъ сошла въ искусство. Шумъ вѣтровъ, ропотъ волнъ, шрескъ грома, стоны соловья, изгибы человече-

скаго голоса, вопль музыка довременная всѣмъ инструментамъ. Живопись наука: музыка способность. Искусство говорить наука благопріобрѣтенная; но даръ слова родовое достояніе чловѣка. Не будь чашей рычи, не будь словъ, не менѣе того были бы звуки неопредѣленные, сбивчивые, но все болѣе, или менѣе понятныя для употребляющихъ: не будь пошь, генеральбаса, а все была бы музыка. Музыка чувство: живопись понятіе. Въ первой ошь родило понятіе: въ другой ошь понятій родилось чувство. Господствующее средство музыки съ нами: ея переходчивость. Мы симпатизируемъ съ нѣмъ, что также минутно, также неушвердно, также загадочно, неопредѣленно, какъ мы. Звукъ потрясъ нашу душу и нѣтъ его, наслажденіе обогрѣло наше сердце и нѣтъ его. Въ живописи видны уже расчеты.

разсудка, цѣль, намѣреніе установить преходящее, воскресить минувшее, или будущему передать насюущее. Это уже промышленность. Въ музыкѣ нѣтъ никакихъ хозяйственныхъ распоряженій челоуѣка, минушнаго хозяина въ жизни. Душа порывается отъ радости или печали: она выливается въ восклицаніе, или стоиъ. Ей не хотѣлось передать свои чувства другому, а не могла она утаить ихъ въ себя. Они въ ней заговорили, какъ Мемнонова статуя, пораженная лучемъ денницы. Вошь музыка. Есть солнце гармоніи: оно дѣйствуетъ на своихъ поклонниковъ, согрѣваетъ и оплодотворяетъ ихъ гармоническою теплою. Часто слышишь, что живопись предпочитается какъ упражненіе, болѣе независимое отъ обстоятельствъ, болѣе времени убивающее, и слѣдовательно прибыльнѣе для сбы-

вающихъ съ рукъ его излишество. Тутъ идетъ дѣло о пользѣ, а я и о наслажденіи думать не хочу: говорю о потребности, о необходимости. Горе музыканту или поэту, принимающемуся за пѣсни отъ скуки. Оставимъ это промышленникамъ. Несчастный, увлеченный въ душѣ, какъ бы ни былъ страстенъ къ живописи, возьмется ли за кисть въ первую минуту пораженія; развѣ послѣ, когда опомнится и покорится разсудку, предписывающему разсѣяніе. Безъ сомнѣнія музыкантъ и поэтъ, если живо поражены, не спанутъ также снѣпать снопъ, или сводить звуки; но ни въ какое время, какъ въ минуты скорби душевной, душа ихъ не была музыкальнѣе и поэтичнѣе. Однако же и живопись имѣетъ въ насъ природное соотвѣтствіе. Мы часто спускаемъ взоры съ подлинной картины природы, и за-

думчиво заглядываемся на повтореніе
 ся въ зеркаль воды, отражающемъ ее
 слабо, но съ опшнѣиками привлекатель-
 ными. Человѣкъ по возвышенному наз-
 наченію ищетъ совершенства: но по
 тайной склонности любуется въ не-
 совершенствахъ. Неотразимо чув-
 ствуя въ душѣ преимущество музыки
 надъ живописью, я гонювь почти при-
 мѣннть сказанное мною о живописи
 къ поэзіи, въ сравненіи съ музыкою,
 признавая однакожь въ поэзіи много
 свойствъ живописи совершенно чуж-
 дыхъ, а съ музыкою сродныхъ. Впрочемъ
 музыка одна и нераздѣльная (*une et
 indivisible*), какъ покойная француз-
 ская республика. Въ поэзіи много у-
 дѣльныхъ княжествъ: есть поэзія ума,
 поэзія воображенія, поэзія нравоче-
 нія, поэзія живописная, поэзія чув-
 ства, которая есть законнѣйшая,
 ближайшая къ общей родоначальницѣ

поэзіи природы, поэзіи вѣчной. Есть же поэзія безъ стиховъ: на стихи безъ поэзіи указывать нечего. Въ условленномъ выраженіи поэзіи есть слишкомъ много примѣси прозаической. Поэзія ангель въ одеждѣ человѣческой; музыка прозрачно подернула эфирнымъ покровомъ. Она ничего не представляетъ и все изображаетъ: ничего не выговариваетъ и все говоритъ: ни за что не отвѣтствуетъ и на все отвѣчаетъ. Языкъ поэзіи, стихотворство, есть языкъ простонародный, облагороженный выговоромъ. Музыка языкъ отдѣльный, цѣльный. Ихъ можно примѣнить къ письменамъ демоническимъ (народнымъ) и гіератическимъ (священно-служебнымъ), бывшимъ въ употребленіи у древнихъ Египтянъ. Музыка усовершенствованные, возвышенные іероглифы: въ нихъ все мірскіе же знаки изображали человѣ-

ческія понятія. Въ музыкѣ знаки без-
шлѣсныя возбуждаютъ впечатлѣнія
опвлеченныя. Въ поэзіи есть пред-
ставительство чего-то положительна-
го: въ музыкѣ все неизъяснимо, все
безотвѣтственно, какъ въ идеальной
жизни очаровательнаго и стройнаго
сновидѣнія. Что ни дѣлай, а таин-
ственность, неопредѣлимость. Вотъ
вѣрнѣйшая прелесть всѣхъ наслажде-
ній сердца. Мы прибѣгаемъ къ изящ-
нымъ искусствамъ, когда житейское,
мірское уже слишкомъ намъ посты-
ло. Мы ищемъ новаго міра, и вожашый,
дальше водящій по сей тайной обла-
сти, есть вѣрнѣйшій любимецъ души
нашей.

5.

Что за страсть, если она не спра-
даніе? Не даромъ на языкѣ христіан-
скомъ имѣють онѣ одно значеніе. Долж-
но пить любовь изъ источника бур-

го: въ числомъ она становилась
внимательнымъ напикомъ сердца.
наше же сонъ.

6.

Откровенная женщина говорила:
люблю старшаго своего племянника
то, что онъ уменъ: меньшаго, хоня
и глупъ, за то, что онъ мой пле-
мянникъ.

7.

Опытность не дочь времени, какъ
ворится ложно, но событий. (Pradt
: la Belgique.)

8.

Ривароль говорилъ о союзникахъ въ
одолженіе революціонной войны:
они всегда отстаютъ одною мыслию,
нимъ годомъ и одною армією. (Туть
:).

9.

Мнѣ всегда забавно видѣть, какъ из-
тели и біографы сатириковъ ограж-

даютъ божбами ихъ совѣсти отъ по-
дозрѣній въ злости и стараются чи-
стателей удабривать въ пользу ихъ.
Не все ли равно распинахся за хи-
рурговъ въ томъ , что они не крово-
жадные душегубцы. Клеветникъ убій-
ца: но сапирникъ операторъ, срѣзыва-
ющій наросты и впускающій щупъ въ
заразительныя раны. Къ тому же не
часто ли видимъ, что писатель на бу-
магѣ совершенно другой человекъ из-
устно. Забавный комикъ на сценѣ мо-
жетъ въ домашнемъ быту смотрѣть
сентябремъ, а прагикъ бытъ весель-
чакомъ. Умъ вольный козакъ и не всег-
да покаряется дисциплинѣ души и
права. Душа всегда та же: умъ разно-
образенъ, какъ оборотень. Дидеротъ
говоритъ: «зачѣмъ искапъ авипора въ
лицахъ, имъ выводимыхъ? Что общаго
въ Расинѣ съ Говеліею, въ Молиерѣ съ
Тарпюфомъ?»

10.

Лучшая эпиграмма на Хераскова опущена Державинымъ безъ умысла въ одѣ: Ключь.

Священный Гребеневскій ключь!
Пѣвца безсмертной Россіады
Помять водой шь стихотворства.

Вода стихотворства, говоря о поэзін Хераскова, выраженіе удивительно вѣрное и забавное!

11.

Чтобы твердо выучиться людямъ: не подслушивать, а подмѣчать ихъ надобно. Одни новички проговариваются: но и у самыхъ масперовъ сердце не рѣдко пробивается на лицѣ, или въ движеніяхъ. Зашедши въ гости, графъ Р. забылъ золотую табакерку въ серпукѣ: спохватившись, выйдя онъ въ переднюю и вынимаетъ ее изъ кармана. Замѣтя это, одинъ изъ лакеевъ поморщился и сдѣлалъ гу-

бами безмолвное движеніе, которое выпечатаало невольное признаніе: ахъ, если бы я это зналъ!

12.

Филиппъ писалъ Аристотелю: не столько за рожденіе сына благодарю боговъ, сколько за то, что онъ родился въ твое время. Многіе классики не столько радуются творенію своему, какъ тому, что оно создано по образу и подобію Аристотеля.

13.

И овцы цѣлы и волки сыты, было въ первый разъ сказано лукавымъ волкомъ, или подлою овцею. Счастливно по спадо, вокругъ коего волки околѣвають съ голода.

К. Вяземскій.

Ю Р О Д И В Ы Й.

Малороссійская быль.

Весело ѣхалъ молодой офицеръ изъ одной загородной деревни, гдѣ провелъ день въ самомъ пріятномъ кругу — въ кругу гостепріимныхъ хозяевъ, милыхъ ихъ дочерей и пяти или шести молодыхъ своихъ поварницъ. Онъ спѣшилъ на ночь въ городъ, потому что на другой день долженъ былъ идти въ караулъ. Луна, вѣрная спутница лѣтнихъ ночей Украинскихъ, сыпала серебряный свѣтъ свой на рощицы, на холмы и поля, и рисовала взору прелестныя картины, дополняемыя пылкимъ воображеніемъ.

Лихая шройка коней быстро несла канкиа дрожки офицера. Вдругъ, на поворотѣ около одного оврага, что-то черное, лежавшее почти на самой дорогѣ, мелькнуло въ глаза пугливыхъ коней; кони исполохнулись, рванулись и, не чуя вожжей кучера, бросились въ сторону съ большой дороги, по рышвинамъ и кочкамъ. Кучерь слезъ съ своего мѣша, офицеръ почти въ слѣдъ за нимъ — и кони скоро скрылись изъ глазъ.

Не чувствуя никакого ушиба, Мельскій — такъ назывался офицеръ — вскалъ, опряхнулся и пошелъ опыскивать своего кучера, котораго скоро нашелъ также на ногахъ, и въ добромъ здоровьѣ. Оба они упали на мягкій черноземъ, и раздѣлались только невольнымъ своимъ поделомъ. Поздно было искать лошадей; да и гдѣ ихъ найши? Почему офицеръ, со всею

Безпечностію молодыхъ лѣтъ, остави на произволь судьбъ коней своихъ и колесницу, захошѣлъ узнатьъ, что было причиною ихъ испуга.

«Иванъ,» говорилъ онъ кучеру, шедшему въ слѣдъ за нимъ, «какъ ты думаешь, чего испугались лошади?»

— Помилуйше, сударь, да какъ и не испугаешься: на дорогѣ лежала цѣлая стая волковъ!

«Трусъ! Недаромъ говорятъ: у страха глаза велики.»

— Да право, сударь, ихъ было по крайней мѣрѣ пары двѣ или три.

«Перестань болшашъ пусное; еслибъ это были волки, то ужь ли ты думаешь, что они и не пошевелинулись бы въ то время, когда мы со спускомъ пронеслись мимо нихъ?»

— Воля ваша, сударь, а я самъ видѣлъ съ полдюжины глазъ, копорые горѣли, какъ уголья.

« Полно, полно! Ты видѣлъ въ правѣ
какаго нибудь свѣтляка, или и вовсе
ничего не видѣлъ. Спупай за мною:
пойдемъ допытываться, что тамъ было? »

— Да какъ, сударь! При мнѣ ни шо-
пора, ни большого ключа оупь колесь:
все это въ дрожкахъ.

« При тебѣ швой кнутъ, а за поя-
сомъ вижу у тебя большой складной
ножь: эшаго очень довольно. Спупай
за мною, и больше ни слова. »

Не смѣя ослушаться своего барина,
Иванъ пошелъ за нимъ, взявъ въ обѣ
руки оба свои оружія, повѣся голову
и ворча себѣ подъ носъ.

Мельскій и самъ изъ предосторож-
ности, выпуль шпагу и окидываль взо-
ромъ дорогу впереди себя. Небольша-
го труда стоило ему отыскать чер-
ное страшлище Ивана и лошадей:
то былъ человекъ; онъ лежалъ на краю
дороги, поджавъ ноги подъ плашье и

укутавъ голову рукою , и , казалось , спалъ крѣпкимъ сномъ .

« Вставай , пьяница , » кричалъ ему Мельскій , шолкая его подъ бокъ носкомъ сапога .

— Пьяница? Не я пьяница , а твои глаза охмѣляли , ошвѣчалъ грубый , хриповатый голосъ .

« Вставай же , покаместъ тебя не подняли неволею . »

— Оставь меня ! Тебѣ завидно , что я здѣсь силю въ чиспомъ полѣ , и самому приходится охота полежать на сырой землѣ . А вотъ , подожди съ недѣлку , тогда и я въ свой чередъ тебѣ помѣшаю....

« Ну , какъ хочешь , пріятель , а я тебя вытрезвлю , » сказалъ Мельскій , принимая его за пьянаго , который грезилъ съ хмѣля... « Иванъ , подними его ! »

★★

— Не допрогивайся до меня, хамь! сказала мнимо-пьяный и цоспѣшно встала на ноги.

Это былъ человекъ высокаго роста, съ щепинистою бородою и всклокоченными на головѣ волосами. Лице его было блѣдно и сухо, и при лунномъ свѣтѣ казалось какъ бы мертвымъ; мутные, бродящіе глаза его показывали, что голова его не въ самомъ здоровомъ состояніи.

« А, да это нашъ полоумный, вскричала кучеръ, очнувшись отъ страха: въ городѣ зовутъ его *Василь дурный* (*). »

— Дурный! подхватилъ Василь, передразнивая кучера. Правда, Василь не обижаетъ бѣдныхъ лошадей и не продаетъ ихъ сѣна и овса на ешоро-

(*) *Дурный*, по малороссійски значить: дурачекъ или полоумный.

ну, не бьетъ понапрасну бѣднаго козла на конюшнѣ, не ходитъ въ кабакъ по ночамъ и не бранишь тайкомъ своего барина. Василь боится Бога, ходитъ въ церковь, читаетъ молитвы и поетъ спихиры; Василь живетъ по-даяніемъ, а Боже избави его красть или обманывать. —

Во всю эту рѣчь, кучеръ стоялъ какъ самъ не свой, повѣся голову и ушупя глаза въ землю, какъ будто искалъ чего-то подъ ногами. Мельскій между тѣмъ улыбался и поглядывалъ то на кучера, то на полоумнаго, который стоялъ безъ шляпы, въ черномъ, длинномъ платьѣ толстаго сукна, сшитомъ на подобіе монашескаго подрясника; подпоясанъ онъ былъ узкимъ ремнемъ съ желѣзною, ржавою пряжкой; обуви на немъ вовсе не было; въ рукѣ держалъ онъ длинную палку, съ вырѣзанными на корѣ ея узорами.

« Иванъ, сказала Мельскій кучеру, ступай въ ту сторону, куда убѣжали лошади, и старайся ихъ отыскать! »

— Ступай! примолвилъ юродивый: найдешь и не возьмешь; отзовутся и не дадутся.

Кучеръ отправился искать лошадей, а Мельскій пошелъ по дорогѣ къ городу. Полоумный, не отставая отъ него, шелъ широкими, скорыми шагами, размахивая и опираясь своею палкою, и напѣвалъ духовныя пѣсни. Съ Мельскимъ онъ не заводилъ разговора.

Мельскій воспитанъ былъ въ нынѣшнемъ вѣкѣ и по нынѣшнему, слѣдовательно вовсе безъ предрасудковъ. Но странный его спутникъ вселялъ въ него какое-то незнакомое чувство: то былъ не суевѣрный страхъ и не подозрѣніе, а нѣчто между тѣмъ и другимъ. Грубый, сиповатый голосъ полоумнаго и унывыя напѣвы стихирь

изъ панихиды терзали слухъ молодого офицера и разливали въ душѣ его тоску непонятную.

Во всю дорогу Василь пѣлъ и не говорилъ ни слова; Мельскій молчалъ и какъ бы боялся завести съ нимъ разговоръ. Такимъ образомъ прибыли они къ городской заставѣ. Часовой окликнулъ, и, взглянувъ на мундиръ и на лице Мельскаго, почтительно далъ ему дорогу; но, какъ можно было замѣтить въ свѣтлую лунную ночь, солдатъ казался удивленнымъ, увидя своего полка офицера пѣшкомъ и съ такимъ спраннымъ шоварищемъ.

« Ваше благородіе, » сказалъ въ полголоса служивый, подойдя къ Мельскому, « не прикажете ли задержать этого бродягу? Онъ иногда разъ двадцать за ночь проходитъ туда и назадъ чрезъ засаду, и Богъ знаетъ, что у него за дѣла и все ли доброе на умѣ? »

— Бродягу! громко сказала полоумный: а задержал ли ты того бродягу, который когда-то безъ спроса отлучался отъ полка, и явился тогда, какъ его за шею приволокли? Ему бы палочки, палочки ... много, много! Благо, что командиръ добрый, пожалъ его спины.

Солдатъ осполбенѣлъ, а Мельскій съ удивленіемъ смотрѣлъ на юродиваго. Ему странно казалось, какъ человекъ, лишенный полнаго употребленія ума, могъ знать всѣ тайны людей, почти вовсе ему незнакомыхъ?

Полоумный, оконча свою рѣчь, пошелъ прежнимъ своимъ шагомъ вдоль по улицѣ. Мельскій скоро догналъ его; изъ любопытства ли, или по другому какому побужденію, онъ рѣшился съ нимъ заговорить.

«Гдѣ ты живешь?» спросилъ онъ у полоумнаго.

— Подъ небомъ на землѣ, отрыви-
сто отвѣчалъ Василь.

« Вѣрю; но гдѣ твой домъ? »

— Здѣсь нѣтъ; а тамъ! сказала
юродивый, поднявъ палку вверху и
очертя ея полкруга въ воздухъ.

« Гдѣ же твой ночлеги? »

— Гдѣ Богъ приведетъ.

« Такъ ночуй у меня; я тебя накормлю... »

— Да, накормишь! грубо перервалъ
юродивый: сегодня пшеница, а у тебя
на столѣ то курочка, то ушочка.

« Хорошо; я велю тебѣ подать
чего нибудь не скоромнаго; напою те-
бя добрымъ виномъ, дамъ тебѣ хоро-
шую посшелю. »

— Василь пьетъ воду; Василь спитъ
на голой землѣ или на помоси. Да
пусти по твоему: было небыло — но-
чую у тебя.

До квартиры офицера, ни онъ, ни юродивый не говорили больше ни слова. Одѣтый деньщикомъ, слуга Мельскаго отворилъ дверь на стукъ своего господина, и чуть было не уронилъ свѣчи, отступивъ назадъ, когда увидѣлъ, какаго госпя баринъ привелъ съ собою.

— Василь не лѣшій! сказала поспѣшно юродивый: онъ бродитъ по ночамъ, а не шашается. А пуще въ лавкахъ ничего не забираетъ въ долгъ на чужой счетъ.

Ловкой слуга думалъ отдѣлаться вѣднымъ лбомъ. Онъ усмѣхнулся и оборотился, чпобы свѣщити своему барину по лѣстницѣ.

— Смѣйся! ворчалъ юродивый, какъ будто самъ съ собою. «Заплачешь, и горько заплачешь, и объ эту пору самую пору».

Мельскій взглянулъ на юродиваго; но онъ уже шепталъ, и какъ видно

было, молитвы, потому что отъ времени до времени крестился и наклонялъ голову.

— Весело, свѣтло, красно! сказалъ онъ, войдя въ комнаты. Много казны, много казны! и запѣлъ старинную пѣснь *о блудномъ сынѣ*:

« О горе мнѣ, грѣшнику сущу!

Горе, благихъ дѣлъ не имущу. »

По приказанію Мельскаго, ужинъ для юродиваго былъ пригопшвленъ; но онъ ѣлъ только хлѣбъ, а пилъ воду и очень немного вина. Во время ужина онъ молчалъ и только иногда дѣлалъ набожныя восклицанія; потомъ, помолясь Богу и поблагодаря хозяина, онъ сказалъ: « теперь дай мнѣ почлесть поближе къ дверямъ, что на улицу. Когда мнѣ надобно будетъ итти, я разбужу кого нибудь изъ твоихъ людей и велю за собою запереть двери. Еще увидишь меня, и еще и еще; тогда Василь ска-

жетъ тебѣ большое спасибо и пойдеть далеко, далеко — ошсюда не видно!»

Онъ выбралъ себѣ ночлеги въ передней и разположился на полу у самыхъ дверей. Мельскій останохился и смотрѣлъ, что онъ будетъ дѣлать. Юродивый долго и съ шенлою вѣрою молился, сноп на колънахъ и часто поднимая руки къ небу; попомъ, положи на полу подъ голову себѣ данную ему подушку и опкинувъ на сторону всю прочую постелю, онъ легъ не раздѣваясь и въ ту же минупу закрылъ глаза.

Мельскій также пошелъ въ свою спальню и легъ въ постелю. Онъ думалъ, что упомленіе отъ загородныхъ его рѣзвостей и танцевъ и онъ невольнаго пѣшеходства дастъ ему крѣпкій и спокойный сонъ, но обманулся. Странный видъ страннаго его госпя,

его слова, въ которыхъ онъ отъ часпи открываль, что случилось и что случится впередъ, не выходили изъ головы молодого офицера. Онъ всячески старался увѣрить себя, что слова полоумнаго были обыкновеннымъ послѣдствіемъ разсѣченной головы, что шамъ, гдѣ онъ какъ будто бы намѣкалъ на дѣла, которыхъ ему не могли быть извѣсны, говорилъ онъ на удачу, зная общія повадки слугъ, и что сказанное имъ солдату могъ онъ какъ нибудь услышать отъ его сослуживцевъ; со всѣмъ тѣмъ юродивый безпресманно представлялся его воображенію. Нѣсколько разъ Мельскій заводилъ глаза и принуждалъ себя уснуть; но ему было такъ душно, комната его тѣснила, стѣны какъ будто сжимались вокругъ кровати и потолокъ надъ нею пригибался къ полу. Въ досадѣ Мельскій ворочался, бранилъ себя за

эту неизвѣстную ему досель слабость и снова закрывалъ глаза; но если иногда забывался, какъ передъ сномъ, то видѣ юродиваго, его блѣдныя впалыя щеки, его мрачный взглядъ и бродящія глаза, его высокой спань, выросшавшій выше и выше и наконецъ превращавшійся въ исполнискій, неосступно были въ мечтахъ молодаго офицера и мучили его, какъ бредъ горячки. То чудилось ему, что юродивый хватаетъ его за руку жилистою, сухою своею рукою, или, что онъ наклоняется къ нему на изголовье и говоритъ грубымъ, хриплымъ своимъ голосомъ: «вставай, я пришелъ помѣшать тебѣ ложиться.» Мельскій вздрагивалъ и вскакивалъ. Наконецъ, видя, что не можетъ приневолиить себя уснуть, онъ приподнялся, сѣлъ на постель и началъ въ мысляхъ донскиваться естественной причины своей бессонницы и не-

льпыхъ грезь, которыя его тревожили. « Такъ, наконецъ сказалъ онъ самъ себя, нѣтъ ничего естественнѣе: излишнее движеніе привело сего дня кровь мою въ волненіе; это временной первической припадокъ. Смѣшно, что я солдакъ, не робѣвшій ни пуля, ни штыковъ, разстроилъ себѣ воображеніе вздорнымъ бредомъ, и онъ чегожъ? онъ полоумнаго! » Разсуждая такимъ образомъ, Мельскій успокоился; но чтобы вполнѣ разувѣривъ себя, что юродивый ему вовсе не спрашенъ, онъ всталъ, взялъ горѣвшую въ другой комнатѣ ночную свѣчу и пошелъ въ переднюю. Долго сморгнулъ онъ на страннаго виновника своей бессонницы. Юродивый спалъ крѣпкимъ сномъ, на лицѣ его видно было спокойствіе чистой совѣсти и дѣтская беззаботность; только разъ сквозь сонъ провель онъ туда и сюда рукою передъ ли-

цемъ, какъ будто бы опмахивая опъ себя что-то непріятное. Мельскій возвратился въ спальню и легъ опянь въ постелю; на этотъ разъ природа взяла свое; опъ началъ засыпать, какъ вдругъ послышалось ему, что надъ головою у него что-то запрещало; спѣны какъ будто бы обрушались и падали съ пропаяннымъ гуломъ. Опъ снова вскочилъ, и не приписывая этого мечтъ, а какому нибудь шуму въ домъ, опянь взялъ свѣчу, прошелся по всемъ комнатамъ и еще разъ взглянулъ на юродиваго, которій спалъ, какъ и прежде; всѣ домашніе Мельскаго также погружены были въ глубокій сонъ, въ домъ все было тихо и спокойно, всѣ уборы, всѣ вещи спояли въ цѣлости на своихъ мѣстахъ. Послѣ сего осмотра, Мельскій ушелъ въ свою комнату и на этотъ разъ спокойно проспалъ до самаго того времени, какъ

слуга вошелъ напомнить ему, что время собираться въ карауль.

« А вчерашній нашъ чудакъ? » спросилъ Мельскій.

— Онъ ушелъ, сударь, куда еще до солнца. Чуть начало брезжиться, онъ разбудилъ меня, чтобъ я заперъ за нимъ дверь и велѣлъ только доложиться вамъ, что скоро скажетъ вамъ большое спасибо за вашу хлѣбъ-соль.

« Все ли цѣло въ домѣ? » спросилъ Мельскій, не хопя прямо спросить о шумѣ, который послышался ему ночью.

— Все, сударь, отвѣчала слуга почпи сквозь зубы, принявъ, что вопросъ сей относился на счетъ Василя. Эшотъ дурачекъ ничего не уносить, гдѣ днюетъ или ночуетъ, какъ бы что плохо ни лежало.

« Я не о томъ спрашиваю, » сказала Мельскій, давъ другой видъ сво-

ему вопросу: « Пришелъ ли кучеръ и нашлись ли лошади? »

— Кучеръ пришелъ, сударь, только безъ лошадей. Онъ здѣсь въ передней, дожидается, когда изволише вышпни.

Мельскій вельмъ позвавъ кучера, который рассказывалъ ему, что въ одномъ небольшомъ мѣску слышалъ ржаніе и сарпанье лошадей, но за темною опъ закаша мѣсяца, за гусыми кустарниками и валежникомъ, никакъ не могъ пробраться къ шому мѣсту; что спрахъ опъ волковъ помѣшалъ ему дождаться шамъ упра, но что онъ теперь же опять идетъ туда.

Побраня и отославъ кучера, Мельскій одѣлся, вышелъ въ другую комнату и взглянулъ въ окно. Тамъ увидѣлъ онъ, что лошади его и съ дрожками мчались во всю прышь по улицѣ и вдругъ остановились передъ домоь. Ими смѣло и ловко правилъ юродивый, а кучеръ

бѣжалъ слѣдомъ. Осадивъ и остано­ви лошадей на всемъ бѣгу, юродивый сдалъ вожжи подоспѣвшему кучеру, а самъ пошелъ въ компаню къ Мельскому.

— Моя бѣда, хоть не моя вина, сказа­лъ онъ вошедши. Василь попра­вилъ, какъ умѣлъ; вотъ твои кони и колесница: кое-что пообинно и порас­перяно. Да ты не горюешь; у тебя лишникъ рублей много, много — хоть за окно мечи! Такъ почши ты и дѣ­лаешь.

« Да ты почему это знаешь? » спро­силъ его Мельскій.

— Знаю, знаю! Василь все знаетъ: такъ ему на роду написано. Пестрень­кія карточки много тянуть рублей по зеленому сукну; а тамъ и шеры, и за­тѣи, и Богъ вѣсть!... Правда: подасъ гривенки нищимъ, и много... Хорошо, хорошо, не пропадушь!

★★

« Вотъ и тебѣ гривенка за то, что ошылкала и привела моихъ лошадей, » сказала Мельскій, подавая ему червонецъ.

— Спасибо! Красень, красень! Много свѣчь Богу, много гривенокъ брашьямъ, молвилъ юродивый, держа червонецъ на ладони и смоща на него. Спасибо, прощай!

Мельскій хотѣлъ его остановить, но онъ уже ушелъ; посланный слуга кликала его на улицѣ, но онъ не оглядываясь шелъ размахистымъ скорымъ своимъ шагомъ и разпѣвалъ стихиры.

Въ остатокъ этого дня ничего особеннаго не случилось съ Мельскимъ, такъ какъ и въ слѣдующіе за тѣмъ дни; онъ почти позабылъ о юродивомъ, который и самъ не являлся и не встрѣчался ему. На шестой день онъ собирався вечеромъ на балъ къ богатой и роскошной графинѣ Вѣрской; уже онъ

садился на дрожки, чтобы въехать къ графинѣ, какъ вдругъ увидѣлъ идущаго по улицѣ Василя, котораго размахивалъ своею палкою и давалъ ему знакъ подождать. Мельскій, желая узнать, что изъ того будетъ, велѣлъ кучеру пріостановиться.

— Постой, поворачи оглобли, сказала юродивый, подойдя къ офицеру. Подалъ опшуда: тамъ тѣсно, душно; тамъ все вершился — и ноги и голова. Закружишься — забудешься; на сердце одно, а на языкъ другое. Языкъ нашъ — врагъ нашъ: прежде ума рыщешь.

Мельскій усмѣхнулся, и, занятый ожидавшими его веселостями, бросилъ нѣсколько серебряныхъ денегъ юродивому, закричалъ кучеру: ступай! и скоро проскакалъ по улицѣ. Однакожь, по невольному движенію, онъ оглянулся при поворотѣ въ другую улицу и уви-

дѣлъ, что юродивый, споя все на помя же мѣстѣ, взглянулъ на небо и размахнулъ обѣими руками врознь, какъ будто бы хотѣлъ сказать: *да будетъ воля Твоя!*

Въ шуму праздника, Мельскій скоро позабылъ непріятное впечатлѣніе, оставленное въ немъ внезапнымъ появленіемъ, словами и выразительнымъ плодвиженіемъ юродиваго. Онъ былъ отменно веселъ, шутивъ, и танцевалъ очень много. Между дѣвицами, украшавшими собою балъ, отличалась отъ всѣхъ Софья Ласинская, семнадцатилѣтняя красавица, богатая невеста и лучшая танцовщица въ городѣ. Софья была хорошо воспитана, умна, съ добрымъ сердцемъ; но на всѣ эти добрыя качества набрасывали темную сѣтку ея кокетство, вѣтренность или лучше сказать легкомысліе и невоздержная охота пооспирить язы-

чекъ на чужой счетъ. Мельскій имѣлъ и самъ эту послѣднюю слабость, и потому на всѣхъ балахъ, гдѣ имъ случилось бытъ вмѣстѣ, въ танцахъ и между танцами, они всегда находили случай сообщить другъ другу колкія свои замѣчанія на счетъ другихъ танцовщицъ и танцовщицъ; иногда, поглядывая на бостонныя и вистовыя шотландки, перебирали они сидѣвшихъ за ними смѣшныхъ старушекъ и спорщиковъ-старичковъ. Часто язвительная улыбка Мельскаго или громкій неосторожный смѣхъ Софы обличали передъ другими то, что они говорили между собою въ полголоса, а провинціальная щекопливость заставляла многихъ думать, и часто въ попадѣ, что шутъ говорилось на ихъ счетъ. За что въ опплату, мстительное самолюбіе осмѣянныхъ ими, или считавшихъ себя осмѣянными, назвало ихъ

неразлугными. И въ самомъ дѣлѣ, шутя надъ другими, Софья не обращала вниманія на себя: она не замѣчала, какъ часто и неосторожно искала глазами Мельскаго между танцующими, какъ часто садилась поодаль отъ другихъ, чтобы приберечь ему мѣсто подлѣ себя. Мельскій не былъ изъ тѣхъ молодыхъ самолюбцевъ, которые всякую малозначущую благосклонность пригожей женщины переполковываютъ въ свою пользу, однакожь столь явное къ нему предпочтеніе Софьи не укрылось отъ наблюдательныхъ глазъ его; онъ и самъ чувствовалъ къ ней нѣкоторое влеченіе: Софья была молода, прекрасна, образована, съ живымъ, пылкимъ умомъ.... но, по странному противорѣчію сердечныхъ склонностей, всѣ ихъ отношенія другъ къ другу ограничивались взаимною охотою шутить на счетъ другихъ. Серд-

це Мельскаго до сихъ поръ молчало, или искало въ Софьѣ другихъ качествъ, лучше тѣхъ, кошорыя онъ зналъ въ ней по свѣтскому знакомству.

Легко можно догадаться, что и на балѣ у графини Вѣрской *неразлучные* скоро ошыхали другъ друга. Въ нѣсколькихъ танцахъ сряду были они точно неразлучны; и завистливая молодежь и обиженное самолюбіе шепотомъ между собою пророчили уже имъ скорую свадьбу. Какъ и часто случается, они, шупя на счетъ другихъ, не замѣчали, что и надъ ними подшучиваютъ. Къ концу бала стали собираться пары на *котильонъ*; Мельскій подлѣ Софьи, и, благодаря длиннымъ разстановкамъ безконечнаго танца, острыя ихъ замѣчанія въ полной свободѣ переливались отъ одного къ другой, и на оборотъ.

« Вотъ самая большая красавица » говорила Софья, указывая глазами на одну изъ танцовщицъ, « по крайней мѣрѣ по росну: похвалитесь хоть однимъ гренадеромъ вашего полка, который бы, въ киверѣ и со всею вышляжкой, могъ съ нею поравняться? »

— За то, какой у нея крохотной кавалеръ, примолвилъ Мельскій: онъ ей ровно въ полталин. Посмотрите, какъ бѣдненькой мучить свои ноги, чтобъ не ошпаить отъ нея въ вальсъ. Но мудрая природа вездѣ любитъ уравненіе: оба они, вершковую мѣрою, составляютъ полную пару танцовщиковъ средняго роста.

« Ахъ, посмотрите, посмотрите на эти желтобрыя глазки: какъ прищипно они верпяшся подъ бѣлыми рѣсницами! Бѣднужки, и имъ кажется, что могутъ кому нибудь понравиться!

— И какъ видно они не ошиблись. Видите ли, какъ эшошь длинноногой Нѣмчикъ, кавалеръ той дамы, около нея увиваешся. Bravo! онъ говоритъ ей нѣжности; эшо видно по Нѣмецко - патетическому выраженію глазъ его и лица.

« Полюбуйтесь жаръ-птицею: пунцовые цвѣты на головѣ, пунцовое платье, пунцовый румянецъ на щекахъ и почти пунцовые волосы! Вотъ ей-то, *par excellence*, приспалъ русской эштеть: *красная дѣвица*.

— А поджаристому ея кавалеру — *горе-богатырь*. Право, ему вальсъ кажется похороннымъ маршемъ; такъ онъ наморщился и такую плаксивую сдѣлалъ изъ себя маску.

Слушая и дѣлая такія замѣчанія, Мельскій замѣтилъ, что Софья, иногда со смѣхомъ отъ его шутокъ, иногда съ весьма важнымъ видомъ, оглядыва-

лась назадъ. Тамъ стоялъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ, артиллерійскій офицеръ, держалъ палець у рта, какъ будто бы грызъ себѣ ногти, и сурово посматривалъ то на Мельскаго, то на Софью. Всему бываетъ конецъ; и кошильонъ, иногда продолжающійся до утра, особливо въ провинціяхъ, на этотъ разъ кончился довольно скоро. Софья скрылась отъ глазъ Мельскаго, а онъ, желая подышать свѣжимъ воздухомъ, пошелъ къ стекляннмъ дверямъ, ведущимъ въ садъ. Тамъ артиллерійскій офицеръ, какъ видно было, выжидавшій его, заступилъ ему дорогу.

« Позвольте, » сказалъ Мельскій весьма учтиво.

— Позвольте напередъ узнать отъ васъ, милостивый государь, что говорила вамъ и чему смѣялась ваша дама?

„Вотъ хорошо!» отвѣчала Мельскій, не вышедши еще изъ терпѣнія : развѣ эта дама поручена въ вашу надзорь? Да еслибъ и шакъ, то надѣюсь, что вы сколько знаете законы рыцарскіе.... »

— Милоспивый государь! запальчиво перервалъ артиллерійскій : я требую отъ васъ не пустословія , а дѣла....

« А я требую отъ васъ , сударь, » подхватилъ Мельскій такимъ же тономъ , « сказать мнѣ , гдѣ вы взяли право меня допрашивать ? »

— Я покажу это право въ свое время.

« А я покажу , какъ умѣю отдѣлываться навязчивыхъ допросчиковъ. »

— Дерзкій!... и слово за слово, шумъ сдѣлался сильнѣе и сильнѣе; около двухъ офицеровъ стѣснился кружокъ любопытныхъ : всѣ спрашива-

ли, отъ чего начался споръ? Но ни Мельскій, ни артиллерійскіе не могли и не хотѣли открытъ коренной причины ссоры.

Какъ и всегда, и въ этомъ случаѣ нашлись услужливые примирители и ревностные поджигатели той и другой стороны. Сослуживцы Мельскаго твердили, что для чести ихъ мундира это дѣло должно кончиться дуэлью, и дуэлью смертною; защитники артиллерійскаго офицера говорили тоже. Оба противника сами того искали и хотѣли. Тутъ же, вышедъ въ садъ, назначили секундантовъ и свидѣтелей, мѣсто поединка — въ рощѣ, на второй верстѣ отъ города; оружіе — пистолетъ до смертельной или очень тяжелой раны, и время — на другой день, въ семь часовъ утра.

Не было больше путей къ примиренію; не было способа объясниться и

виноватому извинишься передъ правымъ: все было условлено и положено. Къ счастью, женщины узнали только, что былъ споръ, а какъ, за что, и чѣмъ долженъ кончиться, о томъ изъ предоспорожности имъ не сказали.

Оба противника, съ ихъ секундантами и свидѣтелями, тотчасъ уѣхали съ бала. Софья искала глазами Мельскаго, и, не находя его, дивилась его раннему отъѣзду: она и не подозрѣвала, что была, хотя и не вовсе невинною, но неумышленною причиною того, что онъ долженъ былъ выставить грудь противъ пули.

Пріѣхавъ домой, Мельскій сѣлъ передъ письменнымъ своимъ столомъ и не думалъ уже ложиться въ постелю. Онъ призвалъ своего слугу, велѣлъ подать нисполеты, самъ ихъ осматривалъ, выбиралъ и примѣрялъ пули, го-

товилъ заряды. Но природа брала свое: дѣло, шакъ сказать, валилось у него изъ рукъ, пули падали на полъ, а порохъ сыпался мимо патроновъ. Крайняя его разсѣянность, или справедливѣе, отсутствіе всякой посторонней мысли, кромѣ предстоящаго поединка, была бы замѣтна и не для такихъ пытливыхъ глазъ, какіе были у Игнатія, слуги его.

Съ перваго взгляда, по пріѣздѣ барина, Игнатій замѣтилъ уже перемѣну въ лицѣ его; отрывистыя приказанія, поминутно повторяемыя и омытняемые, измѣнившійся голосъ, требованіе пистолецовъ и зарядовъ — все это помогало ловкому слугѣ разгадать спрашную истину. Онъ не смѣлъ спросить о шомъ своего барина; но, привыкши съ малолѣтства быть при немъ и, не смотря на небольшія свои проказы, будучи къ нему искренно привер-

жень, онъ вышелъ въ переднюю и заплакалъ горькими слезами.

Въ это время послышался сильный стукъ у наружной двери. Игнашій вздрогнулъ, холодъ разсыпался по вѣсѣ его членамъ; однако жъ онъ вышелъ и отперъ дверь, чѣмъ узнать, кто спучался: это былъ юродивый.

— Василь говорилъ шебѣ ровно за недѣлю: будешь плакать! и долженъ плакать; добрый, добрый господинъ! даешь полную горстью и никогда не считаешь.

Съ сими словами пошелъ онъ прямо въ комнату Мельскаго. Игнашій не имѣлъ духа остановить его.

Мельскій все еще сидѣлъ за письменнымъ столомъ, какъ бы въ окаменѣніи, устремля неподвижные глаза свои на столъ, на которомъ лежала передъ нимъ бѣлая бумага. Въ лицѣ ни кровинки; дыханіе съ какимъ-то на-

пряженіємъ вырывалось изъ груди; изрѣдка только легкой судорожный трепетъ пробѣгалъ по его членамъ, и тогда тонкая краска вдругъ вспыхивала на щекахъ его и вдругъ погасала.

« Это ты? » сказала онъ обернувшись Василю, который вопель и синалъ пропнвъ него. « Чпо скажешь? »

Василь только покачивалъ тихо головою и не говорилъ ни слова.

« На, подѣлись съ бѣдной братіей и помолитесь за... за меня! » промолвилъ Мельскій, схватя свой бумажникъ и вынувъ изъ него спорублевую ассигнацію, которую подалъ юродивому.

— Поздно! отвѣчалъ Василь, какъ бы удерживая вздохъ. Однако жъ Василь возметъ, Василь одѣлптъ братію.... Пусть такъ! продолжалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія и съ разстановками: была не была!.... онъ не

не уйдешь.... рано, поздно—все равно...
была не была!

Мельскій смотрѣлъ на него въ недоумѣніи: было ли то приправленное посвоему утѣшеніе со стороны юродиваго, или другая какая мысль вертѣлась въ разстроенной головѣ его — Мельскій не могъ ошгадаться.

« Богъ же съ тобою! » сказала онъ юродивому по нѣкоторомъ молчаніи, показывая глазами на дверь. — Богъ и съ тобою! отвѣчалъ Василь: да, Богъ съ тобою! повторилъ онъ выразительнымъ, расстроганнымъ голосомъ, который не отзывался уже грубостью и отсутствіемъ ума, какъ обыкновенная рѣчь юродиваго. Онъ обернулся, пошелъ къ дверямъ, поднявъ руки къ небу, и при выходѣ сказалъ только, какъ бы на что рѣшившись: ну!

Появленіе его разстѣло раздумье Мельскаго; по уходѣ юродиваго, онъ

принялся писать; потом позвонилъ, и Игнатій съ заплаканными глазами явился на зовъ своего барина.

« О чемъ ты плакалъ? » спросилъ его Мельскій.

— Да какъ, сударь! ... что съ вами... что со мною будетъ!.. И послѣ сихъ перерывистыхъ словъ, Игнатій зарыдалъ снова.

« Ты добрый малой, » сказалъ ему Мельскій, вставъ и положила руку ему на голову: « живи хорошо, веди себя честно.... Вотъ тебѣ покаместъ, » прибавилъ онъ, подавая ему пучекъ ассигнацій; « а здѣсь и ты и всѣ другіе не забыты. Это письмо отдай — если что случится — моему дядюшкѣ. » Тутъ онъ указалъ на лежащее на столѣ запечатанное письмо.

Игнатій расплакался и разрыдался пуще прежняго, цѣловалъ руки своего

барина, клялся, что ему будетъ житье не въ жишье, если не станешь добраго его господина. Мельскій былъ очень расстроганъ.

Часы между тѣмъ текли своимъ нерушимымъ порядкомъ; первые лучи солнца проникали уже въ спальню Мельскаго. Онъ подиалъ споры, открылъ окно въ маленькой садикъ своей квартиры. Ранняя птички чиликали въ садикъ; утро было прелестное; роса свѣтилась на зелени. Мельскій высунулъ голову въ окно и снова впалъ въ задумчивость. Онъ думалъ, что, можетъ быть, это послѣднее утро его жизни, что онъ не будетъ уже въ сей вечеръ провожать глазами заходящаго солнца, и ночь, непрерывная ночь протянется надъ нимъ до безконечности. Незвѣстность будущаго, страшный шагъ, который должно было ему переступить, все это толпилось въ

его воображеніи и тягчило сердце непомѣрнымъ гнѣпомъ.

Долго оставался Мельскій въ семъ положеніи. Легкій ударъ по плечу вывелъ его изъ забвенія; вздрогнувъ, онъ оглянулся. Передъ нимъ стоялъ Свиловъ, его секундантъ; поодаль оба свидѣтеля поединка съ его стороны, офицеры ихъ полка.

« Полно разсуждашь о суетѣ міра сего, » весело сказала ему Свиловъ. « Теперь половина шестаго; намъ остается полпоры часа. Вели намъ подать водки и чего нибудь перекусить. Тебѣ, братъ, не прогнѣвайся, не дадимъ: поговѣй покамѣсть. Такія игры разыгрываются на тощій желудокъ. »

Въ рѣшительныхъ случаяхъ спокойствіе и веселое расположеніе духа одного товарища сильно дѣйствуетъ и на прочихъ: такъ и здѣсь было. Три офицера весело принялись за подан-

ный завтракъ ; Мельскій съль съ ними, хотя и ничего не ѣлъ. Свидовъ оживлялъ бесѣду. Онъ шутилъ, смѣшилъ своихъ товарищей на счетъ Мельскаго, говорилъ, что онъ нарочно постарался выкритъ себѣ такую плаксивую личину, потому что собирается оппѣвать своего противника, и тому подобное. Смѣхъ приличивъ ; Мельскій и самъ развеселился, особливо, когда къ концу завтрака, Свидовъ, а за нимъ и оба другіе офицера, наливъ полные стаканы вина, приподняли ихъ и громко воскликнули : « пивое здоровье, Мельскій!... »

« Отблагодарю васъ, господа, черезъ два часа, а не прежде, » ошвѣчалъ Мельскій съ вольнымъ духомъ.

Свидовъ взглянулъ на часы. « Ого, друзья, сколько мы бражничали : половина седьмаго. Мельскій, вели подашь свои исполесты и заряды : я,

какъ распорядитель жизни или смерти твоей— не блѣднѣй, милой другъ!— хочу освидѣтельствовать, всѣ ли боевые снаряды въ должной исправности. »

Писполеты были осмотрѣны, лошади поданы — и черезъ десять минутъ четверо товарищей были уже за городомъ. Съ каждымъ шагомъ ближе къ мѣсту поединка, звукъ копытъ конскихъ о землю звонче и звонче отдавался въ ушахъ Мельскаго. Однакожь онъ былъ бодръ: естественная или умышленная веселость Свидова и другихъ офицеровъ, съ нимъ ѣхавшихъ, придавала ему духу. Приближаясь къ назначенному мѣсту, они замѣтили пыль по дорогѣ и скоро увидѣли, что слѣдомъ за ними неслись на всѣхъ рысяхъ нѣсколько человекъ. Это были противникъ Мельскаго и его ассистенты.

« Мы ихъ опередили и , ксшати , »
 молвилъ Свидовъ , « покамѣстъ отдох-
 немъ и сгладимъ послѣднія морщины
 съ лица у Мельскаго . »

Но Мельскій былъ уже не попъ :
 рѣшимость , пониміе о чести и чув-
 ство оскорбленія придали ему необык-
 новенную отвагу . На лицъ его сіяло
 совершенное спокойствіе ; онъ очень
 свободно расхаживалъ , и холодно , но
 въжливю поклонился прибывшимъ въ
 эшу минушу шоварищамъ его против-
 ника .

Свидовъ и секундантъ артиллерій-
 скаго офицера сошлись , передали нѣ-
 сколько словъ другъ другу , выбрали
 и зарядили пистолеты , попомъ , раз-
 дѣля поровну между противниками
 свѣтъ и вѣтеръ , мигомъ опмѣряли во-
 семь шаговъ на барьеръ и по пяпи
 въ обѣ стороны , чтобы сходились .

Подавая пистолеть Мельскому, Свидовъ взглянулъ на него пристально, и подивился и порадовался спокойствію и хладнокровію, которыя выражались въ чертахъ его лица и во всѣхъ поступкахъ. « Славно! » сказалъ онъ въ полголоса: « для первой дуэльной попытки это слишкомъ много. » Съ этими словами отступилъ онъ нѣсколько шаговъ и спалъ рядомъ съ секундантомъ противной стороны.

Уже пистолеты подняты, пальцы на спусковыхъ, уже противники спустили шагъ.... тяжкое ожиданье заняло духъ у секундантовъ и свидѣтелей.... Кому-то пасеть? или обоимъ? Оба равно смѣлы, оба равно шверды.... только въ артиллерійскомъ офицерѣ замѣтна была какая-то непереносимость въ движеніяхъ: можетъ показаться, это было слѣдствіе обыкновеннаго его характера, или онъ, считая себя болѣе

обиженнымъ, хотѣлъ скорѣе отмстить за свою обиду.

« Стой! » вдругъ раздался громкій и твердый голосъ, и, по невольному движенію, оба противника опустили пистолеты. Прежде, нежели могли прицѣпиться въ себя и они и ихъ секунданты, юродивый стоялъ уже между поединщиками.

« Чшо вы дѣлаете? » продолжалъ онъ тѣмъ же голосомъ. « Вы оба не правы; только ты виноватѣ, » примолвилъ онъ, оборотившись къ артиллерійскому офицеру. « Драчься вамъ не за что!... »

« Протолкайте эшаго сумазброда! » закричалъ артиллерійскій офицеръ.

— Самъ ты сумазбродъ, чшо накликаешь на свою голову кровь неповинную, сказалъ юродивый, между тѣмъ, какъ секунданты и свидѣтели обѣихъ сторонъ схватили его и хотѣли оттащить. Василь одаренъ былъ не-

обыкновенною силою; по крайней мѣрѣ, въ этомъ случаѣ, показалъ онъ чрезвычайныя усилія; шесть человекъ едва могли съ нимъ справиться; наконецъ, оптащивъ его въ сторону отъ барьера, и видя, что онъ снова мечется къ поединщикамъ, служившіе свидѣтелями офицеры взяли его держась, а секунданты спали снова на свои мѣста.

Съ одинаковою неуспрашимостью противники пошли опять другъ противъ друга; уже они почти на барьерѣ, уже мѣшались, курокъ спускается.... Выстрѣлъ!.... «Стой!... охъ!...» и юродивый упалъ отъ пули артиллерійскаго офицера. Въ тоже мгновение другая пуля просвистала надъ ухомъ артиллерійста.

Пистолеты обоихъ противниковъ, какъ по командѣ, упали на землю. Всѣ бросились къ юродивому. Онъ былъ еще живъ. Кровь била клубомъ изъ

юдь распахнувшейся его одежды. Поло-
вой лѣкарь, приглашенный преду-
мотрительными товарищами Мель-
скаго и крившійся въ ближнемъ лѣску,
прибѣжалъ на выспрѣлы, и освидѣтель-
ствовалъ рану, объявивъ, что она смер-
тельна. Пуля, по близости удара, про-
летѣла насквозь; часть внутренно-
стей несчастнаго была повреждена.

Начали перевязывать рану. Ничто
не служило такимъ надежнымъ шагомъ
къ сближенію двухъ противныхъ спо-
ровъ, какъ общее участіе къ одному
предмету. Помогая лѣкарю въ его по-
печеніяхъ, раздирая свои платки, и
спорясь, такъ сказать, въ усиліяхъ
облегчить страданія раненаго бѣдня-
ка, Мельскій и противникъ его не
сказали еще ни слова. Наконецъ сей
последній, держа компрессъ на ранѣ
больнаго, тогда, какъ лѣкарь отошелъ
въ сторону приговаривалъ бить,

взглянулъ въ лице Мельскаго, который поддерживалъ голову спрадальца, и съ нѣкоторымъ усиленіемъ сказала: « Поединокъ нашъ еще не конченъ! »

« Скажите, Бога ради, за что вы меня вызвали? » вскричала Мельскій, какъ бы по неполному движенію.

— Вы сами должны это знать: не вы ли меня оскорбляли? Не вы ли смѣлись на мой счетъ съ тою, чьей руки я искалъ, и еще не позабылъ огорчительнаго ея отказа.

« Клянусь честію, что въ разговорѣ моемъ съ Софією не было о васъ ни слова. Я не далъ бы этой клятвы, когда шелъ противъ вашей пули; теперь, надъ шрупомъ сего бѣдняка, поспрадавшаго въ нашемъ дѣлѣ, я долженъ вывести васъ изъ заблужденія. »

— Почему жъ она, говоря съ вами, оглядывалась на меня и язвительно усмѣхалась?

• Это самого меня удивляло, и я хотѣлъ когда нибудь вывѣдать отъ нея тому причину. Но, повпоряю снова свою кляпву, предметомъ шутокъ нашихъ и смѣха были другіе, а не вы. »

Аршиллерійствъ помолчалъ нѣсколько минутъ; онъ призадумался, и, казалось, что-то припоминалъ; потомъ сказалъ тихимъ и горестнымъ голосомъ и какъ бы самъ себѣ: « и въ этотъ разъ запальчивость моя и подозрительный нравъ довели меня до изступленія ума, даже до убійства. Боже мой!... Но я уже наказанъ — долженъ понести безъ ропота и по наказаніе, какое законы назначають убійцѣ. »

Мельскій, по чувству соучастія, прощянулъ къ нему руку и хотѣлъ утѣшать его. Аршиллерійствъ схватилъ его руку, сжалъ ее и сказалъ: « простице ли вы мнѣ опрометчивость

мою, забудете ли нанесенную вамъ обиду?»

Молодой, мягкосердечный Мельскій снова и крѣпко сжалъ ему руку. Онъ былъ удовлетворенъ вполне: товарищамъ своимъ, и слѣдовательно всему полку, доказалъ онъ, что не боится пороховаго дыма; понятію о чести принесъ онъ жертву, соперникъ его просилъ у него прощенія; чего жъ могъ онъ болѣе требовать?

Привставъ на колѣна и не отнимая руки отъ компресса, артиллерійскій офицеръ протянулъ голову къ Мельскому. Они поцѣловались.

« Давно бы такъ! » сказалъ юродивый, который только что опамятовался. Въ это время подошелъ лѣкарь и окончилъ перевязку: раненый не испустилъ ни одного вздоха и не впалъ снова въ безпамятство.

Офицеры подошли къ примирившимся соперникамъ, поздравляли ихъ съ мировою; и Свидовъ первый, какъ большой и опытный знапокъ въ дуэльныхъ дѣлахъ, сказалъ, что оба противника шли отлично, и что самъ онъ дерется со всякимъ, кто хоть заикнется противъ сего поединка.

Въ это время Мельскій взглянулъ на лице юродиваго: онъ звалъ его глазами. Мельскій наклонился къ нему. « Я зналъ, чѣмъ кончится, » говорилъ Василь слабымъ, но внятнымъ голосомъ: « Богъ положилъ это мнѣ на сердце. Я зналъ, что поведу тебя на могилу швоей теткки: ты съ пріезда сюда не былъ еще у нея на могилѣ. Добрая, добрая была у тебя тетка: любила нищую братію и много ее надѣяла. Василь былъ отъ нея и сытъ, и одѣтъ и пригрѣтъ!... Десять лѣтъ какъ она отошла къ Оциу Небесному..

Отъ того и тебя полюбилъ я съ перваго взгляда, хотѣлъ узнать тебя поближе, да тебѣ было не до меня: суэта суеть закружила тебя. Я хотѣлъ отблагодарить за хлѣбъ-соль твоей теткѣ; сказала, что помѣшаю тебѣ лежать — и помѣшала. »

Юродивый умолкъ. Мельскій, роня слезы на лице его — дань благодарности и человечеству, которой онъ не стыдился — вспомнилъ припомъ, что еслибъ юродивый не подоспѣлъ, то пуля дѣйствительно попала бы прямо въ него и, можетъ быть, также на вылетъ; ибо выбранные секундантамъ пистолеты были велики и сильно заряжены, по челоуколюбивому расчету Свидова, чтобъ не долго мучиться раненому.

Офицеры разошлись въ разныя стороны и за хорошую плашу собрали нѣсколько крестьянъ, работавшихъ вбли-

зи того мѣста. Имъ велѣли изъ сосѣд-
 няго дѣса вырубить хворосту и сдѣ-
 лать плетенныя носилки, чтобы пере-
 нести въ городъ раненаго. Какъ скоро
 добрые малороссіянне узнали, что ра-
 неный былъ Василь, то не хотѣли да-
 же взять платы за перенесеніе его:
 они считали, что благословеніе Бо-
 жіе будетъ на нихъ и на ихъ дома за
 услугу, которую окажутъ они юро-
 дивому. Дивились они только, и шо-
 потомъ между собою разсуждали, ка-
 кимъ образомъ и къмъ онъ заспирѣлъ;
 но Василь, вслушавшись въ ихъ слова,
 сказалъ: « я самъ, братцы, наискался
 на смерть: такъ Богу было угодно!
 здѣсь никого не вините. »

Слушая его слова и вѣря имъ, ибо
 знали, что Василь никогда не гово-
 рилъ неправды, крестьяне прекратили
 свои толки. На носилки насплали
 мягкой травы и сверхъ нея положили

**

нѣсколько свить (*), чпобъ раненому было еще мягче. Свидовъ сверхъ всего этаго разоспалъ свою офицерскую шинель. Офицеры, какъ бы въ погребальномъ шествіи, тихимъ шагомъ ѣхали за носилками.

Въ предмѣстіи города офицеры велѣли остановить носилки и постучались въ двери одного маленькаго, но опрятнаго домика. Тамъ жила добрая старушка, вдова. Узнавъ, чпо дѣло идетъ о помѣ, чпобы дать пріютъ раненому Василю, она тотчасъ отперла дверь, очистила небольшую свѣтлицу и приготовила мягкую постелю для больнаго. Лѣкаръ охотно вызвался навѣщать его, хотя и не предвидѣлъ никакой надежды его излѣчить.

(*) Свита, малороссійскій кафшанъ или армякъ.

Мельскій ходилъ каждый день навѣдываться о его здоровьи, и съ каждымъ днемъ видѣлъ поспешное погасаніе послѣднихъ искръ жизни сего непонятнаго человѣка. Василь говорилъ мало, и говорилъ ему о теплѣ его, о ея добродѣтеляхъ и благопворишельности, присовокупляя иногда короткія, но сильныя наставленія для будущей его жизни. Во всѣхъ словахъ его не было уже признаковъ прежняго юродства, ни предсказаній. Такъ прошло три дня. На четвертый, Мельскій, нашедши хозяйку дома въ первой комнатѣ, спросилъ у нея о больномъ.

« Ему сего-дня лучше, » отвѣчала старушка: « онъ спокойно провелъ ночь, и упрямъ говорилъ громче и больше, нежели въ прежніе дни. Вспоминалъ о васъ. Теперь, кажется, заснулъ; я выходила на часъ изъ дому

а послѣ не слыхала никакого шума въ его комнату, почему и думаю, что онъ спитъ.»

Мельскій отворилъ немного дверь въ свѣтлицу: ни на постель, ни въ комнату никого не было. Старуха вскрикнула, бросилась искать по всему дому, бѣгала въ маленькій свой садикъ, спрашивала у сосѣдей: нигдѣ не было Василя, никто не видалъ его! Наконецъ Мельскій самъ пошелъ искать и спрашивать. Одна маленькая дѣвочка сказала ему, что видѣла, какъ Василь черезъ плу брель по улицѣ къ кладбищу. Мельскій топчасъ пошелъ туда. До кладбища было очень недалеко отъ дома старушки; легко могло случиться, что Василь, въ новомъ припадкѣ юродства, вздумалъ посѣпить заживо послѣднее свое жилище. При входѣ въ кладбище, Мельскій увидѣлъ у одного памятника че-

ловѣна, который сидѣлъ на подножїи, придегши головою на низкій цоколь надгробнаго камня.

Мельскій подошелъ къ нему: это былъ точно Василь; но закостенѣлые члены и посинѣлое лице его показывали, что жизнь уже оплелѣла изъ полуразрушенной своей оболочки. Долго стоялъ Мельскій въ задумчивости надъ холоднымъ прупомъ человѣка, принесшаго ему въ жертву жизнь свою: потомъ, разсматривая надгробіе, прочелъ онъ, что памятникъ сей скрывалъ подъ собою прахъ его шепки. Юродивый, въ послѣдніе дни свои, принесъ двойную дань благодарности.

« Ты сдержалъ свое слово! » говорилъ Мельскій: « ты привелъ меня на могилу шепки, и самъ пришелъ посвятивъ послѣдній вздохъ свой благодарному о ней воспоминанію. Покойся же съ миромъ! »

Грустно возвращался Мельскій съ кладбища. Обще съ аршиллерійскимъ офицеромъ, неумышленною причиною смерти юродиваго, устроилъ онъ личное погребеніе сему земному спрадальцу и самъ шелъ за гробомъ его; товарищи Мельскаго и всѣ участвовавшіе въ поединкѣ также отдали послѣдній долгъ умершему сочеловѣку. Стеченіе народа, собравшагося даже изъ окружныхъ селъ на погребеніе Василя, показывало, въ какомъ уваженіи былъ юродивый у сихъ простыхъ, но добрыхъ людей. Особливо нищіе съ плачемъ провожали его въ могилу: будучи самъ нищъ, онъ находилъ способъ помогать имъ и дѣлился съ ними подаяніемъ, которое получалъ. Одна дряхлая, какъ оствовъ изсохшая спаруха, плакала и выла больше всѣхъ; когда кончено было погребеніе, когда разошлись всѣ, и старыи и малыи,

она одна осталась на могилѣ и кропила свѣжую землю своими слезами. И послѣ часто видали ее на могилѣ юродиваго; мать ли то была, родственница, или только предметъ особыхъ попеченій покойнаго: никто не рѣшился у нея спрашивать, и она никому о томъ не говорила.

Порфирій Байскій.

П О Э З И Я .

ПИСЬМО ТАТЬЯНЫ.

(Изъ 3-ей Пьесы Евгения Онегина.)

Я къ вамъ пишу — чего же болѣ?
Что я могу еще сказать?
Теперь, я знаю, въ вашей волѣ
Меня презрѣемъ наказать.
Но вы, къ моей несчастной долѣ
Хоть каплю жалости храня,
Вы не оставите меня.
Сначала я молчанье хощѣла;
Повѣрьте: моего стыда
Вы не узналибъ никогда,
Когдабъ надежду я имѣла
Хоть рѣдко, хоть въ недѣлю разъ
Въ деревнѣ нашей видѣть васъ,
Чтобъ только слышать ваши рѣчи,
Вамъ слово молвить и помочь
Все думать, думать объ одномъ
И день и ночь до новой встрѣчи.
Но говоря, вы нелюдимъ,
Въ глуши, въ деревнѣ все вамъ скучно,

А мы... ничѣмъ мы не блещимъ,
Хоть вамъ и рады просподушно.

Зачѣмъ вы посѣщали насъ ?
Въ глуши забытаго селенья
Я никогда не знала бѣ вастъ,
Не знала бѣ горькаго мученья,
Души неопытной волненья
Смиривъ современемъ — какъ знать?
По сердцу я нашла бы друга,
Была бы вѣрная супруга
И добродѣтельная мать.....

Другой!... нѣтъ! никому на свѣтѣ
Не отдаю бы сердца я!
То въ вышнемъ суждено совѣтъ.....
То воля Неба: я швою,
Вся жизнь моя была залогомъ
Свиданья вѣрнаго съ побой —
Я знаю, ты мнѣ посланъ Богомъ,
До гроба ты хранишь меня...
Ты въ сновидѣньяхъ мнѣ являлся,
Незримый, ты мнѣ былъ ужь мнѣ,
Твой чудный взглядъ меня помнилъ.
Въ душѣ твоей голосъ раздавался
Давно... нѣтъ! это былъ не сонъ!
Ты чулъ вошелъ, я змигъ узнала,

Вся обомлѣла, запылала
 И въ мысляхъ молвила: вопль оный!
 Не правдаль? я себя слыхала,
 Ты говорилъ со мной въ тиши,
 Когда я бѣднымъ помогала,
 Или молитвой улаждала
 Тоску волнуемой души?
 И въ это самое мгновенье
 Не ты ли, милое видѣнье,
 Въ прозрачной шепишѣ мелькнулъ,
 Приникнулъ тихо къ изголовью,
 Не шель, съ опрадой и любовью,
 Слова надежды мнѣ шепнулъ?
 Кто ты? мой ангелъ ли хранишель,
 Или коварный искуситель?
 Мои сомнѣнья разрѣши:
 Бышь можешъ, это все пустое,
 Обманъ неопытной души,
 И суждено совсѣмъ иное....
 Но такъ и бышь! судьбу мою
 Ошныиъ я тебѣ вручию,
 Передъ побою слезы лью,
 Твоей защиты умоляю....
 Вообрази — я здѣсь одна,
 Никто меня не понимаетъ,
 Разсудокъ мой изнемогаетъ,
 И молча гибнушь я должна.

Я жду тебя: единымъ взоромъ
Надежды сердца оживи,
Иль сонъ тяжелой перерви...
Увы, заслуженнымъ укоромъ.

Кончаю! спрашно перечесть...
Стыдомъ и страхомъ замираю...
Но мнѣ порукой ваша честь,
И слѣпо ей себя вѣрю.

А. Пушкинъ,

НЕТАВННЫЙ ЦВѢТОКЪ.

Объятый молніей случайной,
Погибь красавицы уборъ,
Подъ конемъ прелестію шайной
Она обворожала взоръ.

Уже, счастливецъ дерзновенный,
Ты лобызаня не будешь вновь
Душистыхъ кудрей шелкъ безцѣнный,
Что нѣжно выпрела любовь.

Какъ блескъ зарницы лѣтней ночи,
Изъ-подъ погибшаго вѣнца
Уже горѣшь не будущъ очи
И зарею кидашь въ сердца.

Ты вѣкъ свой отжилъ: такъ утратимъ
Мы все, что веселило насъ,
И сожалѣннѣмъ заплашимъ
Веселья легкокрылый часъ.

Но недопронутый бѣдою
Цвѣшокъ въ уборѣ уцѣлѣлъ;
Неизмѣнимой красою
Онъ свѣщникъ, какъ всегда свѣщилъ.

Когда неслѣнною святыней
Щадилъ себя и самый рокъ;
Въ огонь испытанный, будь нѣтъ
Сердечной памяти цвѣшокъ.

Такъ, пусть судьбы враждебной пламень
Похищитъ радости гошовъ
И опалишь послѣднй камень
Воздушныхъ замковъ нашихъ сновъ;

Но, вѣрны думой благодарной
Тому, чего у насъ ужь иѣсть,
Мы отмстимъ судьбѣ коварной,
Храня воспоминанья цѣлѣшь.

К. Вяземскій.

А. А. В — ой.

—*—

Очарованье красоты
Въ тебѣ не спрашно намъ;
Не будишь насъ, какъ солнце, нынѣ
Къ мятежнымъ суетамъ:
Отъ дольной жизни, какъ луна,
Манишь за край земной,
И при тебѣ душа полна
Священной тишиной.

Е. Баратынскій.

ПОДРАЖАНІЕ ШАТОБРИАНУ

О РАЗБОРЕНІИ РИМА И О ВОЗСТАНОВЛЕНІИ
ХРИСТІАНСТВА.

(Отрывокъ, посвященный Александру
Ивановичу Тургеневу).

Изъ мрачныхъ, сѣверныхъ лѣсовъ,
Съ восточныхъ дальнихъ береговъ,
Сыны ошваги и свободы,
Стремящія дикіе народы,
Съ двойной сѣкирою пѣшкою,
Въ звѣриной кожѣ, съ булавами,
И на копяхъ съ копьемъ, сирѣлами,
И черепъ вражій за сѣломъ;
Дошли : рассыпались удары,
Клубишя дымъ, горящъ пожары,
Спонъ тяжкій бишвы заглушалъ,
И Римъ, колоссъ державный, палъ.

★★

Порошный палъ онъ , жертва мщенья ,
 И шумно въспры разнесли
 Ужасный громъ его паденья
 Въ концы испуганной земли .
 Но шуча грозная народовъ
 Съ небеснымъ гнѣвомъ пронеслась ,
 И пылъ онъ буйныхъ переходовъ
 Въ поляхъ кровавыхъ улеглась .
 Навѣки мерзвое молчанье
 Смѣнило вопли и стenanье ;
 Уже паденья страшный гулъ
 Въ пущыи горесинои уснулъ ,
 Въ шуманъ зарево не рѣшетъ
 И черный дымъ уже рѣдетъ ,
 Яснѣетъ мгла , съ печальныхъ мѣсяцъ
 Въ дали спалъ видѣтъ свѣтлый крестъ .
 Другіе люди , вѣра , нравы ,
 Иной языкъ , права , уснавы ;
 Чистѣйшій міръ , рожденный имъ ,
 Явился вдругъ чудесно съ нимъ ;
 И проповѣдники святые
 На пенелница роковыя
 Пришли съ Евангельемъ въ рукахъ ,
 И межъ развалинъ на могилы
 Возсѣли , полны шайной силы ;
 Горѣла пещина въ очахъ .
 Гасъ шихій , скорбныхъ утѣшился ,

Небесной воли возвѣстившешь,
Вселенной жизнь другую дашь:
Такъ ихъ Божественный учишешь
По вѣрѣ мершвыхъ воскрешашь.

Иванъ Козловъ.

Т Р И Р О З Ы.

Въ глухую снѣжь земной дороги,
Эмблеммой райской красоны
Три розы бросили намъ боги,
Эдема лучшіе цвѣтны.

Одна подъ небомъ Кашемира
Цвѣшетъ близъ свѣтлаго ручья,
Она любовница Зефира.
И вдохновенье соловья.
Ни день, ни ночь она не вянетъ;
И если кто ее сорветъ,
Лишь только утра лучъ проглянетъ,
Свѣжѣе роза разцвѣтетъ.

Еще прелестнѣе другая:
 Она, румяною зарей
 На раннемъ небѣ разцвѣтая,
 Плѣняешь яркой красотою,
 Свѣжій омиъ этой розы вѣешь
 И веселѣй ее встрѣчаешь;
 На мигъ одинъ она алѣетъ,
 Но съ каждымъ днемъ цвѣтешь опять.

Еще свѣжій омиъ прешней вѣешь,
 Хотя она не въ небесахъ:
 Ее для жаркихъ уснѣхъ лелѣешь
 Любовь на дѣвспивенныхъ щекахъ.
 Но эта роза скоро вянетъ,
 Она пуглива и нѣжна,
 И щечино ушра лучъ проглянетъ,
 Не разцвѣтешь опять она.

Д. Виневитиновъ.

НЕТЛѢННЫЕ ГЛАЗА.

Восточный Апологъ.

(Изъ Хафиса).

Восточный царь, который славенъ былъ,
 Когда его послѣдній часъ ударилъ,
 За блага жизни сей Творца благаго славилъ
 И такъ въ молитвѣ говорилъ:
 « Вездѣ — все — любящій! (*) Меня любилъ ны
 много,
 Далъ царство славное и царствовалъ я долго;
 И я любилъ народъ и былъ враговъ гроза...
 Теперь все кончилось, иду я къ разрушенью;
 Всемощный, сдѣлай такъ: оидай всего ислѣбную,
 Оставь неслѣнными одни мои глаза:
 Я жажду и молю еще увидѣшь, Боже,
 Останешся ли по мнѣ въ народъ счастливые тоже...

(*) Вездѣ—все—любящій есть одно изъ именъ
 Божіихъ по есогопін Зороастра.

Пойдетъ ли все своей уставленной чредой,
 И будетъ ли мой сынъ, наследникъ молодой,
 И благъ и справедливъ, а больше милосердемъ,
 Доступенъ нищему и сиротѣ
 И къ алшарямъ Твоимъ усерденъ!... »
 Умолкъ; его мольба свершилась въ полночь:
 Онъ весь исплълъ, одни глаза его глядѣли,
 И подданныхъ сердца къ нему благоговѣли!

О. Глинка.

18 А П Р Ъ Л Я.

Съ возвратомъ свѣтлыхъ дней весны,
 Какъ оживаетъ все земное
 И вѣетъ нѣга съ вышинны,
 Моя душа тоскуетъ вдвое;
 И непоняшна мнѣ печаль
 Моей спрадалицы небесной;
 Ей не зимы суровой жаль,
 Ей миль привѣтъ весны предестной;
 Но въ дуновении вѣтерка,
 Въ напѣвѣ пшички голосистой,
 И въ быспромѣ бѣгѣ челнока
 Съ волной пошока серебрястой,

Во всемъ прискорбная она
 Свою задумчивость находишь,
 И на пиру земномъ одна
 На все уныніе наводишь.
 Не такъ я шѣнился весной
 Въ нѣ дни, какъ былъ душой моложе,
 И чувствиво радости земной
 Во мнѣ теперь на грусть похоже.
 О невозвратныхъ лѣтъ весна,
 Недолго дни твои сіяють!
 Твои цвѣты, шволъ спирая,
 Какъ мнѣ, опивъ не разцвѣтають.
 И, можешь бышь, моя душа,
 Какъ на нее весна подуешь,
 Невольню радостью дыша,
 О дняхъ весны своей поскуешь.
 Такъ съ міромъ разлученъ давно
 Ошпельникъ мерный для природы
 Глядишь сквозь мрачное окно
 На свѣтлый лугъ и хороводы;
 Такъ жернова бѣданъ любви,
 Молодая дѣва, молчаливо
 Танишь спираданія свои
 На праздникъ любви счастливой.

О. Туманскій.

Р Ы Б А К И.

И Д И Л Л И Я.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

*Таланты отъ Бога, богатство отъ рукъ
селевка.*

На островъ Невскомъ, омышомъ рѣкою и
моремъ,
Подъ кущей одною два рыбака жили пришельцы;
Одинъ престарѣлый, другой лишь брадой опу-
шался.
Гонимые нуждой изъ милого края роднаго,
На промыслъ поварихи вмѣстѣ пришли на чуж-
бину.
Лишь честную бѣдность они принесли за спи-
ною,
И вмѣстѣ и нужду и прудъ земляки раздѣляли.
Въ печальныхъ шрудахъ для убогаго пѣсни услада;

View of the Harbor

View of the Harbor

И младшій прекрасно игралъ ихъ на звонкой
 свирѣли.—
 Въ нѣ тайныя чувства минуны, когда вдохно-
 венье
 Оня неба нисходитъ и душу любимца превоз-
 жишь:
 Въ часъ утра злашаго, какъ день загарался на
 небѣ,
 И все на землѣ воскресало для счастлиа жизни;
 Иль въ вечеръ, какъ солнце въ багряныя волны
 шлоуло,
 Иль въ ясныя ночи, смонря и безмолвный дн-
 вумсь
 На мѣсяцъ, на звѣзды, на высь безпредѣльную
 неба,
 То тайную радость, шо тайныя грусныя чув-
 ства
 Любилъ изливать онъ въ проспыхъ, безъиску-
 сивенныхъ звукахъ,
 Но чистыхъ, шо свѣжихъ, какъ юныя лиснѣя
 на вѣтвихъ.
 Давно онъ окрешность плѣнялъ вдохновенной
 свирѣлю;
 Оня, звуками сердца по свѣтлой Невѣ разливаясь,
 Не разъ у гребцовъ османавливалъ шумныя весла;
 Шо, сердцемъ невинный, чудесъ имъ творимыхъ
 не вѣдалъ.

Однажды, уставши отъ ловли несчастливой, обв
Сидѣли у кущи; изъ вѣтвей древесныхъ сло-
женной.

Старѣйшій работникъ изъ гибкія вербы кошницу;
А младшій у берега, главою на руку поникшій,
Уныло смотрѣлъ на бѣгуція, темныя волны.
Шумѣли, бѣжали въ пучину незримую волны;
Такъ юности думы въ синѣющую даль уноси-
лись!

По долгомъ молчаньи къ ушамъ поднесъ онъ
цѣвницу

И въ пѣсни унылой измѣлъ вдохновенное сердце.
Но рыбарь старѣйшій работая началъ бесѣду:

Рыбакъ стар.

Любезный товарищъ, вѣдь пѣснями рыбы не ло-
вишь!

Ты сладко играешь, и мнѣ швомъ пѣсни оправданъ;
Но вижу, ты часно работу мѣняешь на пѣсни;
Поешь ты до шницъ, для свирѣли и сонъ забы-
ваешь.

Охота другая неволя; по молвлю я слово:
Ищъ неводъ изорванъ и верша шводъ не въ ис-
правѣ.

Не пѣснями ль, милой, ты здѣсь замѣваешь кор-
минься?

Ты съ голоду сгнибнешь, иль съ сумкой воро-
жишься къ дому.

РЫБАКЪ СТАР.

Такъ что же, товарищъ!
Знашь, хочешь ты кинуть наслѣдственный
 промыслъ опцовскій?
Но промыслъ рыбачій есть промыслъ и чисный
 и чесный:
Рыбакъ не губитель; своей онъ руки не крова-
 вишь;
Рыбакъ не обманщикъ, шоваръ продаетъ не под-
 дѣльный.
Симъ промысломъ чеснымъ опцы наши хлѣбъ
 добывали.
Знашь, другъ мой любезный, тяжель тебѣ
 прудъ рыболова?
Такъ лучше бъ съ свирѣлю осшался ты дома,
 при снадѣ.
Тамъ ясное небо, тамъ ясныя души, и нѣсни
Тамъ милы людямъ; а здѣсь, братель, и люди, какъ
 небо,
Суровы: здѣсь хлѣба не выпоешь, выплачешь
 легче.
Опомнись, землякъ; что скажешь и мамъ, какъ
 услышишь?

РЫБАКЪ МЛАД.

Услышишь, любезный, омнѣ она добрыя вѣсти;
А ты понапрасну меня не кори, обижаетъ.

Рыбачій д промысла люблю, и его не чуждзюся;
 Бышь можешъ, дѣнивъ я, а больше того безна-
 ланливъ;

Но справлюсь, поварищъ. Сулишь рыболовъ
 мнѣ приморскій

Клубъ мищокъ и вершу за выучку пѣсней сви-
 рѣльныхъ.

Вошъ, видишь ны, пѣсни любящъ и здѣшніе
 люди;

Ихъ слушающъ часито, на шлюбкахъ по взморью
 гуляя,

Боюре градскіе, ихъ любящъ всѣ добрые люди!

Я помню изъ дѣлства, какъ въ нашемъ селеніи
 спарець,

Захожій слѣпецъ наигрывалъ пѣсни на сиру-
 нахъ

Про старыя войны, про воиновъ Рускихъ мо-
 гучихъ.

Какъ вижу его: и сума за плечами и кобза,

Сѣдая брада и волосы до плечъ сѣдые;

Съ клюкою въ рукахъ проходилъ онъ по нашей
 деревнѣ

И заванный дѣдомъ подъ нашею жапой усѣлся.

Онъ долго сперва по сирунамъ рокошалъ мол-
 чаливый,

То важною думой сѣдое чело осѣняя,

То къ небу подьема незрячій, бѣлыя очи.

Какъ вдругъ просвѣтлѣло сѣдое чело пѣснопѣвца,
И вдругъ по струнамъ зазеленили космические
пальцы;

Въ рукахъ задрожала спрунчатая кобза, и пѣсни,
Волшебныя пѣсни, изъ шарцевыхъ услиль поле-
нѣлам!

Мы всѣ, ребянишки, какъ вкопаны въ землю,
спояли;

А дѣдъ мой старикъ, на ладонь опираясь, думный,
На лавкѣ сидѣлъ, и изъ глазъ его капали слезы.

О, кто бы меня изучилъ сладкогласнымъ пѣмъ
пѣснямъ,

Тому бѣ я отдалъ изъ счастливейшихъ всю мою
шюню!

Вонъ тамъ, на Невѣ, подъ высокимъ перемомъ
свѣтлымъ,

Изъ камня, гдѣ львы у порога спояли, какъ
живые,

Подъ перемомъ пѣмъ боярня живеть имени-
ный,

Уже преспарфый, но знашь въ немъ душа мо-
лодая:

Подъ перемомъ пѣмъ, ты слыхалъ ли, какъ
въ лѣшній ночи

И струны рокочуть и вѣще носялся гласы?

Знашь, шарцы сѣдые боярина пѣснями пѣ-
шамъ.

Землякъ, и свирѣль мамъ слышна: соловьемъ
распѣваешь!

Всю душу проходишь, какъ ширель поведешь и
зальешься!

Ты видишь, землякъ, и бояре разумные любятъ
Свирѣль. Не худи же моей ны сердечной забавы.
Люблю свое ремесло, но и пѣсни люблю я;

А дѣдъ мой говаривалъ: что въ кого Богъ по-
селяешь,

То вѣрно не къ худу. Что жовъ пѣсняхъ худаго?
Мнѣ сладко, мнѣ весело, радостно, словно я въ
небѣ,

Когда на свирѣли играю! Да самъ ты, поваришь,
Ты самъ, какъ пою я про сторону нашу родную,
Про рѣки знакомыя, гдѣ мы учились ловяъ,
Про доли зеленые, гдѣ мы играли молодые,

Зачѣмъ ты, любезный, глаза закрываешь рукою?
Да ты же меня и коришь и сумою спращаешь!
Мнѣ бѣднось знакома издѣшсшва; ее не боюся.
Поколѣжь есиъ руки, я ихъ не просиру за по-
дачей.

Р Ы Б А К Ъ С Т А Р .

Задѣлъ я шебя, даи самъ уже каюсь; рѣчиствъ ты!
Но если бы сполько въ сей день наловилъ ты м
рыбы,

Какъ словъ наказыалъ, повѣрифе была бъ наша
прибыль.

РЫБАКЪ МЛАД.

Что правда, то правда; но день вѣдь еще не
оконченъ;

А видишь ли, другъ, надо мною какъ ласточка
вьется?

Вѣдь это не къ худу; о! ласточка вѣспница
счастлива!

Сегодня, скажешь ты, не спашемъ закидывающъ
неводъ!

У берега рыба гуляетъ! одинъ попышаюсь;
Сажуся на легкую лодку, беру я и сѣщи и уди.

РЫБАКЪ СТАР.

Верешь и свирѣль ты, землякъ?

РЫБАКЪ МЛАД.

Расширюсь ли я съ нею?

РЫБАКЪ СТАР.

Худое предвѣстье!

РЫБАКЪ МЛАД.

Да ласточка вѣспница счастлива!

Смотри, вѣдь онашь надо мной, и щебетень и
вьется.

О, ловля, счастливая ловля! лишь день вечерѣетъ,
Лишь солнце садится, и рыба спадами играетъ.

«Ловися мнѣ рыба, ловися и окунь и щука!»

И пѣснь рыболова исчезла у дальняго берега.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Уже надъ Навою сіяетъ беззнойное солнце ;
 Уже вечерѣетъ ; а рыбаля нѣтъ молодого.
 Вошъ солнце зашло , загорѣлся безоблачный за-
 падъ ;

Съ пылающимъ небомъ , слѣясь , загорѣлося море ,
 И пурпуръ и золото залило роши и дома .

Шпиць шверди Пешровой , возвышенный , вспы-
 хнулъ надъ градомъ ,

Какъ огненный столпъ , на лазури небесной
 игралъ .

Угасъ онъ ; но пурпуръ на западномъ небѣ не
 гаснелъ ;

Вошъ вечеръ , но сумракъ за нимъ не слѣпаелъ
 на землю ;

Вошъ ночь , и свѣтла синевую покрывала даль-
 носль :

Безъ звѣздъ и безъ мѣсяца небо ночное сіяетъ ,
 И пурпуръ заката сливается съ златомъ востока ;

Какъ будто денница за вечеромъ слѣдомъ въво-
 дитъ

Румяное утро . — Была шо година злая ,
 Какъ лѣшніе дни похищаютъ владычество ночи ;
 Какъ взоръ иноземца на сѣверномъ небѣ плѣ-
 ялелъ

Сліянье волшебное шѣни и сладкаго свѣна ,

★★

Какимъ никогда не украшено небо полудня;
 Та ясность, подобная прелесшамъ сѣверной
 дѣлѣ,

Которой глаза голубые и алыя щеки
 Едва опѣняются русыми локонамъ волнами.
 Тогда надъ Невой и надъ пышнымъ Пейропо-
 лемъ видяшъ

Безъ сумрака вечеръ и быстрыя ночи безъ тѣни;
 Тогда филомела полночныхъ пѣсни лишь кончили,
 И пѣсни заводили, приѣхшавуа день восхо-
 дящій.

Но полно; повѣяла свѣжесть; на Невскія шундры
 Роса опустилась; а рыбага ишьъ молодого.
 Вошъ полночь; шумѣвшая вечеромъ тысячью
 весель

Нева не колышетъ; разѣхались гости градскіе;
 Ни гласа на брегѣ, ни выби на влагѣ, все тихо;
 Лишь изрѣдка гулъ ошъ мосновъ надъ водой
 раздается,

Да изрѣдка крикъ изъ деревни, пропѣжный,
 промчишя,
 Гдѣ въ ночь окликается ратная стража со спра-
 жей.

Все спишъ; надъ деревнею дымъ ни единый не
 вьенся.

Огонь лишь дымился предъ жущею рыбага
 снарца!

Кошеле у огняща спонше уже снятый съ пре-
нога.

Спарикъ заварилъ въ немъ уху, въ ожиданіи
друга;

Уха ужь оспывши, подернулась пѣной липтарной.
Не ужиналъ онъ и скучалъ, земляка ожидая.
Лежалъ у огня, раскинувъ свой кожаный запонъ,
И часино посмаивалъ вдоль по Невѣ сребро-
водной.

Но скучилъ спарикъ, безпокоймый грустью и
гладомъ;

И въ первый онъ разъ безъ шоварища ужинаше
думалъ:

Взялъ чашу изъ древа, блестящую лакомъ зла-
писнымъ;

Лишь началъ уху; черезъ край, призадумавшись,
пролилъ

И, въ сердцѣ на друга, промолвилъ суровое слово.
Присѣлъ, и лишь руку для крестнаго знаменья
поднялъ,

Шумъ веселья раздался, и крестъ сотворилъ онъ
не къ яствѣ,

Но къ радости сердца: ладья на рѣкѣ показалась,
И голосъ знакомый ударился въ берегъ отзыва-
ный:

РЫБАКЪ МЛАД.

Ты спишь ли, шоварищъ? Вставай, помогай
выгружаться.

РЫБАКЪ СТАР.

Люби себя Бога, влюбленный свирѣльникъ
несчастливый!
Не сонъ на глаза, а кручину на сердце навелъ ты.
Пропасшь до полночи? Я, Богъ знаеть, что пе-
редумалъ.

РЫБАКЪ МЛАД.

А что же ты думалъ?

РЫБАКЪ СТАР.

Что думалъ? Свѣтаешь, повѣса!
По новой деревнѣ, ты слышишь, спугалъ ужь
шелеги;
И гдѣ развѣзжалъ ты? Слѣшло, всѣ околнышни
видно;
А лодки швоей, просмотрѣлъ я глаза, не зави-
дѣлъ.
Хожу, окликаю: съ Немы ни отвѣта, ни гласа.
Палъ на сердце страхъ: до бѣды далеко ль чело-
вѣку!

Такихъ, брашъ, какъ ты подцѣпляли не разъ
Водные;

А машь за тебя у кого бы ошешна спросила,
Негодный повѣса?.. Здорово! дай руку, шоварищ!

РЫБАКЪ МЛАД.

Другъ милый, другъ милый! вѣдь ласночка намъ
не солгала.

Иль сердцемъ не чулъ ты, что я привезу тебѣ
радосшь?

РЫБАКЪ СТАР.

Что? щуку съ перомъ голубымъ, или лосося жир-
наго пѣсню

Сманилъ ты на уду? О, рыба вѣдь лакома къ
пѣснямъ!

Не рыбу, мой другъ, а сердца подгородныхъ
красавиць

Ловилъ ты свирѣлю. Удаченъ ли ловъ, при-
знавайся;

Разсказывай все.... Но на чолнѣ, какъ видишься,
неводъ?

Ты невода не бралъ?

РЫБАКЪ МЛАД.

О неводъ послѣ, шоварищ!

А эта свирѣль какова? посмотри, полюбуи!

Р Ы Б А К Ъ С Т А Р .

Свирѣль дорогая , сдѣлалъ ; уже ли купилъ ты ?
Нѣтъ , подилъ у мызъ понадрѣчныхъ ; навѣрно
болринъ

Ее обронилъ . Дорогая , заморской работы !
Изъ пальмова древа , съ слоновою коспью и
злапомъ ;

А скважины въ ней , какъ пчела на сопахъ вы-
лѣпляешъ !

На ней-шо , землякъ , соловьиныя прелю ты бѣ
вывелъ !

Сознай ты ее , объяви , чпобъ тебя не клепахи ;
Чужое добро не въ корысьиъ .

Р Ы Б А К Ъ М Л А Д .

Не присвою чужаго .

И эта свирѣль , мой любезный , и неводъ на
чолнѣ

Мои !

Р Ы Б А К Ъ С Т А Р .

Перешанъ , молодой , старика ты морочишь .

Р Ы Б А К Ъ М Л А Д .

Такъ счастью , землякъ , моему и невѣришь ты ?

Р Ы Б А К Ъ С Т А Р .

Счастью ?

Ума приложишь не могу , и не знаю , какому ?

Р Ы Б А К Ъ М Л А Д .

Вошь этой просною , насшушеской дѣда сви-
рѣлю
И неводъ , что въ лодкѣ , и эту свирѣль дорожную
Я выигралъ!

Р Ы Б А К Ъ С Т А Р .

Что ?

Р Ы Б А К Ъ М Л А Д .

И за что бы купилъ я?
За эту свирѣль рыболовнаго мало снаряда.
Нѣтъ , Богъ , о товарищъ , мнѣ Богъ даровалъ ихъ
за пѣсни !

Р Ы Б А К Ъ С Т А Р .

Да молви же кто? Не шони , расскажи мнѣ скорѣ!
Ошъ радости сердце играешь ; пропалъ мой и
голодъ ;
На умъ неидеешь мнѣ и ужинъ . Товарищъ , пы
весель ?
Скорѣй подѣлися весельемъ , порадуи и друга !

Р Ы Б А К Ъ М Л А Д .

О , радосшно будешь объ этомъ всю жизнь гово-
ришь мнѣ .
Но сядемъ мы тамъ , на холмѣ , подъ душишсною
линой ,

Гдѣ въ ясныхъ ночи съ шобою рыбу мы удимъ.
 Ошполѣ намъ видны далекія рощи и мызы
 По берегу Невы среброводной; ошполѣ увидимъ
 И домъ, о которомъ тебѣ поведу мое слово,
 Тотъ шеремъ, котораго мнѣ не забыть до мо-
 гилы! —

Какъ солнце садилось, подѣхалъ я съ удами въ
 чолнѣ

Къ противоположному берегу. Рыба, какъ день вече-
 ренъ,

Тамъ рунами ходитъ; и въ правду, спадами
 мешалась.

Рука успавала закидывать гибкія уды;
 Двухъ щукъ изловилъ, окунамъ и счетъ ужъ
 терялъ я;

Запасная верша кипѣла серебряной рыбой.

Но скоро, не вѣдаю какъ, прошивъ мызы бо-
 лотской

Съ ладьей очутился я. Ночь междушѣмъ насту-
 пала,

Чудесная ночь! ни единой звѣзды на лазури,
 А серебряный свѣтъ разливался по небу ночному!
 Все было шакъ шихо! не дрогнулъ ни листъ на
 осинѣ;

Все было безмолвно! И вошъ, надъ Невую не-
 движной

Понесся наъ перема сладосный гулъ пихо-
спрунный.

Мнѣ радосно шало! и началъ я робкой сви-
рѣлю

Подыгрывашъ пихо подъ спруны; какъ вдругъ
межъ древами

Почулся мнѣ шорохъ, и слуги боярскіе вышли,

И съ берега спали меня зазывашъ въ его перемъ.

Я съшь онвизалъ, чинобъ боярину рыбу живую,

Огромную щуку и окуней несшь красноперыхъ.

« Не съ рыбой, съ свирѣлю! » веселье вскрик-
нули слуги :

« Въ свой перемъ высокій шебя призывашшь
бояринъ. »

РЫБАКЪ СТАР.

Царю мой небесный! ишши шы, землякъ, не
болся?

РЫБАКЪ МЛАД.

Болся, товарищъ! въ груди моей дрогнуло
сердце;

Какъ вошъ и бояринъ изъ перемныхъ окна
хрушальныхъ

Свой ласковый голосъ мнѣ подалъ; и пролилъ
онъ въ душу

Веселосшь и смѣлосшь! Всшупилъ я въ хоромы;
но спрашно

Мнѣ спало оляшѣ, какъ я началъ итти по хо-
ромамъ.

Со спѣнъ ихъ лики глядѣшъ на шебя какъ живые!
Изъ мрамора дѣвы, прелесныи, шолько не ды-
шашъ!

Но диву я дался, увидѣвши теремъ высокій!
Чудесный, прозрачный! какъ въ сказкѣ, землякъ,
говоринся:

Что на небѣ звѣзды и въ шеремѣ звѣзды! и
мѣсяцъ,

И вся въ терему красота поднебесная видна!
Въ немъ шарецъ бояринъ сидѣлъ сребровласый
въ семейспивѣ

Цвѣшущихъ дѣшей, средь бояръ и вельможъ
имениныхъ.

Смушился я, другъ; у порога спомлъ полумерц-
вый;

Но ожило сердце, забилося весельемъ, и слезы
Изъ глазъ у меня проснувши, какъ добрый
бояринъ

Привѣтно взглянулъ на меня и ласково молвилъ:
« Люблю я невинныхъ сердецъ вдохновенья про-
спыя,

« Люблю я свирѣлыми пѣсми, а ты ихъ пріятно
играешь.

« Не разъ и ко мнѣ доходили ихъ сладкіе звуки.
« Давно я желалъ насладиться швоею свирѣлюю;

« Давно пригосовилъ награду, достойную пѣс-
ней:

« Тебя подарю я прекрасной свирѣлью изъ
пальмы.

« Сыграй намъ, о рыбарь, пріятную, сельскую
пѣсню!»

Затѣмъ ты, товарищъ, подъ перемомъ не былъ
со мною?

Напомнилъ бы ты мнѣ, какія я пѣсни играю;
Она радости всѣ позабылъ я, сполна безоще-
вѣнный;

Но очи лишь поднялъ и взоры боярина вспрѣ-
тнулъ,

Безвѣстная, другъ, обидла меня дивная сила!
Взыгралъ я, и пѣснь разлилась по зеленому саду!

И вопъ мнѣ награда.

РЫБАКЪ СТАР.

Поспой, товарищъ, ты видишь,
Досадныя слезы мѣшаютъ мнѣ слушать. — Ну
даль?

РЫБАКЪ МЛАД.

Но лучшей наградой мнѣ было боярское слово:
« Кто былъ швой учицель?» измолвилъ онъ. —

Богъ, опиѣчалъ я.

Бояринъ, изъ рукъ подавая свирѣль дорогую,
« Играй, мнѣ примолвилъ, безъ Бога, какъ ты,
не играешь».

« Но въ промыслѣ ты не лѣнишься ли, рыбарь,
для пѣсней? »

« Таланшы ошъ Бога, богатство ошъ рукъ чело-
вѣка. »

Нашъ промыслъ, я молвилъ, есть промыслъ и
чистый и честный :

Твои предъ бояриномъ смѣло я высказалъ рѣчи.

« Разумныя рѣчи, бояринъ мнѣ весело молвилъ :

« За нихъ я тебя дарю еще неведомъ новымъ ;

« Ты жъ лучшей швой ловъ продавай для меня
на шрапезу. »

Р Ы Б А К Ъ С Т А Р .

Какъ сказку я слышу! правдиво предвѣстіе
птицы!

Р Ы Б А К Ъ М Л А Д .

Не птицы, а дѣда правдиво мнѣ вѣщее слово;

Ошъ, дѣда мой, говаривалъ : что въ кого Богъ
поселитъ,

То вѣрно не къ худу.— Молчишь ты, любезный!

Р Ы Б А К Ъ С Т А Р .

Усталъ я

Ошъ радости сердца ; скажу я короткое слово :

Ошъ дѣда въ наследство ты принялъ цѣвницу
изъ липы,

А внукамъ своимъ передай цѣвницу изъ пальмы.

РЫВАКЪ МЛАД.

**И имя того, кто почтилъ дарованіе Бога,
И внукамъ моимъ передамъ съ любовію къ пѣс-
нямъ!**

Это прекрасное произведеніе Н. И. Гнѣдича было напечатано въ *№ 8 Сѣна отечества* 1822 года. Авторъ сдѣлалъ послѣ того значительныя въ немъ перемѣны. Г. Воробьевъ, отличный художникъ нашъ, съ напуры снялъ мѣсно дѣйствіи, описываемаго въ Идилліи. Для доспавленія читателямъ нашимъ совершеннаго удовольствія, мы предлагаемъ здѣсь шо и другое.

Примѣт. Издат.

 Б Е Ш Т А У (*).

Ровестница вѣкамъ первовременнымъ,
 Твое чело дерзала я попирашь!
 Какъ весело пиномцамъ жизни бrenнымъ
 Изъ-подъ небесъ ошважный взглядъ бросаешь;
 Внизу, какъ адъ, во мглѣ оврагъ зялешь,
 Въ вѣнцѣ лучей споншь надъ нимъ скала...
 Слѣдъ вѣчности! здѣсь время ошдыхаешь,
 Его коса здѣсь жершвы не нашла.

О жизнь пѣвцовъ, свяное вдохновенье,
 Я вижу швой незаблемый алшарь!
 Какъ змѣй безъ силъ, подъ нимъ шпиншь заб-
венье,

Земныхъ спрасшей неодолимый царь.
 О сколь блаженъ, кшо съ пламенной душою
 На сѣй алшарь свой звучный даръ принесъ:
 Онъ цѣпь земли ошбросилъ за собою,
 И чувщивовалъ присушствіе небесъ!...

В. Григорьевъ.

(*) Кавказская гора.

СЕЛЬСКАЯ СИРОТА.

Элегія Суме.

Поклянувъ плѣнь тяжелый сна
Безъ усладительныхъ мечтаній,
Я упредила здѣсь одна
На холмъ лучъ денницы ранній.

Съ зарею пробудясь,
На вѣткахъ пшашечки семейно веселились,
Мать съ кормомъ издали на щебенѣ ихъ неслась,
Глаза мои слезами оросились:

Что жъ у меня родимой мѣстъ?
Зачѣмъ не похожу на пшичекъ я судьбою,
Которыхъ радуешь привѣнный солнца свѣтъ
И вѣшеръ съ гнѣздышкою колышешь предо
мною! .

Опъ всѣхъ отверженна, бѣдна,
Безъ колыбели въ часъ рожденья,
Чужими я людьми на камень найдена
Близъ церкви здѣшняго селенья,
Взросла безъ кровныхъ и родныхъ
И къ сердцу никогда не прижимала ихъ.

Изъ сельскихъ дѣвушекъ сестрою
 Ни отъ одной я не зовусь
 И въ хороводѣ ихъ весною
 О праздникѣ не веселюсь;
 Въ забавахъ, въ играхъ ли проводятъ вечера
 зимный,

Я въ нихъ участвья не беру;
 Никто не вздумаетъ, хоть изъ любви къ добру,
 Сиротку пригласишь подъ кровъ господри-
 мный.

Безпечно селянинъ поетъ у огонька,
 Семействомъ окруженъ среди домашней сѣни:
 Спороняя, сквозь слезъ гаджу издалека,
 Какъ дѣши ласкался къ нему, обилъзъ колѣни.

Моя ограда Божій храмъ,
 Гдѣ улаждаю грусь, предавшись мольбамъ:

Одна лишь сѣнь его свисая
 Не заперла предъ сиротой,
 И въ сей обитали одной
 Кажусь я въ мірѣ не чужая.

Гляжу на камень часто я,
 Гдѣ начались мои страданья,

И слѣда слезъ ищу, шобою, мать моя,
 Пролившихъ, можетъ бышь, въ часъ горькій
 разсказанья.

Порою шорохомъ шаговъ,
 Скипаясь межъ могилъ, шревожу сонъ гробовъ:

Не здѣсь ли вы, мои родныя?

Но и могли бы мнѣ чужія,

И я спрошка безъ родныхъ,

Средь мертвыхъ, какъ среди живыхъ:

По манери, меня опринувшей, рыдая,

Томлюся жизнью съ пятнадцатой весной:

Ворошишься ль когда; я жду тебя, родная,

На камнѣ, гдѣ была оставлена тобой.

Ш. Лжевскій.

Парижъ, 1824.

П Т И Ч К А.

Вчера я растворилъ темницу

Воздушной пльницы моей:

Я рощамъ возвратилъ пльницу,

Я возвратилъ свободу ей.

Она исчезла, упоная

Въ сіяньи голубаго дня,

И шакъ заплѣла, улетаая,

Какъ бы молилась за меня.

Ө. Туманскій.

★★

НА ДРЕВНЮЮ ВАЗУ.

Жизнь ваша, смертные, сколь пламенный даръ
боговъ!

Цвѣтете мигъ одинъ, земные исполины!

Я Римъ пережила, прошла сквозь рядъ вѣковъ,
Служила Кесарямъ, а слѣплена изъ глины.

Плутевскій.

ВОЛШЕБНЫЙ САДЪ.

(Стихотворная фантазія).

Я зрѣлъ волшебный дивный садъ;
Древа тамъ волономъ горятъ,
Земля блестящъ правой златою;
Тамъ взоръ прельщаемъ красою
Сіающихъ въ замѣнь цвѣтновъ
Рубиновъ, алловъ, жемчужовъ,

Смарагдовъ, опиксовъ, алмазовъ,
 И изумрудовъ и шопазовъ.
 Но очарованъ дивный садъ:
 Туда зефиры не летаютъ,
 Нарушить мертвый сонъ боятся;
 Тамъ листья дровъ не шевелятся,
 Тамъ нѣтъ движеня и слѣда,
 И мнится будто никогда,
 Тамъ жизнь въ твореньи не дышала
 И тишины не нарушала;
 Тамъ не перевозимъ вѣчно слухъ,
 И шумъ въ забвеньи одинокомъ
 На деревьяхъ во снѣ глубокомъ
 Сидятъ павлинь, сова, пѣлухъ,
 Недвижные, какъ хладный камень,
 И жизни мершвъ въ нихъ ясный пламень,
 Но есть урочный крапкй часъ,
 Когда въ саду вдругъ ннчй гласъ
 Раздается музыки небесной;
 И спящихъ силою чудесной
 Мгновенно пробуждаетъ онъ;
 Опъ ихъ летитъ тяжелый сонъ,
 Въ нихъ пламень жизни воскресаетъ,
 И кажущся тогда они
 Какъ будто чѣмъ изумлены:
 Сова взоръ дикй обращаетъ
 Вокругъ себя; павлинь, гусной

И длинный хвостъ раскинувъ свой,
 Однажды быстро повернешя;
 Пѣлухъ кричишь; но лишь прервется
 Волшебныхъ звуковъ сладкій сонъ,
 На нихъ находишь прежній сонъ
 И прежнее окаменение;
 Сова опять въ одно мгновенье
 Недвижимъ взоръ; пѣлухъ молчишь;
 Павлинъ безжизненный сидишь;
 Опять все мертво, тихо спало,
 Какъ ничего и не бывало! (*).

Александръ Гиббовъ.

(*) Читатели легко опгадають, что за садъ
 описалъ г. Гиббовъ: это часы, находящіеся въ
 Эрмитажѣ.

ЛУННАЯ НОЧЬ ВЪ КРЕМЛѢ.

(Изъ поэмы: Наталья Долгорукая, посвященной В. А. Жуковскому (*).

— Въ Кремль святая тишина;
Въ Москвѣ на спогнахъ сонъ глубокой;
Уже надъ башнею высокой
Въ дыму туманна и красна
Взошла полночная луна.

Сіянье томное шрепещетъ
На блококаменныхъ стѣнахъ,
И на соборахъ, на дворцахъ
Спрулами пламенными блещетъ;
Оно сребрисшой пеленой
Лежитъ на гладкой мостовой,

(*) Эта маленькая поэма, начатая въ 1824 году, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ будетъ окончена и напечатана.

Бросаетъ въ стекла искры злата,
 И Грановиная палата,
 Какъ бы внутри освѣщена,
 Чего-то дивнаго полна;
 И ярко свѣтятся лампы
 Сквозь окна узкія церквей,
 И чушь замѣнно вдоль ограды
 Мерцанье пусклыхъ фонарей.

Все тайною святыней дышешь;
 Травую воздухъ не колышешь;
 Вездѣ все тихо; часовой
 Едва прохожихъ окликаешь,
 И только мѣди вѣщій бой
 Молчанье ночи прерываетъ;
 Но миръ съ не возмущенъ:
 Омъ свящъ, какъ праведниковъ сонъ.

Иванъ Козловъ.

П Ъ С Н Я.

Когда взойдетъ денница золотая ,
Горнишь зеврь ,
И оно сна встаетъ благоухая
Цвѣтущій міръ ,
И славнѣе все существованья сладость :
Съ душой твоей
Что въ пору лу? Скажи , живая радость ,
Тоска ли въ ней ?

Когда на дѣвъ цвѣтущихъ и привѣсныхъ ,
Передъ тобой
Мелькающихъ въ одеждахъ разноцвѣтныхъ
Глядишь порой ,
Глядишь и пьешь ихъ томныхъ взоровъ сладость .
Съ душой твоей
Что въ пору лу? Скажи , живая радость ,
Тоска ли въ ней ?

Сстрадаю я! Изъ-за дубровы дальней
Взойдетъ зари ,

Миръ озарилъ , души моей печальной

Не озаря.

Будь новый день любимцу счастья въ сладость !

Душѣ моей

Противенъ онъ ! Чшо прежде было въ радость ,

То въ муку ей.

Чшо красота , почти всегда лукавой ,

Мнѣ долгой взоръ ?

Обманчивъ онъ ! Знакомъ съ его осправой

Я съ давнихъ поръ :

Обманчивъ онъ ! Его живая сладость

Душѣ моей

Страшна теперь : чшо прежде было въ радость ,

То въ муку ей.

Е. Баратынскій.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ МЮЛЬПЕРОВОИ
ТРАГЕДИИ: Die Schuld.

Д Ъ Й С Т В І Е I.

Я в л е н і е 2.

*(Гугокъ, Норманскій графъ, на охотѣ;
наступила ночь; супруга его, Эльвира,
родомъ Испанка, безпокоится о немъ;
Берта, сестра графа, утѣшаетъ ее).*

Берта.

Впервые ль ты съ ловишвы ждешь его?

Уже ль тебя, Эльвира, утираютъ

Ушесы наши и снѣга?

Уже ль въ Испаніи льсовъ не оглашаютъ

Ловишвы звучные рога?

Эльвира.

Гамъ вѣтеръ дышитъ прихотливый,

Лука цвѣтутъ, какъ пышные сады,

Въ лѣсахъ гусныхъ изъ лавровъ и оливокъ

Оленей выюса вѣрные слѣды;

Должны глушь и дикая дубрава
 Исполнены волшебной пишины:
 Вотъ климанъ опшеской спрамы!
 Ловилва шамъ не гибель, а забава.
 Здѣсь на скалахъ, гдѣ грозные орлы
 Кружатся лишь надъ снѣжными шапками,
 Опшажный звѣроловъ, среди полночной мглы,
 Сражается одинъ съ свирѣпыми звѣрями.
 Медвѣдь предъ нимъ: погибельный свинець
 Свергаетъ съ ногъ чудовище дубравы;
 Ахъ, часто самъ, на снѣгъ кровавый,
 Сраженный падаетъ ловець!
 Гізы сѣвера, здѣсь волки завываютъ,
 Чернѣютъ пропасти предъ смѣлою стопой,
 И глыбы снѣжныя, безъ бури громовой,
 Съ заоблачныхъ вершинъ со шрескомъ ниспа-
 дають,
 И за собой въ пучину увлекають
 Опшажнаго ловца съ добычей роковой.

Берта.

Опшажность есть Нормановъ свойство,
 Любовь есть свойство нашихъ дѣвъ:
 Мы любимъ здѣсь въ мужахъ геройство,
 Мы не дрожимъ, ихъ мечъ въ крови узявъ,
 Когда они лепашъ съ равнины битвы,
 Враговъ опшизны одолѣвъ,
 Иль опшажные добычею ловилвы. —

П. Ободовскій.

СЕРБСКІЯ ПѢСНИ.

ЯНЯ МИЗИНИЦА (*).

(Въ собраніи Вука Стефановича
кн. 1, № 394).

Послушайте повѣсти чудной!
Дочерей у матери девять,
Десятою беременна ходишь;
Бога молишь, чинобъ мальчикъ родится.
А когда ея время пришло,
Родила мать десятую дочку.

(*) По Сербски *млезиница* младшая дочь; *млезинац* младшій сынъ. Въ старинномъ Русскомъ также употреблялось въ семъ значеніи прилаг. *мизинкой* и сущ. *мизинецъ* (см. Словарь Р. Академіи), почему мы и осмѣлились употребить здѣсь сущ. жен. *мизиница*.

Спрашивалъ кумъ на крестинахъ,
 Какое дашь крестиницѣ имя?
 Съ досадою машь ошвѣчала:
 « Яня имя ей; поברי ее дьяволъ! »

Распешъ Яня шонка и висока,
 Лицемъ бѣла и румяна.
 И была уже на выданыя дѣвнца.

Пошла съ ведрами по воду однажды;
 Ей ишли сквозь зеленую дубраву.
 Изъ дубравы вдругъ кликнула Вила:
 « Ой, слышишь ли, прекрасная Яня!
 Брось въ праву-мураву свои ведра,
 Спундай ко мнѣ въ зеленую дубраву;
 Твоя машь намъ шебя подарила
 У кума на рукахъ еще малѣньку. »

То услышала мизиница Яня,
 Въ мураву свои бросила ведра
 И сама ушла въ лѣсъ дремучій.
 Бѣжитъ за нею машь пресшарѣла:
 « Воронись домой, мизиница Яня!
 Но ошъ Лиш грозный ошвѣнитъ быль:
 « Удалися, машь, ошпадшая ошъ Вога,
 Когда ны меня сюда ондала въ даръ
 У кума на рукахъ еще малѣньку! »

СЕСТРА ДЕВЯТИ БРАТЬЕВЪ.

(Кн. I, № 404.)

У матери сыновъ милыхъ девять,
Десятая мизиница дочка.
Возрасшила ихъ мать, воспитала,
До того, что ужъ молодцамъ женишься,
А дѣвицу пора выданы за-мужъ.
Жениховъ къ ней свашалось много:
Одинъ Ванъ женихъ, другой Генералъ былъ,
А шреній сосѣдъ изъ деревни.
Мать прочинъ се за сосѣда,
Бранья за моремъ за Бана назначающъ.
Сесирѣ они шакъ говорили:
« Выйди, выйди, милая сесприца,
За того ли за заморскаго Бана!
Мы часомъ навѣщанъ тебѣ будемъ:
Въ году будемъ навѣщанъ каждый мѣсяцъ,
А въ мѣсяцъ каждую недѣлю. »
Сестра послушалась браньевъ,
Вышла за-моремъ далеко за Бана.

Но послушайте повѣсти чудной!
 Послалъ Богъ язву моровую:
 Всѣ девять перемерли брашьевъ;
 Мать одна безпомощна осмалась.
 Протекаетъ времени шри года;
 Сесира за моремъ горько тужишь:
 Ахъ, Господи, милосливый Боже!
 Въ чемъ предъ брашьями я провинилась,
 Чшо они меня не навѣщаютъ?
 Коринъ меня лихія невѣски:
 «Видно ты роднымъ брашьямъ ненавистна,
 Чшо они тебя не навѣщаютъ.»
 Такъ-то упромъ и вечеромъ тужишь,
 Тужишь горько сесира на чужбимъ.
 Смыловался надъ нею Господь Богъ,
 Своихъ Ангеловъ двухъ посылаетъ:
 «Лешине, Мои Ангелы, двое
 На бѣлую могилу Іована,
 Іована, младшаго брата.
 Вдуньте духъ вашъ въ мертвое шѣло,
 Ошъ могилы коня ему сложите,
 Ошъ земли колачей намѣсите,
 Ошъ покрова нарѣжьте подарковъ,
 Къ сесирѣ въ госипи его снарядите.»
 Пришекли два Ангела Вожьи
 На бѣлую могилу Іована,
 Ошъ могилы коня ему сложили,

Духъ свой вдуули въ мертвое тѣло,
 Ошъ земли калачей намѣсили,
 Ошъ покова наръзали подарковъ,
 Къ сесирѣ въ гости его снарядили.
 Скоро ѣдешъ мершвецъ, и въ виду ужъ
 Сесиринъ дворъ. Издали увидала
 Сесира, выбѣгала на встрѣчу,
 Ошъ сильнаго чувства зарыдала.
 Обнимаепъ брата, цѣлуепъ.
 Пономъ выговаривашъ слова:
 « Не вы ли, братцы, обѣщали,
 Когда за-мужъ млада выдавали,
 Назѣщашъ меня въ году каждый мѣсяцъ,
 Въ мѣсяцъ каждую недѣлю!
 А вошъ три года ко мнѣ не бывали. »
 Пономъ она спрашивала брата:
 Ошъ чего ны, братецъ, почернѣлъ весь,
 Какъ будшо бы былъ подъ землею?
 « Охъ, сесирца, мершвецъ ошвѣчаепъ,
 Нелегкую имѣлъ я рабошу,
 Пока осмерыхъ женилъ братъевъ,
 Осмерымъ прислуживалъ невѣсникамъ;
 А какъ всѣ-шо бранья поженнлись,
 Мы поспронали домовъ себѣ девять;
 Ошъ того почернѣлъ я, сесирца! »
 Трое сунпокъ у нея госнилъ ошъ.
 Снаряжаешся сесира въ гости къ братьямъ

И готовишь дорогіе подарки,
 Чѣмъ брашьевъ, чѣмъ невѣстушекъ дариши;
 Брашьямъ шелковы готовишь рубахи,
 Невѣстушкамъ кольца и перстни.
 Но Іованъ ее упрасивалъ всемирно:
 Остапись лучше, милая сесиприца,
 Дождись посѣщенія брашьевъ.
 Нѣнѣ, не хочешь дома оставашься,
 Готовишь дорогіе подарки.
 Собрался Іованъ въ пушь обратный,
 И сестра съ нимъ ошправляешся вмѣстѣ.
 Ужь ошъ дома они недалеко.
 На пуши споишь бѣлая церковь.
 « Подожди здѣсь, брашь сесипрѣ молвилъ,
 Я схожу шолько за бѣлую церковь;
 Обронилъ я тамъ золотъ перстень,
 Когда средняго мы брапа женили.
 Поищу тамъ перстня, сесиприца!»
 Съ словомъ симъ ушелъ и скрылся въ могилу.
 Дожидалась сестра его долго,
 Недождавшись, вскань пошла брапа.
 Но у церкви видишь новыя могилы.
 Тутъ-то вѣщее сердце ей сказало,
 Чшо умеръ Іованъ ея бѣдный.
 До дому оштолъ поспѣшила.
 Подходишь ближе, и слышишь:
 Во дворѣ кукушечка кукушетъ;

Не кукушечка то куковала,
Бя старая мать горевала.
Стучишся дочь въ вороша, громко кличешъ:
Ошвори мнѣ, мать горемышна!
Мать шарушка съ двора ошвѣзаетъ:
Отойди прочь, лзва моровая!
Девяшь дѣлница у меня шы уморила,
И меня сразить хочешъ, спаруху.
Но дочь ей въ ошвѣшъ говорила:
Ошвори мнѣ, мать горемышна!
Стучишся то не лзва моровая,
А твоя мизиница дочка.
Тогда мать вороша ошворила.
Закуковали, чпо кукушечки, обѣ,
Бѣлыми руками обнялися,
И обѣ падають мершвы.

★★

ДѢВИЦА и СОЛНЦЕ.

(Кн. I, No 200).

Дѣвица споръ вела съ солнцемъ :
И прекраснѣ себя, ярко солнце,
Прекраснѣ, чѣмъ брагъ швой, свѣтлый мѣсяцъ,
Чѣмъ сесира шоя, звѣзда вечерня,
Которая по ясному небу,
Какъ пасырь овецъ, водить звѣзды.
Пожаловалось на небѣ солнце :
Что мнѣ дѣлать съ проклятой дѣвицей ?
Небожищели солнце ушѣшали :
Ярко солнышко, не кручинься !
Мы сладимъ съ проклятой дѣвицей.
Ты лице ей припеки, сдѣлай смуглымъ ;
Мы пошлемъ ей встрѣчу худую :
Пошлемъ деверей все малолѣтнихъ,
Злу свекровь , а свекра еще злѣе.
Поклонись она голову повинну.

ЖАЛОБНАЯ ПѢСНЯ БЛАГОРОДНОЙ АСАНЪ-АГНИЦЫ.

(Изъ перваго изданія Сербскихъ пѣсень : мала простонародная Славено-Сербская песнарица, у Виенн. 1814, стр. 113. — Мы употребили здѣсь Рускій сказотный размѣръ, съ дактилическимъ оконтаніемъ).

Что бѣлѣтся у роши у зеленыхъ?
 Снѣгъ ли то, или бѣлыя лебеди?
 Кабы снѣгъ, онъ скоро распаялъ бы;
 Кабы лебеди были, улешъли бы прошь.
 Не снѣгъ то, не бѣлыя лебеди,
 А бѣлѣтся шатерьъ Асанъ-Аги,
 Гдѣ онъ лежитъ тяжко раненый.
 Его мать и сестра посѣщали тамъ;
 Молода жена припшти постыдилася.

Когда легче ему спало ошъ шажкихъ ранъ,
 Онъ послалъ сказать молодой женѣ:
 Не жди меня больше въ дому моемъ,
 Ни въ дому, ни во всемъ роду племени!
 Вила жена шаковы слова;
 Сипошъ, цѣпенѣя ошъ горесини;
 Вдругъ конскій топотъ слышала:
 Взметалась жена Асанъ-Аги,
 Чтобъ съ башни изъ окна ей низринуться.
 Бѣгутъ къ ней двѣ милыя дочери;
 Постой, не мечись манушка,
 То ѣдетъ не отецъ Асанъ-Ага,
 Ёдетъ дядя Пинипоровичъ Бегъ.
 Успокоилась тогда Агиница,
 Обнимаешь брата съ горькой жалобой;
 Ахъ, братецъ, какое посрамленье мнѣ!
 Выгоняютъ меня ошъ пашерыхъ дѣтей!
 Промолчала, ничего не промолвила Бегъ,
 Только, вынуть изъ сумы изъ шелковья,
 Подаетъ ей грамашу разводную,
 Чинобъ въ манерникъ домъ возвратилася,
 За другаго за-мужъ выходила бы.

Когда прочла жена грамашу,
 Съ дѣтьми она разпрощалася.
 Цѣлуешъ въ чело сыновей двоихъ,
 Дочерей въ ланишы румяныя,

А съ маленькимъ сыномъ въ колыбели, съ пѣмъ.
 Не могла расстаться. Братъ отвелъ ее
 Насильно. Посадилъ на коня съ собой,
 И отвезъ сеспру въ домъ родимельскій.

Мало время пробыла она на родинѣ,
 Мало время, всего ж недѣли нѣшъ.
 Жена добрая она, рода добраго,
 Посвапалась къ ней со всѣхъ споронъ,
 И самъ Кадій великій Имошскій.

Только спала она брата упрашивашъ:
 Коли любишь меня, бращецъ, прошу тебя,
 Не мочи меня ни за кого опдаты,
 Чшобъ сердце не расшорглося злой тоской,
 Когда увижу сиротъ своихъ.
 Но братъ не уважилъ мольбы ея,
 За Имошскаго опдалъ ее Кадія.

Тутъ просила она брата предъ свадьбою
 Къ жениху послать письмо въ шаковыхъ сло-
 вахъ:

Молодая желлетъ тебѣ здравствования
 И умильно проситъ тебя грамашой,
 Какъ прїѣдешь за нею съ ноѣжанами,
 Ты привезъ бы покрывало, ей завѣснись
 На дорогъ, мимо двора Аги,
 Чшобъ не видѣла она сиротъ своихъ.

Получивши Кадій ту граману ,
 Собираемъ сватовъ въ поѣздъ свадебный ,
 Къ двору ѣдетъ съ ними къ невѣстину .
 Счастливо шуда они прибыли
 И ошправились съ невѣстой въ обратный путь .

Когда ѣхали мимо двора Аги ,
 Изъ окна ее увидѣли двѣ дочери ,
 Два сына вышли на вспрѣчу къ ней :
 Зайди къ намъ , милая машушка ,
 Говорили ей ; съядь съ нами поужинашь !
 Слыша рѣчи ихъ , Асанъ-Агинница
 Старѣйшинѣ сватовъ взмолилася :
 « Будь по Богу мнѣ братомъ , старѣйшина !
 Вели ошановипься здѣсь поѣзду ,
 Мнѣ подарочки раздашь сиротамъ моимъ . »
 Коней ошановили супрошивъ двора .
 Раздала дѣшнямъ подарки хорошіе ;
 Сыновьямъ двоимъ сапожки , шипы золотомъ ,
 Дочерямъ по куску сукна некроена ,
 А маленькому сыну колыбельному
 Посылаетъ одѣяльцо шелковое .
 Глядѣлъ удалый Асанъ-Ага ,
 Ошозвалъ дѣшей назадъ къ себѣ :
 Подище ко мнѣ , сироты мои ,
 Машь безжалосипна къ вамъ , съ сердцега камен-
 нымъ !

Когда то услышала Агнница ,
 Лицемъ бѣлымъ о сыру землю ударилась,
 И тогда же, ошъ безмѣрныхъ жалости,
 На дѣшеи взирая, предала свой духъ.

А. Востоковъ.

НЕСЧАСТНОМУ.

Несчастный, не хули уставовъ Провидѣнья!
 Исполненъ благосми Всевышній Судя:
 И имѣтъ, кому онъ шлеть ужасныя мученья,
 Среди бѣдствія хранишь отраду бытїя.
 Не думай, чтобы я, блаженствомъ окруженный,
 Уроки мудрости несчастію читалъ;
 Нѣтъ, съ юности моей несчастьемъ ошягченный
 Я рано на себя все горе испыталъ.
 Мнѣ ясно все, что судьба меня лишила;
 Но, духомъ не упавъ, я облегчилъ ударъ:
 Благодарю ее за то, что сохранила
 Къ высокому во мнѣ священный чистый жаръ.
 Любишь поэзію, въ восторгахъ забываешься
 Еще въ младенчествѣ П. меня училъ,

Въ спрадальца онъ вдохнулъ искусство наслаж-
даться,

Бесѣдой д. мнѣ лучшей мѣръ открылъ.

Межъ нихъ я все съ себя жидейское свергаю,
Я выше бѣдъ земныхъ — и пламенной рукой
На жертвенникъ музъ мастники сожигаю,
И вдохновеніе лещешь надъ головой!

И. Балье.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ III ГЛАВЫ ЕВГЕНІЯ ОНѢГИНА.

*Ночный разговоръ Татьяны съ ея
матерью.*

« Не спится, няня, здѣсь такъ душно!

Открой окно, да сядь ко мнѣ. »

— Что, Таня! что съ тобой? — « Мнѣ скучно;

Поговоримъ о старинѣ. »

— О чемъ же, Таня! Я, бывало,

Хранила въ памяти не мало

Старинныхъ былей, небылицъ,

Про злыхъ духовъ и про дѣвицъ;

А нынѣ все мнѣ шемно, Таня;
 Чшо знала, шо забыла. Да,
 Пришла худая череда!
 Зашибло... — « Расскажи мнѣ, няня,
 Про ваши старыя года:
 Была шы влюблена шогда?»

— И, полно, Таня! Въ эти лѣта
 Мы не слышали про любовь;
 А шо бы согнала со свѣта
 Меня покойница свекровь. —
 « Да какъ же шы вѣнчалась, няня?»
 — Такъ, видно, Богъ велѣлъ. Мой Ваня
 Моложе былъ меня, мой свѣтъ,
 А было мнѣ принадлецань лѣтъ.
 Недѣли двѣ ходила сваха
 Къ моей роднѣ, и наконецъ
 Меня благословилъ отецъ.
 Я горько плакала со спираха;
 Мнѣ съ плачемъ косу расплели,
 Да съ пѣниемъ въ церковь повели.

И вотъ, ввели въ семью чужую...
 Да шы не слушаешь меня... —
 « Ахъ, няня, няня, я шоскую,
 Мнѣ шошно, милая моя,
 Я плакашь, я рыдашь гошова!... »

— Дитя мое, ты нездорова;
 Господь помилуй и спаси!
 Чего ты хочешь, попроси...
 Дай окроплю свяшой водою,
 Ты вся горишь... — « Я не больна.
 Я... знаешь, няня, ... влюблена. »
 — Дитя мое, Господь съ побою! —
 И няня дѣвушку съ мольбой
 Крестила дряхлою рукой.

« Я влюблена, » шептала снова
 Старушкѣ съ гореснью она.
 — Сердечный другъ, ты не здорова. —
 « Ославь меня: я влюблена. »
 И между пѣмъ луна сіяла
 И шомнымъ свѣпомъ озаряла
 Ташьяны блѣдныя красы,
 И распущенныя власы,
 И капли слезъ, и на склѣпкѣ
 Предъ героиней молодой
 Съ платкомъ на головѣ съдой,
 Старушку въ длинной пѣлогрѣйкѣ,
 И все дышало въ тишинѣ
 При вдохновишельной лунѣ.

А. Пушкинъ.

П Л Я С К А.

(Изъ Шиллера.)

Зри, какъ быстро чешы волною игривой кру-
жапся,
Чушь досылая земли рѣзвой, крылашной спо-
пой!
Тѣни ли зрю я эфирныя, свергшія шѣла оковы?
Эльфы ль въ сіяньи луны свѣтлою цѣпью
плывушь?
Какъ, зефиромъ колеблемый, дымъ струишся
лешучій,
Словно въ сребристыхъ зыбяхъ легкой колы-
шешся челязъ:
Скачешъ, монотешъ стопа подъ сладосшный
ладъ переливовъ;
Рокошъ, брицаніе спрунъ живосшь выиваешъ
въ шѣла:
Вошъ, какъ будшо стремясь разшоргнушь цѣпь
хоровода,
Тамъ, въ стѣснившійся рядъ мчшся ошважно
чеша.

Быстро предъ ней разступаешся ходъ, исчезая
 за нею;
 Словно волшебнымъ жезломъ вдругъ заграж-
 дается путь.
 Мигомъ опъ взоровъ она потерялась; въ смя-
 теніи дикомъ
 Гибнешъ плънищельный строй, двигаясь ру-
 шинся міръ.
 Нѣтъ, шамъ ликуя несешься она; развивается
 узелъ;
 Лишь въ измѣненной красѣ снова рождаешся
 чинъ.
 Вѣчно рушася, зиждется вѣчно, вращаясь, тво-
 ренье;
 Тайный законъ естества править игрой
 переменъ.
 Но опъ чего же, вѣщай, непрестанно враплятся
 предметы
 И въ движеньи существъ царствуешь вѣчный
 покой?
 Всякъ владыка, свободенъ, лишь сердца винушенью
 подвластенъ,
 И скоропечно спѣшишь общей, извѣстной
 стезей?
 Хочешь ли знать? То уставъ гармоніи, мощной
 богини:

Дружною пляской она буйный смиряетъ ска-
чокъ ;

Какъ Немезида, злешой сладкозвучья уздой укро-
щаетъ

Дикую радость души, пылкой, кипящей вос-
торгъ.

Или вошще для тебя рокошетъ музыка вселенной?

Иль не чаруетъ тебя стройнаго пѣнья потоковъ,

Ни восхитительный ладъ, согласіе чудное тва-
рей,

Ни круговой хороводъ, плавно въ простран-
ствахъ небесъ

Движущій свѣтлыя солнцы на поприщахъ, смѣ-
ло извиныхъ?

Мѣры, хранимой въ игрѣ, въ дѣйствіяхъ ты
не блюдешь.

П. Шкляревскій.

САДОВНИКЪ.

Какъ на небѣ свѣшло, когда остатки бури
 Пролетный свѣтъ въшрь съ увлажненной лазури!
 Какъ тихо на душѣ, когда, собой полна,
 Онъ суешныхъ спрасней избавился она!
 Не почешей обманъ, не зависни печали
 Подъ шаросшь мудреца къ предмѣсьню прико-
 вали,
 Гдѣ съ наслажденіемъ и славу и мечны
 Смѣнилъ онъ на свои деревья и цвѣшы.
 Презрѣвъ ничтожество забашливости праз-
 ной,
 Онъ пользу полюбилъ и трудъ однообразной.
 Одна молишва къ вамъ, благія небеса:
 Пошлине мнѣ въ удѣлъ сѣнисные лѣса!
 Въ пусшынломъ уголкѣ создавъ себѣ обшель,
 И въ дождь, и въ хладъ, и въ зной деревъ моихъ
 хранишь,
 Смягчая вкусъ плодовъ прививкой вѣжныхъ лозъ
 И шучной насыню лелѣя купы розъ,
 На Невскихъ ли берегахъ, или родимой Волги,
 Я вѣкъ бы проводилъ и счастливый и долгій.

Плетневъ.

П Р И К Л Ю Ч Е Н И Е.

Но ступицу песокъ и лѣсъ на насъ нависнулъ;
 Ужь ночь и сумеркомъ кругомъ заволоклось;
 Ямщикъ въ лѣсу лукаво свиснулъ:
 И чу, ему онозвалось....
 Зачѣмъ свиснишь ямщикъ лукаво?...
 «Зову!» съ усмѣшкой былъ онъ вѣсть,
 И зашумѣло за дубравой,
 И тамъ, и тамъ огни и свѣтъ...
 Ъзда: какъ шѣни, изъ подполья
 Ползунъ съ ножемъ и съ киспенецъ;
 Тома другихъ средь дикаго раздолья
 Булнинъ за ночнымъ огнемъ....
 И вотъ торчанъ рожны и колья:
 Звѣнниъ шопоръ и длинный ножъ....
 Но мы не оплошали пожъ:
 И наши сабли засверкали
 И грануль звонкой мускетонъ.
 Тушь схватка: рѣзались, кричали;
 Вездѣ огонь и кровь и снопъ....

Но если вы, друзья, уже пугаться стали:
Такъ не пугайтесь . . . это сонъ!

Ф. Глинка.

Э Л Е Г И Я.

(Изъ Парни).

1825.

Скажи, зачѣмъ меня ласкаешь
Твоя лилейная рука?....
Я знаю все! .. Не обольстивъ меня!...
Такъ какъ лампада угасаетъ
Въ порывахъ слабыхъ вѣтерка...
Угаснетъ скоро жизнь моя!....
Не умножай моихъ сираданій:
Они любви не возвращаютъ!
Пускай у сна огнемъ горятъ,
Пускай поцѣлуй вливаетъ пламень,
Но и тогда не оживятъ
Во мнѣ пошухнувшихъ желаній.
Я все на свѣшъ испыталъ....

Сначала друга увѣреньямъ
 Я вѣрилъ; онъ мнѣ намѣнилъ;
 И я къ любви за ушѣшеньемъ
 Съ улыбкой горесни спѣшилъ;
 Но дважды съ новымъ ослѣпльемъ
 Невѣрною обманушъ была!...
 Съ нѣхъ поръ ничшо не занимаетъ
 Спрадальца жизни. Предъ концемъ
 Одна надежда подкрѣпленъ,
 Настанетъ день... и вѣра увѣнчашъ
 Его спрадальческимъ вѣнцемъ!

В. Шеміотъ.

ОРЕЛЪ и ЧЕЛОВѢКЪ.

Съ подоблачной вершины горъ
 Орелъ подъ своды неба вьется,
 Вперивъ на солнце смѣлый взоръ,
 Громамъ и молніямъ смѣется;
 А человекъ, сей царь земли,
 Въ ничтожество своемъ щеславный,
 Мечтаетъ бытъ съ богами равный
 И пресмыкается въ пыли.

И. Игнатовскій.

★★

П Ъ С Н Ь Г Р Е К А.

Подъ небомъ Аѳинки богатой
 Цвѣла счастливая семья.
 Какъ мой отецъ, простой орамай
 За плугомъ пѣлъ свободу я.
 Но Турковъ злыя ополченя
 На наши хлынули владѣнья.
 Погибла мать, отецъ убишь,
 Со мной спаслась сестра младая,
 Я съ нею скрылся повсюду;
 За все мой мечъ вамъ опомспинишь.

Не лилъ я слезъ въ жестокомъ горѣ;
 Но грудь снѣснило и свело;
 Нашъ легкій чолнъ помчалъ насъ въ море;
 Пылало бѣдное село
 И дымъ столбомъ чернѣлъ надъ валомъ.
 Сестра рыдала — покрываломъ
 Печальный взоръ полужакрыла;
 Но, слыша тихое моленье,
 Я припѣвалъ ей въ утѣшенье:
 За все мой мечъ имъ опомспинишь.

Плаваемъ — и при лунѣ сребристой
 Мы видимъ крѣпость надъ скалою.
 Вверху какъ шѣнь на башнѣ мшистой
 Шагаль Турецкой часовой,
 Чалма склонилася къ нищамъ —
 Внезапно волны засверкали,
 И вотъ — въ рукахъ моихъ лежишь
 Безъ жизни два молодых.
 Я обнялъ шѣло, повноря:
 За все мой мечъ вамъ ономсннншь.

Востокъ румянился зарёю,
 Приспала къ берегу лядя,
 И надъ шумящею волною
 Сесирѣ могилу вырылъ я.
 Не мраморъ съ надписью унылой
 Скрываешь шѣло двѣхъ мглою,
 Нѣтъ, подъ скалою прунъ зарытъ;
 Но на скалѣ сей неизмѣнной
 Я начерналъ обѣщъ священной:
 За все мой мечъ вамъ ономсннншь.

Съ шѣхъ поръ меня Магомешане
 Узнали въ смычкѣ боевой.
 Съ шѣхъ поръ, какъ часто въ шумѣ браней
 Обѣщъ я повноряю свой!
 Ончизны гибель, смерть прекрасной
 Все, все припомню въ часъ ужасной.

И всякій разъ, какъ мечъ блестящій
И падаетъ глава съ чалмою,
Я говорю съ улыбкой злою:
За все мой мечъ вамъ опомнитъ.

Д. Веневитиновъ.

АВГУСТЪ МѢСЯЦЪ.

(1826 г.)

Ужь вошь и Мокрой Спасъ, (*) и Августъ
наступилъ;

И на воду сходили съ образами;
Священникъ первенцы во Храмъ освящилъ,
И съ водосвятия народъ идетъ толпами.—
Вошь льто красное почини ужь ошело!
Юль минулъ; ужь къ осени пошло,
И вошь она не за горами!

(*) Праздникъ, въ просморѣчій шакъ называемый, 1-го Августа.

Ужь стихшіи солнца лучь примѣтно сталъ
блѣднѣе,

И въ воздухѣ становились свѣже,

И зори спали холоднѣе,

И спали вечера день ото дня темнѣе;

Ужь бабочки къ стеклу вечернія юлялись;

Все какъ-то осенью и пахнешь и глядишь.—

Природы смолкнувшей спокоенъ, ясенъ видъ,

Какъ въ думѣ лѣсъ молчишь, и воды черныя
спрулись,

Какъ будто сътун опылкихъ жизни дняхъ.—

Въ поляхъ съ уборкой шевелятся;

Ужь сжата рожь, и на полѣ въ копнахъ,

И яровое пожелтѣло;

Поля съ гречихою давно ужь опцвѣли,

Въ садахъ созрѣвшими плодами зарябѣло,

На огородахъ все поспѣло.—

Вошъ и Осеннія работы подошли!

И принимающся нешулкою за дѣло.—

Ужь на гумнахъ скирды и здѣсь и шамъ стоятъ;

Овины сушатся; на ригѣ хлѣбъ моломятъ;

По жниву тяжкіе возы скрипаютъ—

Всѣ трудовую дань природѣ плапятъ.—

Съ вѣнчаннымъ класами челомъ

Въ поляхъ румяный Августъ зрѣетъ,

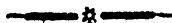
И на главѣ его роскошно шагошѣетъ

Кошница полная плодомъ.—

И снѣръ и мѣль, довольные шрудомъ, •
Весь день работѣ не покидаютъ
И на зиму занастъ обильный собираютъ.

Александръ Гиббовъ.

СЛЕЗЫ ПРОЩАНІЯ.

Благодарю тебя за слезы:
Роса ихъ утренней свѣжѣй
Взлелеяешь въ намяти моей
Неувядаемыя розы.
Я помнишь буду зноить часъ,
Ознаменованный разлукой:
Такъ, будь за жизнь и смерть за насъ
Онъ въ дружбѣ вѣрною порукой!

Когда въ враждѣ съ самимъ собой
Другими буду недоволенъ
И лживою шоской
Сердечнаго припадка болѣнь:
Прощанья вспомню я слезу,
И добрый вѣснникъ примиренья,

Она, какъ радуга спасенья,
Смиришь сердечную грозу.

Иль какъ слеза воздушной Перид
Изъ замоченья мрачныхъ думъ,
Къ надеждъ раскиворя двери,
Она искупишь грустный умъ.
Скажу себѣ: ночьъ жила не даромъ,
Къ кому слезою взоръ свѣтлѣлъ,
Кто сердце ближней тихимъ жаромъ
Священной дружбы разогрѣлъ.

Клизь Пяземскій.

ТЕЛЕМА И МАКАРЪ.

Телема ласкова, игрива,
Но черезчуръ нешерифлива:
Всегда душа ея полна
Младенческаго безпокойства.
Любила шалстника она
Совсѣмъ много съ нею свойства:
Макаръ не тужилъ ни о чемъ,
Ему покой всего дорожатъ.

Съ весельемъ шумнымъ не знакомъ,
 Онъ не знакомъ со скукой тоже;
 Заснешь онъ ночью крѣпкимъ сномъ,
 Едва глаза свои зажмуришь;
 Поутру вспанешь молодцомъ,
 День цѣлый послѣ балагуришь.
 Въ любви причудливой своей
 Къ Макару, часно несмертливой
 Была Телема. Милымъ ей
 Хотѣлось бышь богошворимой.
 Однажды чѣмъ-то оскорбись,
 Увлечшись живоснью сердечной,
 Въ упрекахъ горькихъ измѣлась
 Предъ нимъ она. Макаръ безпечной
 Покинулъ бѣдную смѣясь.
 Безъ друга скучно и уныло
 Тянулись дни. Изъ края въ край
 За нимъ бѣжашь она давай:
 Жить безъ Макара тошно было.
 Надежды вѣтренной полна
 Приходилъ ко двору она.
 Того ли встрѣтишь, или другаго;
 « Не здѣсь ли милый мой дружокъ,
 Макара иль ли дорогаго? »
 Никшо безъ хохоту не могъ
 Услышашь имени такаго:
 « Какой Макаръ шобой любимъ,

Какъ разлучилася ты съ нимъ,
 Чшо онъ, голубушка, за диво?
 Она въ отвѣтъ нестерпиво:
 « Нѣтъ лучше друга моего,
 Онъ добродушенъ, доброхошенъ,
 Веселонравенъ, беззабошенъ,
 Не ненавидишь никого,
 И самъ никѣмъ не ненавидимъ.»
 Спунай, отвѣнсивовавъ ей,
 Здѣсь нѣтъ его: такихъ людей
 Мы при дворѣ совсѣмъ не видимъ.

Рѣшилась дальѣ ииши
 Моя бѣглянка молодая,
 Зашла въ обшель по пупи,
 Макара мирнаго найши
 Въ сей мирной приснани мечтала.
 Игуменъ ей: сказашь ли вамъ?
 Его мы долго поджидали,
 Но признаюсь по пуснякамъ:
 Приюти ошъ бурь жишейскихъ намъ
 Въ замѣну снѣны наши дали?
 Одинъ задумчивый чернецъ
 Сказалъ вершушкѣ наконецъ:
 « О чемъ вы слѣпо возмечтали?
 Найдешся ль полно вашъ бѣглець?
 На шомъ онъ свѣтъ, мы слыхали.»
 Телему набожный мудрецъ

Чуть не избѣсилъ такимъ привѣломъ
 Его найду я, мой ошецъ,
 Не безпокойнися объ эпомъ;
 Нѣтъ, о Макарь' дорогомъ
 Не понапрасну я шокую:
 Одна я жизнь ему дарую,
 Не можетъ быть онъ въ мѣрѣ шомъ,
 Когда я въ эпомъ существуую.

Но гдѣ же встрѣчу друга я?
 Мечтаетъ сираница мол.
 Въ столицѣ — чьо же? не чудесно;
 Между нѣвцами вѣрно онъ,
 Конкорыми изображенъ
 Онъ споль искусно и прелесно.
 Одинъ изъ нихъ ей молвилъ шакъ:
 «Вы обманулися никакъ;
 Не появляса къ сожалѣнью
 И между нами вашъ чудакъ,
 Его поемъ мы кое-какъ
 По одному воображенью.»

Вошь Магнспрапъ. Она предъ нпмъ
 Глаза зажмурила и далъ;
 О нѣтъ, съ возлюбленнымъ моимъ
 Не встрѣчусь я въ судейской замъ!
 Тамъ нѣтъ его. Не спорю въ шомъ,
 Прельстившеса могъ бы онъ дворомъ,
 Дворъ полонъ чуднаго угара;

Но за присущимъ ея словомъ
 Възкъ не увижу и Макара!
 Надѣясь друга повспрѣчать,
 Телема снала навѣщанъ
 Гулянья, зрѣлища снолицы.
 Ко всѣмъ заглядывала въ лица
 По пуснякамъ. Приглашена
 Въ дома блестящія она,
 Гдѣ шь счастливицы председають,
 Которыхъ свѣтскимъ языкомъ
 Людми съ утонченнымъ умомъ,
 Людми со вкусомъ называють;
 Они привѣтливы лицомъ,
 Рѣчами веселы, свободны,
 И съ милымъ сердцу блѣнцемъ
 Ей показались очень сходны;
 Но чѣмъ съ Макаромъ дорогимъ
 Похожѣй бышь они старались,
 Тѣмъ онъ прямого сходства съ нимъ
 Они замѣнливый удалялись!

Тоска — печаль ее взяла;
 Наскуча бѣганъ по пусному
 Изъ мѣста въ мѣсто, побрѣла
 Она шихохонько до дому.
 Въ давно покинутый прикупъ
 Приходишь спрашива, и что же?
 Уже Макаръ съ улыбкой шумъ

Подругу ждалъ на брачномъ ложѣ.
 « Со мною въ мирѣ и любви,
 Онъ молвилъ, съ этихъ поръ живи,
 Живи, о лишнемъ не шюкую,
 И коль расшашься вновь со мной
 Не хочешь, ярава шпшнной
 Себѣ прійми мою дарую,
 Онъ угожденья моего
 Не требуй болѣе шого,
 Чшо я даю, чшо данъ могу я. »

Е. Баратынскій

ДНӨПРАМБЪ.

(На прївздѣ трехъ друзей.)

О радость, радость, я жизнью бывало
 Смова дышу!
 Тренещень лира:
 Въ струнахъ позабытыхъ
 Я звуковъ согласныхъ,
 И звуковъ жившшльныхъ
 Въ восшоргѣ шщу.

Гремишь, какъ прежде, подруга безсмертная;

Други, ко мнѣ!

Опишь досушенъ

Я смѣхамъ и пѣснямъ

И чашъ, вѣчанной

Минушными розами,

И сладкой любви.

Пришли три госпа въ обшеля пошону

Съ дальнихъ сторонъ:

Отъ Финновъ блѣдыхъ

Ледяноволосыхъ;

Отъ Рейна спарца;

Отъ моря сыпучаго

Азійскихъ песковъ.

Три гостя, съ дѣинства поварихи, спутники,

Братья мои!

За мной ко храму!

Я, плющемъ вѣчанной,

При гимнахъ священныхъ

Каспору и Поллуксу

Овна заколю.

Баронъ Дельвингъ.

РАЗСУДОКЪ И СТРАСТЬ.

Въ минуны свѣшавя спокойныхъ размышленій
Навѣкъ прощаюсь я съ Каменою моею,
И въ даръ ошь неба жду безвѣстныхъ тихихъ
дней.

Но вмгъ я чувствую: неизбежный геній
Снѣсненья грудь мою и распаленъ кровь;
Мнѣ лики виденя и раздаются звуки;
Я полонъ счастья, желанія и муки,
И вдохновеніе меня объемлетъ вновь.

: *Плетневъ.*

К Ъ Б Р А Т У.

По жизненной рѣкѣ веселыми брегами
Плыви, любезный братъ, не испытавъ бурь!

И дней швоихъ надъ ясными водами
Да свѣтлинъ вѣкъ безоблачно лазурь!
Созвѣздя крошкія, мерцающія отдаленья,
Привѣтно предъ тобою да озаряюшь край!

Будь кормчій швой благое Провидѣнье,
А стасиѣ парусъ окрплай!
Гигей нектаръ пий! Главу да увѣщаюшь
Эропы розами невянущей весны,
И, итжа швой покой, пусть бережно качаюшь
Твой одръ фанпазіи и золотые сны!
Будь приспанъ далека; не замедля бѣга,
Да въстры шихіе ладью швою несущъ;
Не знай усналоспи и якорь брось у берега,
Куда желанія челнокъ швой приведушь!

Плмгевскій.

С О Н Ъ З Л О Д Ъ Я .

(Изъ Садіа.)

Покоялся злодѣй, подѣ сводомъ позлащеннымъ,
И рѣзвья мечины порхали вокругъ него.
Ужель, воскликнула я, Морфей крыломъ волшебнымъ

Лелѣетъ наvertsа сего?

« Безумный, препещи, мнѣ нѣкій гласъ вѣщаешь;
« Злодѣя слабый сонъ прервушь слова швомъ;
« Познай, Всевышній злымъ покой низпосылаешь
« Чтobъ добрый ошдохнулъ минушу на земли.»

I 8

ВОСПОМНЕНІЕ.

(Изъ Ламартина).

Вотще бѣгутъ за днями дни,
Ихъ свѣтъ обманчивый измѣнится;
Ничто въ душѣ тебя не смѣнишь,
Послѣдній сонъ моея любви!

Лѣта промчались какъ мгновенья;
На нихъзираю въ грустинѣ я,
Какъ дубъ осенній вокругъ себя
Поблекшихъ листьевъ зришь паденье.

Ужъ имей легъ на мнѣ годовъ,
Кровь, прежде пылкая, нѣмѣетъ;
Такъ, облеченъ въ кору снѣговъ,
Источникъ быстрой цѣпейтелетъ.

Но образъ твой со мной всегда;
Душѣ подобно неизмѣнный,
Онъ не сшарѣетъ никогда
Въ моея груди воспламененной.

★★

Неопразимая въ мечтахъ,
 Во сладъ тебѣ я взоръ подымаю!
 Едва покинула ны землю,
 Тебя я взвидѣлъ въ небесахъ.

Ты тамъ бесѣдуешь со мною,
 Какъ въ ночь была послѣдній день,
 Когда въ безоблачную сѣнь
 Взлетѣла съ юною зарею.

И на же все и въ небесахъ,
 Съ тобой краса не размучилась;
 Угасла жизньъ въ швахъ очахъ,
 Но въ нихъ безсмертье засвѣщилось.

Къ тебѣ ласкаюсь горячо,
 Власы зефиры воздымаюшъ;
 На сѣго-бѣлое плечо
 Льняные кудри упадаютъ.

Занеженной завѣсы шель,
 Какъ флеръ извѣщаетъ предъ тобою;
 Твокъ царь, возставшій надъ водою,
 Новорожденный въ лѣтнхъ день.

Лучъ солнца, востанцій очи,
 Съ дасъ приходимъ и блжнны;

Но для любви моей нѣтъ ночи,
Твой вѣчный лучь во мнѣ горитъ.

Повсюду взоръ тебя срѣщаетъ,
Всему ны жизнь въ душѣ моей!
Волна мнѣ ликъ твой отражаетъ,
Зефиръ приноситъ звукъ рѣчей.

Въ тиши ль природы опѣненной
Листокъ дрожащій прошепчетъ,
Мнѣ манитъ: голосъ твой священный
О чемъ-то сердцу говоритъ.

Зажжены ли звѣзды сумракъ ночи,
Тебя я въ каждой арию изъ нихъ,
Которой свѣтъ, пахляя очи,
Влищаетъ болѣе другихъ.

Брожу ль въ задумчивомъ мѣлканьи
По песнорому ковру луговъ,
Въ восторгъ твою свое дыханье
Въ прелестномъ запахѣ цвѣтень.

Ты мнѣ слылаешь утѣшенца,
Когда, сокрытый отъ людей,
У милосердыхъ ангелей,
Иду въ молитвѣхъ насладенья.

Когда я сплю, не ты ли сны
 Мнѣ шлешь, шаясь въ пѣни прохладной;
 Прекрасные какъ цвѣтъ веслы,
 Какъ милой пѣни взглядъ оспрадный!

О, еслибъ средь мечпаний сихъ
 Я вдругъ отъ жизни отдѣлился;
 Съ какими бы счастливымъ пробудился
 Въ объятыхъ пламенныхъ швоихъ!

Какъ два луча, слѣлися въ эфирѣ,
 Какъ страшный вадоховъ двухъ полетъ,
 Слелись въ насъ души — и живутъ
 Еще швой другъ, забытый въ мирѣ.

И. Великопольскій.

Э П И Г Р А М М А.

Такого я успѣха
 Не ждалъ ирагедіи моей:
 Въ восторгѣ были всѣ отъ ней,
 Всѣ плакали... — « Отъ смѣха! »

М. Яковлевъ.

Д Р У З Ь Я.

(Е. А. Баратынскому.)

Вечеръ осенній сходилъ на Аркадію.—Юноши,
сшарцы,
Ръзвыя дѣши и дѣвы прекрасныя, съ раняго
упра,
Жазшія сокъ виноградный изъ гроздіи злашихъ,
благовонныхъ,
Всѣ собралися вокругъ двухъ сшарцевъ, друзей
знаменистыхъ.
Славны вы были друзья Палемонъ и Дамешъ!
счастливыцы!
Знали про васъ и въ Сициліи дальшой, средь
моря цвѣшущей;
Тамъ, на пасшушыхъ бояхъ хорошо искуснѣйшій-
ся въ пѣсняхъ,
Часно прошивниковъ дерзкихъ сражалъ не он-
вѣшнымъ вопросомъ:
Кіи Палемона съ Дамешомъ славиѣ по дружбѣ
примѣрной?
Кіи ихъ славиѣ по чудному дару испытывавашъ
лыиъ?

Такъ и теперь передъ ними, подъ пѣнью въш-
 вистныхъ плащановъ,
 Въ чашахъ рѣзныхъ и глубокихъ, вино молодое
 спояло,
 Брали они по порядку каждую чашу — и молча
 Къ свѣцу сморгали на цѣпигъ, обондали и думали
 долго,
 Пили, и судъ непреложный вмѣстѣ вино из-
 рѣкали:
 Это пиво молодое, а это на долгие годы
 Въ прокъ положимъ, что бы внуки, когда соз-
 волишь Кроніонъ
 Въкъ ихъ счастливо продлишь, подъ старость,
 за шрапезой шумной
 Пивши хвалялися имъ, расскажем пришельца
 внимаю.
 Толькожъ надъ винами судъ два спарца, два
 друга скончали,
 Вакхъ, языковъ разрѣшитель, судѣлъ ужъ близъ
 ихъ и не зримый
 Къ дружеской тихой бесѣдѣ насироилъ сѣдаго
 Дамена:
 « Другъ Палемонъ, съ улыбкою спарець промол-
 вилъ, дай руку!
 Вспомни шарикъ; еще я говаривалъ юношей
 бывши:

Здѣсь проходчиво все, одна не проходчива
дружба! —

Что же, слово мое не сбылось ли? Какъ думаешь,
вплывъ?

Что, кромѣ дружбы, въ душѣ сохранила ты?—
но и не жалю ,

Ношъ Геркулесъ! не жалю о томъ, что прошло;
твою дружбой

Сердце довольно вполне и веду я не къ этому
слово.

Нынѣ, но хочу а—кто знаетъ?— мы сныри! хочу
и бышь можешь ,

Нынѣ въ послѣднее, все рассказавъ, что опятъ
самого дѣлства

Въ сердцѣ ношу, о чемъ много говаривалъ, небо
за что я

Рано и поздно молилъ; Палемонъ, о чемъ буду
съ тобою

Часно бесѣдовалъ даже за Сшикомъ и Леной
шуманной.

Какъ мнѣ счастливымъ не бышь Палемона дру-
гомъ имѣя?

Манери наши, какъ мы, другъ друга съ дѣлства
любили ,

Вмѣстѣ познали любовь къ двумъ юношамъ ми-
лымъ и дружнымъ ,

Вмѣстѣ плоды понесли Гименей; другъ другу,
 младых
 Новыя тайны вѣрля, священныя обѣщанья поло-
 жили:
 Если боги, мольбы ихъ услышатъ, пошлютъ
 одной дочерь
 Сына другой, то сердца ихъ, невинныхъ, не-
 винной любовью
 Крѣпко свяжутъ и молить Гименей и бога Эроша,
 Да угодитъ ихъ жизнь двумъ песочникамъ,
 вмѣстѣ текущимъ;
 Пль виноградной лозѣ и сошкѣ прямой и высо-
 кой;
 Вѣрной опорой служишь одна, украшеньемъ
 другая;
 Еслижъ двѣ дочери, или два сына родятся, весь
 пламень
 Дружбы своей перелить въ ихъ младыхъ невин-
 ныхъ душихъ.
 Мы родились: нами манеры часто мѣнялись,
 Каждая сына другой живительной грудью пи-
 тала,
 Выплали мы дружбу и первое, что лишь запо-
 мнилъ я — мы были;
 Съ первымъ чувствомъ до мнѣ развилася лю-
 бовь къ Палемону.

Выросли мы — и въ жизни много опыноть
 тяжкихъ
 Боги на насъ посылали, мы дружбою все ула-
 дили.—
 Скорь и пылокъ я съ молоду былъ, меня все
 поражаю,
 Все увлекало; — ты — крошкоть, тихъ и съ шер-
 нѣньемъ чудеснымъ,
 Свойственнымъ только богамъ, милосерднымъ
 къ Яценовымъ дѣшымъ.
 Часно тебя оскорблялъ я, — смиренно сносила
 ты, мнѣ даже,
 Мнѣ не давая замѣнить, что я поразила твоё
 сердце.
 Помню какъ нынѣ, прощенья просилъ я и пла-
 калъ, ты жъ, другъ мой,
 Вдвое рыдалъ моего и крѣпко меня обнимая,
 Ты виноватымъ казался, не я. — Вошь ликовъ
 ты душою!
 Ежели всё меня любяшь, любяшь меня по ше-
 бѣ же:
 Ты сокрывалъ мои слабости; малое доброе дѣло
 Ты выславлялъ и хвалилъ: ты былъ все для
 меня и съ тобою
 Долгая жизнь пролетѣла какъ вечеръ веселый
 въ рассказахъ.

Счастливы я былъ! не боюсь умереть! предчув-
 ствуетъ сердце

Мы не надолго расстанемся; — скоро мы будемъ
 обнявшись

Вмѣстѣ гулять по садамъ Флицейскимъ и съ
 новою шѣною

Встрѣвшись мы спросимъ: что на землѣ? все
 такъ ли какъ прежде?

Други такъ ли тамъ любятъ какъ въ старые
 годы любилъ?

Что же услышимъ въ отвѣтъ: по старому
 родина наша

Съ новой весной цвѣтеть и подь осень плодо-
 ми пестрѣетъ,

Но друзей уже нѣтъ подобныхъ бывалымъ; не
 рѣдко

Слушалъ я, шарцы, за полною чашей веселыи
 рѣчи:

« Это вино дорогое! — его молодое хвалили
 Славные друзья Дамента съ Палеономъ; прошли
 пролегли

Тѣ времена! хоть ищи, не найдешь здѣсь людей
 имъ подобныхъ,

Славныхъ и дружбой и даромъ чудеснымъ по-
 пышывашь вина.» —

Баронъ Дельонгъ.

ВОСПОМИНАНІЕ.

Воспоминаніе, одинъ другъ вѣрный мнѣ,
Разнообразишь дни въ печальной споронѣ.
Бездѣиной пеленой покрылись неба своды
И мершвы красоты окованной природы,
А взоръ мой, въ эполѣ мигъ, пламясь и горя,
Объемлетъ съ жадносью привольныя моря,
А слухъ мой ловитъ гулъ и плескъ волны мя-
шежной,
Музыку вѣчную обипели прибрежной.

И. Петневъ.

О Д И Н О Ч Е С Т В О .

(Изъ Ламартина.)

Я часто на горѣ, дубами осѣненной,
 Всѣдую одинъ вечернею порой,
 И съ вышины мой взоръ блуждаетъ, удивленный
 Разнообразною природы красою.

Съдой хребетъ рѣка здѣсь съ шумомъ плавиваетъ,
 Въ шумахъ быстрыхъ спѣша сокрытъ струи;
 Вечерняя звѣзда свой образъ отражаетъ
 Прозрачна озеро во дремящей зыби.

Изъ-за вершины горъ, покрытыхъ мрачнымъ
 лѣсомъ

Румяная заря послѣдней мещетъ лучъ;
 И влажный свой покровъ вздымая надъ утесомъ
 Грядетъ царица шмы, среди прохладныхъ шумъ.

Тамъ съ башни древня обитали священнои,
 Пронзанный мѣди зломъ гласишь молшвы часть;

И пупшикъ, преклоня коленно умиленный,
 Слываешь съ звукомъ симъ свой благодарный
 глазъ.

Но душу хладную ничто не восхищаетъ,
 Давно привыкъ на мѣръ я безъ восшорга зрѣшь;
 Подобно призраку мой взоръ все пробѣгаетъ:
 Свѣтъ солнца мерливаго не можетъ ошогрѣть.

Вошще жидая взоръ на горы ошдаленны,
 Съ полночи на полдень, съ заката на восшокъ,
 Я мыслю вошусь во всѣ концы вселенной:
 Нигдѣ не ждешъ меня счастливой уголокъ.

Черпоги, хижинны, прелестныя равнинны,
 Разочарованный васъ нищенно нищеть глазъ!
 Источники, лѣса, пустынные долины,
 Одно бы сущесиво одушевило васъ!

Сокрышо ль шучами, свѣщило надъ главою,
 Иль яркій лучъ его сводъ неба золошнитъ,
 Я равнодушно зрю обильный злой шоскою:
 Миѣ дня счастливаго оно не освѣщипъ.

Когда бы я прошель весь мѣръ имъ озаренный,
 Вездѣ бъ глаза мои лишь пустышу пашли;
 Миѣ нечего желашъ во всѣхъ краяхъ вселенной;
 Я ничего не жду ужъ болъ на земли!

Быть можетъ въ шой спрайъ, гдѣ нуть оно
 кончается,

Туда спремится духъ жизнь нову воспріяшь;
 Гдѣ солнце истины міръ лучшій озаряешь,
 Увижу на яву, о чемъ лишь могъ мечтаться.

Тамъ, у источника верховнаго блаженства,
 Надежду и любовь я обрѣшу опятьъ,
 И мысленное то, небесно совершенство,
 Которое досель незнаю какъ называть!

О, если бы возмогъ я послѣдамъ Авроры
 Достигнушь до тебя, всѣхъ думъ моихъ пред-
 метъ!

Тобой полна душа, тебя лишь ищущъ взоры,
 Земнаго ничего во мнѣ ужь болѣ нѣтъ.

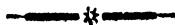
Летимъ поблекшій листъ, о мѣ вѣтви оплѣ-
 ченный,

И вѣтръ кружа его уносишь въ дальній локъ;
 Увиалъ подобно я, судьбой опятощеный;
 Неси вихрь и меня, куда назначилъ рокъ!

1 8

Ф І Л Л К А.

(Пѣдражаніе Пбизъ-Руми.)

Взгляни, средѣ радостныхъ полей,
Фиалка голубая
Цвѣщенъ, манитъ красой своей,
Сребромъ росы сверкал.
Такъ въ темно-голубыхъ очахъ
Красавицы - дѣвицы
Слеза сверкаетъ и блиститъ
На длинныя рѣсницы.

Ознобишникъ.

С О Н Ъ.

(Изъ Байрона.)

Друзья, внимайте: чудный сонъ!
 Гошуйте долгое перпънье!

Зарю лсныхнулъ небосклонъ;
 Проснулось къ радости творенье;
 Опъ вѣтерка спруинся знакъ;
 Цвѣны увлажены росю;
 Свиваясь дымной пеленою,
 Рѣдѣетъ на полянахъ мракъ,
 И восходящее свѣшило
 Все пышнымъ блескомъ озарило.

Ручья по тучнымъ берегамъ
 Щель юноша, песеля полный;
 Прозрачныя въ пошокъ волны
 Подобились его мечнамъ.
 Ничто души не возмуцало
 Еще не знающей страстей!

Онъ другомъ былъ природѣ всей;
 Но сердце пылкое искало
 Какой-то мщцы для себя;
 Оно любило — не любя,
 И въ наслажденіи — желало!

На сопровивныхъ берегахъ
 Я видѣлъ юную дѣвицу;
 Она — привѣнчивованъ денницу
 Шла также въ радостныхъ мечтахъ;
 Вънокъ изъ свѣжихъ розъ свивала,
 И улыбалась — и вздыхала!
 Ея невинный, свѣтлый взоръ
 Какимъ-то полонъ былъ желаньемъ,
 И тайный съ сердцемъ разговоръ
 Польстилъ какимъ-то ожиданьемъ.

Безпечный юноша поетъ
 Свободы пѣсню золотую;
 Но видишь прелестнь молодую,
 И вмигъ цѣвница издаешь
 Опзыбы про любовь свивую.
 Вздыхающъ оба — чувствува ихъ
 Смилсь въ одно, казалось, чувству.
 Приворсыва чуждо имъ искусство;
 Какъ ушра лучъ, ихъ пламень шихъ;
 Надежда, какъ струи зеркало;

* *

Ни страхъ, ни подозрѣннй жало
 Любви не оправляютъ ихъ, . . .
 Одинъ поетъ — другая внемлетъ.
 Ильца невинность наградишь:
 Вѣнокъ изъ рукъ ея ленишь,
 Но доно водъ его пріемлетъ. . . .

Перемѣнился чудный сонъ.

Среди мшистыхъ скалъ, абенский ск
 Очамъ представить замокъ древнй:
 Лучъ умирающй, вечернй
 На шпцахъ башенъ угасалъ
 И вранаръ спражу окликалъ,
 Въ семь замкѣ сумрачномъ являлся
 Упынь грознаго престолъ;
 И сонный лѣсъ, и дикй долъ
 Лишь крикомъ врановъ оглашался,
 И замка сводъ имъ ошлчалъ.
 Миѣ нонъ же жонна предсказъ;
 Но злополучя слѣдъ бурнй
 Спрадальца исказилъ видъ;
 И омрачился взоръ лазурнй,
 И розы сперлися съ ланишь,
 И слезы льются сожалѣнй;
 Онъ встрѣчу съ милой вспоминалъ,
 Промчался годы — онъ увиалъ!

И обманули наслажденья!
 Но пробудился сердца гласъ;
 Поетъ онъ пѣснь воспоминанью,
 И вдохновенію подѣ часть
 Величъ замихнушь въ немъ спаданью.

Плывеитъ изъ облака луна;
 И замка смотришь изъ окна
 Такъ юная его подруга,
 Но не его она супруга!
 Корыснолюбьемъ вручена
 За волюю любви пришеорной:
 И день и ночь осуждена
 Оплакивать свой пльнъ позорной.
 Она внимаешь гласъ пѣвца;
 Но строгій долгъ ей воспрещаетъ
 Уже невнятный даръ вѣнца:
 Пѣвецъ, какъ призракъ, убѣгаетъ. . . .

Переѣнился чудный сонъ.

Ондинъ являеися мнѣ онъ:
 Не юношей, но возмужалымъ;
 Издавна сираникомъ усналымъ
 Скипаеися въ сирани чужой
 Ушранъ съ жестокою мечной.
 Во вѣдѣхъ семействахъ гонимъ минушній,

Задумчивый средь нихъ пришлецъ ,
 Зришь сосираданіе сердець ,
 Но не покровъ оиъ бѣдъ пріютный ;
 И бродитъ изъ страны въ страну ,
 Или вѣрнется пучинамъ ;
 Несенся влажныхъ горъ къ вершинамъ ,
 Или бездны ачной въ глубину .
 Чуть шеплишь въ немъ пламень страсти ,
 Онъ къ иѣжнымъ чувствамъ охладѣтъ ;
 Виждали всѣ , какъ прежде иѣлъ ,
 Никто не внемлетъ иѣсьнаго напастн .
 Сражаешь слухъ нестройный звукъ ,
 Опзывъ души осиротѣлой ,
 И повѣснью сердечныхъ мукъ
 Скучаешь свѣта кругъ веселой . . .

Переменялся чудный сонъ .

Въ черпозъ роскошный пренесенъ ,
 Я зрѣлъ снѣжье вкуса съ златомъ ;
 И вновь явилась мнѣ она ,
 Малюшками окружена !
 Разсыпая на ковръ богатомъ
 Шумящимъ роемъ передъ ней ,
 Они съ безпечносью играли ;
 Но тусклый взоръ ея очей
 Своей игрой не оживляли .

Вотще супругъ, холодный къ ней,
 Спалъ полечисельный, итживй,
 Въ немъ будно тѣнь любви родилась:
 Она съ нимъ сердцемъ не дѣлилась.
 Вотще спѣшишь веселья въ храмъ;
 Печаль по вѣсѣмъ ея черпамъ
 Запечатлѣла слѣдъ глубокий,
 И часто, съ поприща утѣхъ,
 Гдѣ царствовалъ нескромный смѣхъ,
 Укроясь, слезъ лила попоки!
 О чемъ? не вѣдала; но сны
 Пропекаго являлись смущно:
 Какъ средь коварной глубины
 Исчезъ вѣнокъ, польстивъ мигушно,
 Тому, кто былъ впервые милъ,
 И вѣсть ихъ жребій разлучилъ!
 Вѣка свершилось прорицанье,
 Красавицы удѣлъ — страдаанье!

Перемѣнился чудный сонъ.

Явилась дѣбрь — со вѣхъ споронъ
 Пустыни знойная равнина.
 Страдалецъ томъ же мнѣ предсказъ,
 И та же на чель кручина:
 Но онъ спокойнѣй сердцемъ спалъ.
 Не жжетъ его ни солица пламеньъ,

Не устрашаетъ хладъ ночной;
 Безчувственъ, какъ гранистый камень,
 Среди окрестности пѣмой.
 Онъ весь въ желаньяхъ истощился,
 Облывшись съ призракомъ любви;
 И хладъ убійственный спрулся
 Въ медлительной его крови;
 И сердце пламенемъ напраснымъ
 Изнемило жизнь свою,
 Съ улыбкою и взоромъ яснымъ
 Сходя оный бездны на краю...
 Въ воображеннн одичаломъ
 Повсюду видѣть оный хаосъ,
 Но въ сердцѣ, къ радостямъ увлкомъ,
 Смихійныхъ не спрашнлся грозъ.
 Узрѣвъ мнръ новый, чрезвычайный,
 Незримыхъ жнителей небесъ
 Онъ умоляетъ пошомъ слезъ,
 Чтобъ бѣдъ источникъ обычный
 Навѣки сперь любви законъ,
 И ждалъ съ благоговѣньемъ оный
 Судебъ непоснжнмыхъ пашны...
 Здѣсь кончнлся мой чудный сонъ.

Дмитрнй Глббовъ.

ВЪ АЛЬБОМЪ А. П. В—ФЪ.

Въ судьбу я вѣрю съ юныхъ лѣтъ.
 Ея внушеніямъ покорной,
 Не выбрала я снѣзи придворной,
 Не полюбила я эполеи
 (Парида юности задорной),
 Но увлеченъ была мыслью вздорной,
 Мнѣ объявившей: ны познѣ.
 Всегда въ души моеи шажеломъ
 Судьба мнѣ снувицейъ была:
 Она мнѣ душу ошеела
 Въ прионѣ дружесива веселомъ,
 Гдѣ вѣсь узнала я, гдѣ яслии
 Моя душа заговорила
 И блескъ Гименовыхъ свѣчей
 Пророчесивенно полюбила.
 Такъ при уходѣ зимнихъ дней,
 Какъ солнце изгланешъ взоромъ вещнимъ,
 Еще до зелени полей
 Весны пѣвица въ краѣ здѣшнемъ
 Пѣлаешъ пѣсню своей.

Баронъ Дельвингъ.

П А Я Д А.

Если гротъ: Наяда тамъ въ полдневные часы
Дремошь предаешь усналыя красы,
И часно вижу я, какъ нимфа молодая
На лонъ лисивенномъ покоилась нагая,
На руку бѣлую подь говоръ ключевой
Склоняся челомъ, вѣщаннымъ осокой.

Е. Баратынскій.

ВЕЛИЧІЕ МІРА.

(*Подражаніе Шиллеру.*)

Опважнымъ замысломъ горю;
Чрезъ міръ, Созданелемъ воззванной
Изъ бездны хаоса туманной,
На крыльяхъ вихря я парю.

И шамъ, куда не долешишь
Земли шашпорное дыханье,
Гдѣ грозно вѣчнось возсѣдишь,
Предѣлъ открою мірозданья.

Въ полешъ зрѣлъ я сонмы звѣздъ:
На сводъ небесъ необозримый
Рукой могущею гонимы,
Онѣ текли изъ горнихъ мѣснъ;
Въ благоговѣйной тишинѣ
Неслися къ предреченной цѣли
И въ мрачной неба глубинѣ,
Какъ печи огненны, горѣли.

На быспрыжъ солнечныхъ лучахъ
Я ринулся въ пучину свѣта
И силой мощнаго полеша
Явился въ горнихъ небесахъ.
Я зрѣлъ, какъ подо мной вились
Огни по синевѣ тумана;
Міры горячіе лились,
Какъ рѣки въ бездну океана.

И вошь на дерзосномъ пуши
Срѣшаю пушника другаго. —
« Куда полешъ ума свѣтаго
« Дерзашъ пушникъ вознесши? »

Въ страну, куда не дошлишь
 Земли шашиворное дыканье;
 Гдѣ грозно вьзноситъ возсѣднѣ;
 Ищу предѣловъ мірозданья.

«Назадъ! Ты видишь: предѣ. шобой
 Обширный путь — оитъ безконеченъ!»
 И шбой полетѣ прѣбуденѣ вьченѣ:
 Предѣла міру гнѣтъ за мной! —
 Воображенѣ, опуснитъ
 Крыль ошважнаго полена;
 Конца міровѣ не обрѣснѣ:
 Великъ, чудесенѣ зоднѣ свѣта!

И. Ободовскій.

Э П И Г Р А М М А.

— * —

И шы поэтѣ, и оитъ поэтѣ;
 Но межѣ шобой и имѣ различіе находятѣ:
 Твои стихи въ печанѣ выходящѣ,
 Его стихи выходящѣ въ свѣтѣ.

Е. Б — й.

~~~~~

ПОДРАЖАНІЕ АРАБСКОМУ.

Клянусь коня волнистой гривой
И брызгомъ искръ его копытъ,
Что голосъ Бога справедливой
Надъ міромъ скоро прогремитъ!...

Клянусь пещерною зарёю
И блескомъ уира золотымъ;
Онъ семь небесъ своей рукою
Одно воздвигнулъ надъ другимъ!...

Не онъ ли яркими огнями
Зажегъ сой безпредельный сводъ?...
И онъ же легкими крылами
Парящихъ птицъ хранишь полётъ!

Когда же пламенной струею
Сверкающъ гордо небеса,
Надъ озаренною землею
Не Бога ли блестящъ краса?...

Безъ вѣры въ Бога мимо, мимо
 Промчишь радость бытія!...
 Пошлешь ли онъ огонь безъ дыма?
 И дымъ пошлешь ли безъ огня?...

Тютчевъ.

Н О Ч Ь.

Задумчивая ночь, смѣшивъ мятежный день,
 На все набросила шансишпенную шѣнь.
 Какъ опускѣлая, забвенная громада,
 Весь городъ предо мной. Съ вышины надъ ними
 лампада

Безъ блеска, безъ лучей унылая виситъ
 И шолько для небесъ недремлющихъ горитъ,
 Ихъ безпредѣльные, лазурныя равнины
 Во тмѣ освѣщены. Люблю шной каршины,
 Мерцанье звѣздъ швоихъ, поэзіи страна,
 Когда въ полночный часъ межъ нихъ стоитъ
 луна.

Съ какою жаждою, насытивъ ими очи,
 Впиваю въ душу я покой священный почи!
 Весь міръ души моей, созданіе мечны,
 Исполнень въ эшюнь мигъ небесной красоты.

Туда въ забвѣніи несусь , покинувъ землю ,
И здѣсь я не живу , не вижу и не вмешаю .

Плестневъ.

Б О Г Д А Н О В И Ч У .

Въ садахъ Элизія , у водъ счастливой Лены ,
Гдѣ благоденствующи ожившіе поэты ,
О Душенькинъ поэты , прими мои стихи !
Никакъ въ писанели попалъ я за грѣхи ,
И , надобѣз живымъ посланьями моими ,
Несчастливымъ мертвецамъ шеперь скачаю ими .
Нѣтъ нужды до того . Хочу въ досужный часъ
Съ тобой поговорить про Руской нашъ Парнасъ ,
Съ тобой , поэты живой , зашѣливый и иѣж-
ный ,
Всегда пѣвнищельный , хонь иѣсколько небреж-
ный ,
Чертамъ замѣннѣйшимъ лукавой оспроны
Дяющій милый видъ сердечной проспоны ,
И часно нагошу рисуя намъ безчинно ,
Почти беспыднымъ бытъ умѣющій невинно .
Не хладной шалосшью , но сердцемъ внушена ,
Веселосщъ ясная въ стихахъ швоихъ видна .

Мечты игривыя любовью были пѣсны,
 Въ печаль влюбилась мы. Новѣйшіе поэты
 Всего усерднѣе поютъ свою поску:
 На свѣтѣ поэтно жить, такъ бросишься въ рѣку!
 Иной бы молвилъ имъ. Увы, не въ этомъ дѣло!
 Имъ жить имъ, имъ писана еще ненадошло.
 И правду безъ зашвѣй сказавъ себѣ пора:
 Пришла къ музамъ ихъ Нѣмецкихъ музъ жан-
дра.

Жуковский виновать: онъ первый между нами
 Вошелъ въ содружество съ Германскими пѣв-
цами,

И сталъ передавать, забывши Царий страхъ,
 Жизнехуленья ихъ въ павильонныхъ спиткахъ.
 Прости ему Господь! Но чтоже? Все мараки
 Ударилась потомъ въ задумчивыя враки;
 У всѣхъ уныніемъ одѣлося чело,
 Душа увинула и сердце ошцѣло.

Какъ перинишь публика безуміе такое:
 Ты спросишь. Публикѣ накучило простое,
 Мудреное шеперь любезно для нее:
 У вѣка дряхлаго испортилось чушь.

Ты въ лучшемъ вѣкѣ жить: не столько просвѣ-
щенной,
 Являя онъ бодрый умъ и вкусъ неразвращенной

И видимъ мы его, въ примѣръ себѣ и срамъ,
 Непомыслимымъ безсмысленнымъ писцамъ;
 Я думаю, въ садахъ, гдѣ вѣчна зелень блещетъ,
 Понынѣ шѣнь шроя оиъ радосни пренецетъ
 Воспомяна денъ, сей денъ, когда нѣвца,
 Еце за милый шрудъ не ждавшаго вѣнца,
 Екатерина, дворъ, семьею шоропливой,
 Такъ леснио всшрѣтнми, изъ Душеньки шгривой
 Ошрывки цѣлые чиная наизусть!
 Сердца зависниковъ спѣснила злая грусть
 И на другой же денъ распросы о поэши
 И похвалы ему жужжами въ модномъ свѣшѣ.

Кто вкуса божествомъ шеперь служить бы намъ?
 Кто въ наши времена, и прозѣ и стихамъ
 Провозглашая судъ разборчивой и правой,
 Завѣдываши бы могъ Парнаскою управой?
 Судей особенныхъ на шо имѣемъ мы,
 Свой вкусъ услужливый пускающихъ въ наймы
 И, способовъ другихъ не зная къ проишанью,
 Торгующихъ у насъ хвалой своей и бранью;
 Даруешь между насъ и славу и позоръ
 Голоднымъ бѣшенствомъ внушенный приговоръ;
 О нашихъ судіяхъ не смѣю молвить слова;
 Но слушай, какъ честяиъ они одинъ другаго!
 Товарищъ каждаго глупецъ, невѣжда, враль:
 Повѣриши надо имъ, хотя повѣриши жаль.

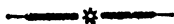
Какъ быть писателю? Въ пустыни благодатной
 Забывши модной свѣтъ, забывши свѣтъ печаль-
 ный,
 Какъ ты философъ мой, тайнѣся безъ грѣха,
 Избравъ въ содѣшники коня иль пѣшука
 И, въ тишинѣ шрудясь для собственнаго чувства,
 Въ искусствѣ находишь возмездіе искусства!
 Такъ въку вопреки, въ сей самый вѣкъ у насъ
 Сладкопоющихъ лиръ порою слышенъ гласъ,
 Благоуханный дымъ ошъ жерновы безкорыстной!
 Какъ вѣжливый Башюшковъ, Жуковский живо-
 писной,
 Неподражаемый, и цѣлую орду
 Злыхъ подражателей родившій на бѣду,
 Такъ Пушкинъ молодой, сей вѣреникъ бле-
 сиящій,
 Все подъ перомъ своимъ шумя живошворящій
 (Тебѣ, я думаю, знакомъ довольно онъ;
 Недавно ошъ него товарищъ швой Назонъ
 Посланье получилъ), любимцы вдохновенья,
 Не могутъ побѣдншъ сердечнаго влеченья,
 И между насъ поющъ, какъ нѣкогда Орфей
 Между мокнашихъ пѣлъ повѣрье старыхъ дней.
 Безсмертнѣ въ вѣкахъ имъ будетъ воздашьемъ.
 А я, владѣющій убогимъ дарованьемъ,
 Въ замѣну красоны, даю стихамъ моимъ
 Я силу истинны — а въ нихъ на блажь людскую
 Не ловко можешъ сыщъ, но смѣло негодую,

Что мыслю, то пишу. Когда то веселѣй
 И славилъ на зарѣ моихъ цвѣтущихъ дней
 Законы сладкіе любви и наслажденья:
 Другія времена, другія упражненья;
 Теперь зрѣлѣй мой умъ, черствѣй душа моя;
 Опять, когда умру, повеселѣю я!
 Тогда безпечныхъ музъ безпечнаго пиномца
 Прими, философъ мой, какъ стараго знаконца.

Е. Баратынскій.

ГЕНІИ-ХРАНИТЕЛЬ.

(Сносидѣніе.)

Грустный душою и сердцемъ больной, я на
 одрѣ мой, недавно,
 Кинулся; плаканъ хохотъ — не могъ и ропсалъ
 на безмерныхъ,
 Всѣ испытанья, всѣ муки, меня повсирѣчавшія
 въ жизни,
 Снова, казалось, и вмѣснѣ на душу, низелъ на насъ:
 Я усномился и сонъ въ меня усыпленіе пролить.
 Вижу — лежу я на камнѣ, покрытый весь рана-
 ми, цѣли
 Руки мои бременяцѣ, надо мною споннѣ и ры-
 даешь

★★

Юноша свѣтлый, крылатый, созданье иворя-
щаго Зевса.

« Бѣдный товарищъ, товарище! » онъ молвилъ
мнѣ. (Сладость внезапно

Въ грудь мою помялась — и я жадно спалъ див-
наго слушать!)

« Я ивой геній-хранитель! вижу улыбку укора,
Вижу болезненный взглядъ ивой, спрадалецъ,
и плачу.

Боги позволили мнѣ въ сновидѣнныи предупреди-
тельныи

Горе съ ивой раздѣлиться и ихъ оправданье предъ
ивоюю.

Любятъ смертныхъ они, и ужъ радость по волю
ихъ ждетъ васъ

Съ мрачной ладни принявъ и весни въ обитель
награды.

Но доколѣ вы здѣсь, вы игралище мощнаго рока;
Власный законы ужасные пишешъ онъ Пар-
камъ суровымъ.

Эрмій со мною (теби еще не было) посланъ
былъ Зевсомъ

Мгкъ возвѣстивъ, когда имъ выпряснъ ишь
ивоей жизни.

Видяи вельнью онъ и къ дѣлу руки просперан.
И подошелъ къ нимъ, каждую собственнымъ
именемъ назвалъ,

Низко главу наклонилъ и молчалъ всѣхъ вмѣстѣ
и рѣзно
Ровно ишь сѣю прясшь иль въ началѣ ее пере-
рѣзашь.
Нѣтъ, и просьбы и слезы были напрасны! дико
Пѣсню запѣли онѣ и въ перстахъ врешено за-
кружилось.»

Баронъ Дельвингъ.

КЪ * * *

Я помню чудное мгновенье:

Передо мной явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ гений чистой красоты,

Въ помятыхъ грусти безнадежной,
Въ тревогахъ шумной суеты,
Звучалъ мнѣ долго голосъ ищущий
И снился милый черты.

Шли годы. Бурь порывъ мятежный
Разсѣялъ прежнія мечты,
И я забылъ твой голосъ ищущий,
Твои небесныя черты.

Въ глуши, во мракѣ започенья
 Тянулись тихо дни мои
 Безъ божества, безъ вдохновенья,
 Безъ слезъ, безъ жизни, безъ любви.

Душѣ насмало пробужденье,
 И вошь опиянь явилась ты,
 Какъ мимолетное виденье,
 Какъ гений чистой красоты.

И сердце бьется въ упоеньѣ
 И для него воскресли вновь
 И божество, и вдохновенье
 И жизнь и слезы и любовь!

А. Пушкинъ.

---

19 О К Т Я Б Р Я. (*)

Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ,
 Сребришь морозъ увянувшее поле,
 Проглянетъ день, какъ будто по неволѣ,
 И скроется за край окружающихъ горъ.

(*) 19 Октября 1811 года было открытіе Императорскаго Царскосельскаго Лицея.

Пылай, кампнь, въ моей пусынной кельѣ;
 А ты, вино, осенней служби другъ,
 Пролей мнѣ въ грудь опрадное похмѣлье,
 Минушное забвенье горькихъ мукъ.

Печалень я: со мною друга цѣпть,
 Съ кѣмъ долгую занялъ бы я разлуку,
 Кому бы могъ пожать оны сердца руку
 И пожелать веселыхъ много лѣтъ.
 Я пью одинъ; вошце воображенье
 Вокругъ меня товарищей зоветь;
 Знакомое не слышно приближенье
 И мнѣлаго душа моя не ждентъ.

Я пью одинъ, и на берегахъ Невы
 Меня друзья сего дня именуютъ...
 Но многіе ль и шамъ изъ васъ нируютъ?
 Еще кого не дощипались вы?
 Кто измѣнилъ плѣншительной привычкѣ?
 Кого оны, васъ увлекъ холодный свѣтъ?
 Чей гласъ умолкъ на брашской перекличкѣ?
 Кто не пришелъ? Кого межъ нами нѣтъ?

Оны не пришелъ, кудрявый нашъ пѣвецъ,
 Съ огнемъ въ очахъ, съ гитарой сладкогласной;
 Подъ миршами Ипполита прекрасной
 Оны шихо спитъ, и дружескій рѣвецъ.

Не начертая надъ Русскою могилой
 Словъ нѣсколько на языкѣ родномъ,
 Чѣшобъ нѣкогда нашелъ привѣтъ, унылой
 Сынъ сѣвера, бродя въ краю чужомъ.

Сидишь ли ты въ кругу своихъ друзей,
 Чужихъ небесъ любовникъ безпокойный?
 Или снова ты проходишь шпропикъ знойный
 И вѣчный ледъ полуночныхъ морей?
 Счастливымъ луть! съ лицейскаго порога
 Ты на корабль перешагнулъ шумя,
 И съ той поры въ моряхъ швола дорога,
 О волнъ и бурь любимое дитя!

Ты сохранилъ въ блуждающей судьбѣ
 Прекрасныхъ лѣтъ первоначальны нравы,
 Лицейскій шумъ, лицейскія забавы
 Среди бурныхъ волнъ мечшались тебѣ;
 Ты просширалъ изъ-за моря намъ руку,
 Ты насъ однихъ въ молодой душѣ носмалъ
 И повшорялъ: на долгую разлуку
 Насъ тайный рокъ, бышь можешь, осудилъ!

Друзья мои, прекрасенъ нашъ союзъ!
 Онъ какъ душа не раздѣлимъ и вѣченъ —
 Не колебимъ, свободенъ и безпеченъ
 Сросшася онъ подъ сѣнью дружныхъ музъ.

Куда бы насъ ибросила судьбина
 И счастье кудабъ ни повело,
 Все шѣже мы: намъ цѣлый міръ чужбина;
 Ошечество намъ Царское-село.

Изъ край въ край преслѣдуемъ грозой,
 Запущанный въ сѣняхъ судьбы суровой,
 Я съ пренеомъ на лоно дружбы новой,
 Успавъ, приникъ ласкающей главой...
 Съ мольбой моею печальной и мясешной
 Съ доврчивой надеждой первыхъ лѣтъ,
 Друзьямъ шнымъ душой преданъ шжной;
 Но горекъ былъ не брашскій ихъ привѣтъ.

И нынѣ здѣсь, въ забышой сей глуши,
 Въ обншли пустынныхъ вьюгъ и хлада,
 Миѣ сладкая тошолмась ошрада:
 Тройхъ изъ васъ, друзей моею души,
 Здѣсь обнлъ я. Позна домъ опальный,
 О * — мой, ты первый пошнилъ;
 Ты усладилъ изгнанья день печальный,
 Ты въ день его Лицемъ превратилъ,

Ты * —, счастливецъ съ первыхъ дней,
 Хвала тебѣ — фортуны блескъ холодной
 Не замѣнилъ души швоею свободной:
 Все шомъ же ты для чести и друзей —

Намъ разный путь судьбой назначенъ строгой;
 Сступая въ жизнь, мы быстро разошлись,
 Но невзначай проселочной дорогой
 Мы всшрѣнились и браиски обились.

Когда постигъ меня судьбины гнѣвъ,
 Для всѣхъ чужой, какъ сирота бездомной,
 Подъ бурюю главой покинь я шомной
 И ждалъ шебя, вѣщунъ Пермесскихъ дѣвъ,
 И ны пришелъ, сынъ лѣни вдохновенный
 О * -- мой: швой голосъ пробудилъ
 Сердечный жаръ шакъ долго усыпленный
 И бодро я судьбу благословилъ.

Съ младенчества духъ пѣсенъ въ насъ горѣлъ
 И дивное волненье мы познали,
 Съ младенческа дѣвъ музы къ намъ лезали
 И сладокъ былъ ихъ лаской нашъ уделъ.
 Но я любилъ уже рукоплесканья;
 Ты гордый пѣлъ для музы и для души,
 Свой даръ какъ жизнь я шрашилъ безъ вниманья,
 Ты геній свой восшисывалъ въ виши.

Служенье Музъ не терпимъ суеты;
 Прекрасное должно бышь величаво;
 Но юность намъ совѣшуетъ лукаво
 И шумныя насъ радуютъ мечны.

Опомнимся — но поздно! и уныло
 Глядимъ назадъ, слѣдовъ невиди память.
 Скажи * —, неполь и съ нами было,
 Мой бранъ родной по Музѣ, по судьбамъ?

Пора, пора! душевныхъ нашихъ мукъ
 Не смонимъ мръ; оставимъ заблужденъ,
 Съкроемъ жизнь подъ снѣгъ уединенъ!
 Я жду тебя, мой запоздалый другъ —
 Приди; огнемъ волшебнаго разсказа
 Сердечныя преданья оживи,
 Поговоримъ о бурныхъ дняхъ Кавказа
 О Шиллерѣ, о славѣ, о любви.

Пора и мнѣ . . . . пируйше о друзья!
 Предчувствую опрадное свиданье;
 Запомнишежъ полна предсказнице:
 Промчнися годъ и съ вами снова я.
 Исполнише завѣщъ моихъ мечтаний;
 Промчнися годъ и я явлюся къ вамъ!
 О сколько слезъ и сколько восклицаній
 И сколько чашъ подылиныхъ къ небесамъ!

И первую помѣй, друзья, помѣй!
 И всю до дна въ честь нашего союза!
 Благослови, ликующая Муза,
 Благослови! да здравствуетъ Лицей!

Наставникамъ, хранившимъ юность нашу
 Всѣмъ честнѣю, и мертвымъ и живымъ,
 Къ уснамъ подъявъ признательную чашу,
 Не помня зла, за благо воздадимъ.

Пируйне же, пока еще мы тушъ!
 Увы, нашъ кругъ часъ оиъ часу рѣдѣетъ;
 Кио азъ гробъ сиинъ, кпо дальнѣй спирошѣетъ!
 Судьба глдишъ, мы винемъ; дни бѣгутъ;
 Невидимо склоняся и хладѣя,
 Мы близимся къ началу своему....
 Когу жъ изъ насъ, подспиросиъ день Лицел
 Торжеснивовашъ приденся одному?

Несчастнѣй другъ! средь новыхъ поколѣнѣй
 Докучнѣй госиъ и лишнѣй и чужой,
 Онъ вспомнитъ насъ и дни соединенѣй,
 Закрывъ глаза дрожащею рукой...
 Пускай же онъ съ ошрадой хонъ печальной
 Тогда сей день за чашей проведенѣй,
 Какъ нынѣ я, зашворникъ вашъ опальной,
 Его провелъ безъ гора и забонъ.

А. Пушкинъ.

1825.

К О Н Е Ц Ъ.

1014

1014

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

MAY 29 1971 H

1528-410

WISCONSIN

1946 - 1970

CANCELLED

